Военные мемуары

1941
1942

Герой Советского Союза
Л.М. Павличенко

Я – СНАЙПЕР

В боях за Севастополь и Одессу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний Героя Советского Союза, знаменитого снайпера Великой Отечественной войны Л.М. Павличенко подробно рассказывает об обороне Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг., о фронтовой службе сверхметких стрелков, а также о поездке советской комсомольско-молодежной делегации в США на Всемирную студенческую ассамблею осенью 1942 г.

- Людмила Михайловна Павличенко
  - Слово к читателям
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Людмила Михайловна Павличенко
Я – снайпер. В боях за Севастополь и Одессу

Слово к читателям

Герой Советского Союза Л.М. Павличенко – единственная женщина-снайпер, чей личный счет достигает 309 уничтоженных солдат и офицеров противника. Она – в числе наиболее известных у нас в стране и в мире РЯДОВЫХ участников Второй мировой войны. В 1942–1945 гг. на советско-германском фронте распространили более ста тысяч листовок с ее портретом (а Людмила Михайловна была красивая женщина) и призывом: «Бей врага без промаха!» После ее смерти в 1974 году имя Людмилы Павличенко было присвоено судну Министерства рыбного хозяйства СССР, школе № 3 города Белая Церковь Киевской области, где она училась с первого по седьмой класс, одной из улиц в центре Севастополя.

Полная и подлинная биография героини читается как увлекательный роман.

В нем есть трагические страницы, ведь Павличенко, вступив добровольцем в ряды Красной армии 26 июня 1941 года вместе со своим 54-м стрелковым полком, проделала тяжелый путь отступления от западных границ до Одессы. Есть страницы героические: при обороне этого города она за два месяца уничтожила 187 фашистов. Оборона Севастополя прибавила славы лучшему снайперу 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, поскольку теперь ее личный счет возрос до 309 убитых врагов. Но есть и страницы лирические. На войне Людмила встретила свою большую любовь. Храбрый однополчанин, младший лейтенант Алексей Аркадьевич Киценко стал ее мужем.

По решению И.В. Сталина в августе 1942 года комсомольско-молодежная делегация в составе Н. Красавченко, В. Пчелинцева и Л. Павличенко вылетела в США для участия в работе Всемирной студенческой ассамблеи. Комсомольцы должны были агитировать за скорейшее открытие второго фронта в Западной Европе…

Несмотря на запрет, Павличенко вела на войне дневник. Она делала в нем подчас очень короткие записи. Да и не каждый день снайперу удавалось взять в руки карандаш или ручку. Бои в Севастополе отличались упорством и ожесточением.

Выйдя в отставку в 1953 году в звании майора береговой службы ВМФ, Людмила Михайловна вспомнила о своих фронтовых записях. Будучи по образованию историком, она серьезно относилась к мемуарам и считала, что публикация их потребует длительной работы в библиотеках и архивах. Первый шаг к этому она сделала в 1958 году, когда по заказу Госполитиздата написала небольшую документальную брошюру

(72 стр.) «Героическая быль. Оборона Севастополя», а затем и ряд статей для разных сборников и журналов. Но это были не воспоминания о снайперской службе, а скорее обобщенный рассказ об основных событиях, которые разворачивались на переднем крае и в тылу Севастопольского оборонительного района с октября 1941-го по июль 1942 года.

После этих публикаций Л.М. Павличенко в 1964 году приняли в Союз журналистов СССР, где она стала секретарем военно-исторической секции московского его отделения.

Тесное общение с коллегами по перу, активное участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения привело ее к мысли о том, что книга, написанная старшим сержантом, командиром взвода сверхметких стрелков с достоверным рассказом о многих деталях и подробностях пехотной службы, может быть интересна современному читателю.

К концу 60-х годов стали выходить в свет не только воспоминания крупных военачальников об удачных операциях Советской Армии в 1944 и 1945 годах, но и правдивые рассказы командиров и политработников Красной армии о трудном, даже трагическом начале Великой Отечественной войны. К числу таких книг можно отнести воспоминания И.И. Азарова «Осажденная Одесса» (М.: Воениздат, 1966), сборник «У черноморских твердынь» (М.: Воениздат, 1967), где поместили свои статьи бывший командир 25-й Чапаевской дивизии Т.К. Коломиец и сослуживец Л.М. Павличенко, бывший комсорг 54-го полка Я.Я. Васьковский, мемуары рядового участника Одесской обороны Н.М. Алещенко «Они защищали Одессу» (М.: изд-во ДОСААФ, 1970).

Прочитав их, Людмила Михайловна приступила к работе.

Теперь ей хотелось написать именно о службе снайпера на фронте и подробно обо всем, что связано с этой воинской профессией: методы подготовки, тактика на поле боя и особенно – оружие, которое она отлично знала и очень любила. В 40—50-е годы разглашать подобную информацию не разрешалось. Однако без нее повествование о борьбе сверхметких стрелков с противником был бы неполным. Помня о прежних инструкциях, Павличенко тщательно подбирала материал, искала лучшую литературную форму для своей рукописи. Ей стало ясно, что двадцать лет, прошедшие с окончания Великой Отечественной войны, никак не способствуют скорому воплощению замысла. Многое вспоминалось с трудом, многое из записей оказалось утраченным. Кроме того, немало ценных документов и фотографий из своего архива, а также – личных вещей она уже передала в музеи: в Центральный музей Вооруженных Сил СССР в

Москве и в Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя.

К сожалению, тяжелая продолжительная болезнь помешала знаменитой героине вовремя завершить работу и увидеть мемуары снайпера опубликованными. Фрагменты этой рукописи сохранились благодаря усилиям Любови Давыдовны Крашенинниковой-Павличенко, вдовы сына Людмилы Михайловны Ростислава Алексеевича Павличенко.

Бегунова А.И.,

составитель

Глава 1
Заводские стены

Летом 1932 года в жизни нашей семьи произошла значительная перемена. Из захолустного городка Богуслав, что лежит на юге Киевской области, мы переехали в столицу Украины и поселились в служебной квартире, предоставленной моему отцу Михаилу Ивановичу Белову. Он, будучи сотрудником Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), получил должность в центральном аппарате этого ведомства в награду за добросовестное исполнение своих обязанностей.

Человек он был основательный, строгий, преданный службе. Смолоду начав работать слесарем на крупном заводе, он побывал на фронтах Первой мировой войны, вступил в ряды Коммунистической партии – тогда она называлась РСДРП(б), – участвовал в революционных событиях в Петрограде, потом служил комиссаром полка в 24-й Самаро-Симбирской «Железной» дивизии, воевал с белогвардейскими отрядами Колчака на Среднем Поволжье, Южном Урале. Демобилизовался из Красной армии в 1923 году, в возрасте 28 лет. Но привязанность к военной форме сохранил до конца дней, и мы по большей части видели его в одной одежде: габардиновый френч защитного цвета с отложным воротником, с орденом Красного Знамени на груди, темно-синие брюки-галифе и хромовые офицерские сапоги.

Естественно, что последнее слово при семейных спорах – если таковые и случались – оставалось за папой. Но моя добрая матушка Елена Трофимовна Белова, выпускница женской гимназии в городе Владимире, умела смягчать суровый нрав отца. Она была красивая женщина с гибкой, словно точеной фигурой, с пышными темно-каштановыми волосами и карими глазами, которые освещали ее лицо каким-то необычным светом.

Она хорошо знала иностранные языки и преподавала их в школе. Ученики ее любили. Превращая урок в игру, мама добивалась отличного запоминания всех европейских, странных для русского уха слов. Дети у нее не только прекрасно читали, но и говорили.

Так же настойчиво она занималась с нами: моей старшей сестрой Валентиной и со мной. Благодаря ей, мы рано познакомились с русской классической литературой, ибо сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Максима Горького, Куприна имелись в нашей домашней библиотеке. Моя сестра в силу мягкого, мечтательного характера

оказалась более восприимчива к литературным образам. Меня же привлекала история, точнее говоря – военное прошлое нашей великой страны.

До Богуслава мы несколько лет жили в городе Белая Церковь Киевской области. Там я училась в школе № 3, там беззаботно протекли мои детские и отроческие годы. У нас на улице Привокзальной образовалась дружная компания. Мы играли в «казаки-разбойники», летом катались на лодках-плоскодонках по здешней реке Рось, гуляли в старинном и очень красивом парке «Александрия», осенью совершали набеги на окрестные сады. Я верховодила в ватаге подростков потому, что лучше всех стреляла из рогатки, быстрее всех бегала, хорошо плавала и никогда не боялась затеять драку, первой стукнув обидчика кулаком по скуле.

Дворовые развлечения закончились, едва мне исполнилось пятнадцать лет. Причем кончились внезапно, в один день. Оглядываясь назад, я могла бы сравнить его с концом света, с добровольным ослеплением, с потерей рассудка. Такова была моя первая, школьная любовь. Память о ней осталась со мной на всю жизнь в виде фамилии этого человека – ПАВЛИЧЕНКО.

По счастью, мой сын Ростислав совсем не похож на отца. У него добрый, спокойный нрав и внешность, характерная для членов нашего семейства: карие глаза, пышные темные волосы, высокий рост, крепкое телосложение. Все-таки он принадлежит именно к роду БЕЛОВЫХ и достойно продолжает наши традиции служения Отечеству. Слава с отличием закончил юридический факультет Московского университета и Высшую школу КГБ. Он с честью носит звание советского офицера. Я им горжусь…

На новом месте в Киеве мы обустроились довольно быстро, стали понемногу привыкать к большому и шумному столичному городу. Отца мы видели мало, он задерживался на службе допоздна. Потому наши задушевные беседы с ним обычно происходили на кухне после ужина. Мама ставила на стол самовар, и за чашкой чая мы могли обсуждать с родителями любые темы, задавать им любые вопросы. Так вскоре и произошел главный разговор.

– Что теперь собираетесь делать, милые дети? – спросил нас папа, медленно попивая горячий чай.

– Пока не знаем, – первой по праву старшинства ответила Валентина.

– Вы должны подумать о работе, – сказал он.

– Какой работе? – удивилась моя сестра.

– О хорошей работе, в хорошем месте, с хорошей зарплатой.

– Но, папа, – возразила я, – у меня только семь классов

образования, я хочу учиться дальше.

– Учиться, Людмила, никогда не поздно, – твердо произнес отец. – А вот начать трудовую биографию, причем – с правильной записи в анкете – нынче самое время. Тем более что я уже договорился, вас возьмут.

– Куда это? – капризно поджала губы моя сестра.

– На завод «Арсенал»…

Если двигаться от парка «Аскольдова могила», то слева будет простираться широкая водная гладь Днепра, а справа начнется прямая и не слишком длинная улица Арсенальная (в 1941 году переименована в Московскую. – *Примеч. сост.*). В начале улицы находится здание весьма внушительного вида. Это – Арсенальные мастерские, построенные при императоре Николае Первом. Говорят, сам царь заложил первый кирпич в их фундамент. Стены получились двухметровой толщины, высотой в два этажа и по цвету кирпичей – светло-желтые, отчего местные жители стали называть все строение «фарфоровым».

Однако к тонким изделиям из глины ни мастерские, ни завод, к ним примыкающий, отношения не имел. Основан он был по распоряжению царицы Екатерины Великой и строился долго: с 1784 по 1803 год. Делали на нем пушки, лафеты, ружья, штыки, сабли, палаши, разное военное снаряжение.

В советское время мощное оборонное предприятие освоило еще и выпуск продукции, нужной для народного хозяйства: плуги, замки, пароконные повозки, оборудование для мельниц и сахарных заводов. Работали «арсенальцы» с полной отдачей сил и в 1923 году удостоились награды от правительства Украины – ордена Трудового Красного знамени.

Здание завода мне понравилось с первого взгляда. Оно сильно напоминало крепость. Прямоугольное по форме своей (168 × 135 м), с большим внутренним двором, с башней, с закругленными внешними стенами, где первый ярус украшал крупный дощатый руст, строение это казалось сошедшим с древней батальной гравюры. Не хватало лишь рва под стенами, подъемного моста через него и тяжелых ворот, которые охраняли бы воины в блестящих доспехах.

Нас с сестрой после выполнения некоторых формальностей (например, подписки о неразглашении государственной тайны) причислили к гарнизону сей «крепости». Валентину – нормировщицей, так как ей уже исполнилось восемнадцать и она имела аттестат о среднем образовании. Меня – чернорабочей по малолетству (мне было всего 16) и отсутствию каких-либо профессиональных навыков.

Полгода мне хватило, чтобы войти в ритм заводской жизни и

подружиться с самими заводчанами. Меня приняли в комсомол. В мае 1934 года я перешла в токарный цех, где около месяца пробыла в ученицах, затем получила право на самостоятельную работу и скоро достигла квалификации токаря шестого разряда.

Интересное это было время.

«Арсенал» менялся прямо на наших глазах. Поступали новые, уже отечественные станки, монтировалось более совершенное оборудование, вступали в строй новые производственные мощности, реконструировались старые помещения. Заводской люд, видя усилия власти, направленные на рост промышленности, отвечал ей ударным трудом. Кстати говоря, заметно росли и расценки, а ведь все станочники нашего цеха работали по сдельной оплате.

Мне тоже не приходилось жаловаться. У меня был токарно-винторезный станок с коробкой управления скоростями «ДИП300» («Догоним и перегоним капиталистические страны»), выпущенный московским заводом «Красный пролетарий» в 1933 году. Он предназначался для обработки цилиндрических, конических и сложных поверхностей, не только наружных, но и внутренних.

Вот я и обрабатывала.

Как сейчас вспоминается, по большей части – заготовки валов для всевозможных редукторов. За один проход резца снимала от 0,5 мм до 3 мм (и больше) металла. Скорость резания выбирала в зависимости от твердости материала и стойкости резца. В основном у нас применялись резцы из высокоуглеродистой стали. Хотя бывали и другие – с припаянными пластинами из сверхтвердых сплавов вольфрама и титана.

Вьющаяся из-под резца синевато-фиолетовая металлическая стружка до сих пор кажется мне невероятно красивой. Как ни тверд металл, он поддается силе человека. Нужно лишь изобрести такую хитрую машинку…

Наш завод, объединяя людей в труде, предоставлял им возможность с толком проводить свое свободное время. Правда, заводской клуб ярким и богатым оформлением не отличался. Он был небольшим, даже тесным. Впрочем, его помещений хватало для занятий разных кружков: театрального «Синяя блуза», ИЗО-студии, где учили рисовать, кройки и шитья, очень полезного для женщин, планерного и стрелкового. В актовом зале регулярно устраивали замечательные праздничные вечера «Встреча трех поколений», на которых чествовали ветеранов революции и Гражданской войны, молодых производственников, перевыполнявших нормы на 50 и более процентов.

Поначалу я с подругой – она меня уговорила – отправилась в

планерный кружок. Об авиации и подвигах авиаторов много писали в газетах. Так что мы с энтузиазмом посещали теоретические занятия и сосредоточенно конспектировали лекции бравого лейтенанта ВВС о подъемной силе крыла. Однако первый же полет с инструктором здорово охладил мой пыл. Когда травяное поле аэродрома быстро-быстро помчалось навстречу и затем вдруг резко ушло куда-то вниз, голова у меня закружилась, к горлу подступила тошнота. «Значит, воздух – не моя стихия, – подумалось мне. – Я – человек сугубо земной и должна опираться на твердую почву…»

Инструктор заводского стрелкового кружка Федор Кущенко работал в нашем цехе и постоянно агитировал молодежь, приглашая ходить в тир. Сам он недавно отслужил срочную службу в Красной армии, увлекся там пулевой стрельбой и уверял, будто в полете пули и попадании ее в цель есть нечто завораживающее.

Парень симпатичный и обаятельный, Федя с подобными рассуждениями подкатывал и ко мне. Однако я помнила полет на планере, который изрядно поколебал мою веру в собственные возможности, хотя в юности – что скрывать! – они кажутся безграничными. Кроме того, я считала завлекательные речи Кущенко обыкновенным волокитством. Мой небольшой, но суровый жизненный опыт подсказывал: с представителями мужского пола следует всегда быть настороже.

Однажды (дело было на комсомольском собрании) мне надоело слушать его сказки. Я ответила Федору в ироническом тоне. Ребята, сидевшие вокруг, оценили мою шутку и начали громко смеяться. Наш комсорг в тот момент читал довольно скучный доклад о работе членов ЛКСМУ по досрочному выполнению цехового квартального плана. Он принял этот смех на свой счет и почему-то очень рассердился. Возникла словесная перепалка между ним и некоторыми присутствующими в зале комсомольцами. В ней применялись красочные эпитеты и неожиданные сравнения. В конце концов, комсорг выставил за дверь меня и Кущенко, как зачинщиков скандала.

Ошеломленные таким финалом, мы с Федором двинулись к выходу. Рабочий день уже кончился, наши шаги гулко отдавались в пустынном коридоре. Вдруг Кущенко сказал:

– Все-таки надо успокоиться.

– Надо, – согласилась я.

– Тогда пошли в тир, постреляем.

– Думаешь, это поможет?

– Конечно. Стрельба – занятие для спокойных людей. Хотя врожденные способности тоже нужны.

– Какие еще способности? – не удержалась я от ехидного вопроса.

– Самые настоящие. Скажем, отличный глазомер или точное ощущение оружия, – ответил он, позванивая связкой ключей, извлеченной из кармана кожаной куртки.

Тир находился на охраняемой заводской территории, прилегающей к главному зданию. Наверное, когда-то это был склад – приземистое, длинное строение с зарешеченными окнами, расположенными почти под крышей. С высоты нынешних моих познаний могу сказать, что тир «Арсенала» в середине 30-х годов отвечал всем необходимым стандартам. Там имелось помещение со столами, стульями и школьной доской на стене для теоретических занятий, небольшая оружейная комната с запирающимися на замок шкафами для винтовок и пистолетов, сейф для хранения боеприпасов, огневой рубеж, позволявший стрелять с упора, с колена, стоя, лежа (на матах). Толстые деревянные щиты с мишенями отстояли от него на двадцать пять метров.

Федор открыл один из шкафов и достал новенькое ружье, не так чтобы длинное, чуть более метра (точнее – 111 см), но с массивной березовой ложей и толстым стволом. Это изделие Тульского оружейного завода было известно в СССР под названием «ТОЗ-8». Его выпускали с 1932-го по 1946 год и вместе с модификацией «ТОЗ-8М» произвели, кажется, около миллиона штук. Надежная, простая в эксплуатации малокалиберная однозарядная винтовка с продольно-скользящим затвором, под патрон 5,6 ×16 мм кольцевого воспламенения сослужила добрую службу не только спортсменам, но и охотникам.

Пишу о ней с теплым чувством, ибо с «ТОЗ-8» началось и мое увлечение пулевой стрельбой, мои университеты сверхметкого стрелка…

Существуют подробные инструкции, которые рассказывают, как надо обращаться с огнестрельным оружием. Конечно, Кущенко мог бы сперва поговорить о них. Однако он поступил по-другому. Просто передал винтовку мне и сказал:

– Знакомься!

Честное слово, я думала, будто «огнестрелы» гораздо тяжелее и держать их в руках трудно. Но это ружье не тянуло и на три с половиной килограмма. При моей привычке устанавливать для обработки на станке порой весьма громоздкие детали не пришлось даже прилагать усилие, чтобы его поднять. Приятна была и холодноватая твердость металла на его стволе и ствольной коробке. Рукоять затвора, отогнутая вниз, говорила о том, что конструкторы позаботились об удобстве для человека,

владеющего этим оружием.

Прежде всего, Федор предложил проверить «прикладистость винтовки», узнать, подходит ли она для меня. Тут все сложилось удачно. Затылок приклада уперся в плечевую впадину, кистью правой руки я свободно обхватила шейку приклада и положила указательный палец – а пальцы у меня длинные – на спусковой крючок между первой и второй фалангой. Осталось, наклонив голову направо, щекой прижаться к гребню приклада и открытым правым глазом посмотреть на мушку. Она проходила точно посредине прицельной планки и виднелась ровно на всю свою величину.

– Теперь можно стрелять, – сказал Федор.

– А патроны?

– Одну минуту, – инструктор взял у меня винтовку, зарядил ее и навел ствол на мишень. Раздался громкий звук, точно по железному листу хлестнули прутом. От неожиданности я вздрогнула. Кущенко улыбнулся:

– Ну, это с непривычки. Попробуй, у тебя получится…

Винтовка снова оказалась у меня в руках. Старательно повторив все приемы «прикладывания», я сделала первый выстрел. «Мелкашка» (так мы называли «ТОЗ-8») имела небольшую отдачу. К тому же по совету Федора я крепко прижимала ее к плечу, так что никаких неприятных ощущений не испытала. Кущенко позволил мне выстрелить еще три раза, а потом пошел посмотреть на мишень. Он принес этот бумажный лист с черными кругами к огневому рубежу, где я не без волнения его ожидала, внимательно посмотрел на меня и произнес:

– Для начинающего просто удивительно. Ясно, что способности есть.

– Неужели врожденные? – отчего-то мне захотелось пошутить.

– Вот это точно, – мой первый тренер был серьезен. Никогда раньше я не видела Федю Кущенко таким серьезным…

Занятия в нашем стрелковом кружке проходили раз в неделю, по субботам.

Начинали с того, что подробно изучали устройство малокалиберной винтовки, разбирали и собирали затвор, привыкали тщательно ухаживать за оружием: чистить, смазывать. В комнате с черной классной доской у нас проводились занятия, на которых преподавали основы баллистики. Так, я, к своему большому удивлению, узнала, что пуля летит к цели не по прямой линии, а из-за инерции движения, воздействия на нее силы тяжести и сопротивления воздуха, описывает дугу, да еще и вращается при этом.

Бывали у нас и лекции по истории «огнестрелов». Она началась в XIV веке с ружья с фитильным замком, когда развитие техники впервые позволило использовать метальные свойства пороха, затем появились и получили широкое распространение ружья с кремнево-ударным замком, затем – с капсульным замком. Но поистине революционный переворот случился в конце XIX века: появились магазинные винтовки с нарезами в стволе и продольно-скользящими затворами, что способствовало быстрому заряжанию, увеличению дальности и меткости выстрела.

Вообще ручное огнестрельное оружие представляется мне совершеннейшим творением ума и рук человеческих. При его создании всегда использовались самые новые изобретения. Технологические решения, необходимые для его изготовлении, быстро оттачивались и доводились до производства, измеряемого тысячами и миллионами штук. В наиболее удачных, заслуживших мировое признание образцах, инженерный гений находит свое воплощение в идеальной, законченной внешней форме. Ведь «огнестрелы» по-своему… красивы. Их приятно взять в руки, удобно ими пользоваться. Они заслужили любовь людей, которые пошли с ними на войну, невероятную по своей жестокости. Некоторые (та же трехлинейная винтовка Мосина, пистолет-пулемет Шпагина, ручной пулемет Дегтярева, пистолет «Тульский, Токарева») даже стали своеобразными символами эпохи…

Однако больше всего мои друзья любили стрельбу.

Мы упражнялись в тире, поражая мишени из положения стоя, лежа, с упора, с колена с применением ремня, пропущенного под левую руку. «Мелкашка» имела только открытый секторный прицел с подвижным хомутиком и на конце ствола – цилиндрическую мушку с удлиненным основанием. При такой простоте устройства она тем не менее помогала выработать основные навыки стрелка: быстрое прицеливание, плавный нажим на спусковой крючок, удержание ружья в правильном положении, без «сваливания» его влево или вправо. При начальной скорости пули 310 метров в секунду дальность выстрела у «ТОЗ-8» достигала 1200–1600 метров, но в тире это значения не имело.

Когда наступила весна, мы стали выезжать на стрельбище за город и тренироваться для сдачи нормативов на значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени, а в них входила не только меткая стрельба, но и ориентирование на местности, метание гранаты, физическая подготовка (бег, прыжки, отжимания). Эти нормативы мы успешно выполнили и затем приняли участие в городских соревнованиях Осоавиахима по пулевой стрельбе.

Хочу заметить, что наш кружок был лишь одним из нескольких сотен подразделений в структуре «Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству», или – Осоавиахима. Эта массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация появилась в нашей стране в 1927 году и сыграла большую роль в подготовке юношей и девушек к службе в армии. В ней насчитывалось около 14 миллионов человек, которые обучалась в первичных организациях этого общества, осваивая военные специальности от летчиков и парашютистов до стрелков, пулеметчиков, водителей автотранспорта, дрессировщиков служебных собак.

Почетную грамоту, заработанную на соревнованиях Осоавиахима, я поместила в рамку под стекло и с гордостью повесила ее на стену в нашей с Валентиной комнате. Ни моя сестра, ни мои родители всерьез к моему увлечению стрельбой не относились. При наших домашних беседах они любили подшутить над моей страстью к оружию. Я же не могла внятно объяснить им, какая сила влечет меня в тир или на стрельбище, что притягательного есть в предмете, снабженном металлическим стволом, деревянным прикладом, затвором, спусковым крючком и мушкой, почему так интересно управлять движением пули к цели…

В конце 1935 года по комсомольской путевке я попала на двухнедельные курсы чертежников-копировщиков, окончила их с отличием и начала работать в механическом цехе старшим чертежником. Эта работа мне нравилась. Конечно, она отличалась от труда токаря– станочника, но также требовала сосредоточенности и аккуратности. Станки гудели за стеной, а мы в нашем бюро, в тишине, среди кульманов и свертков ватмана, занимались сверкой чертежей, подготовкой их для передачи производственникам. Отношения в коллективе были теплыми. Мое увлечение пулевой стрельбой здесь восприняли с пониманием…

Я очень благодарна заводу «Арсенал».

Проведя почти четыре года в его стенах, я получила две специальности, привыкла работать на предприятии оборонной промышленности, где существовала полувоенная дисциплина, повзрослела, почувствовала себя человеком, способным отдавать себе отчет в своих намерениях и поступках, добиваться поставленной цели. Заводская комсомольская организация также помогла мне перейти к новому этапу жизни: весной 1935 года я получила направление на рабфак при Киевском государственном университете. Потом еще год работала в токарном цехе и по вечерам училась. Затем успешно сдала экзамены и в сентябре

1936-го стала обладательницей студенческого билета исторического факультета КГУ. Таким образом, моя детская мечта исполнилась. Правда, на нашем курсе я была, наверное, самой старшей из студенток.

Глава 2
Если завтра война…

Из-за моего производственного опыта меня выбрали старостой группы.

Эти обязанности наряду с посещением лекций, конспектированием, чтением учебной литературы, составлением докладов для семинаров, написанием курсовых работ, подготовкой к зачетам и экзаменам не казались мне сложными. Определились и любимые предметы: основы археологии и этнографии, история СССР, история Древнего мира, латынь, из двух иностранных языков – английский. Тут вспомнились мамины уроки, и дело пошло очень хорошо. После нормативов на значок «Ворошиловский стрелок» и «ГТО», которые я сдавала на заводе, университетские занятия по физкультуре также никакой трудности для меня не представляли. Студенческое житье-бытье протекало весело и вольно, оставляя много времени для таких развлечений, как походы в кино и театр, эстрадные концерты, художественные выставки, вечера отдыха с танцами.

Кроме того, все мы достаточно интересовались политикой и, например, очень сочувствовали республиканцам в Испании, которые с лета 1936 года вели вооруженную борьбу с местными фашистами и монархистами. Фашистам помогали Италия и Германия. Республиканцам – Советский Союз.

О событиях в далекой южной стране часто и подробно писали наши центральные газеты. Так, прекрасные очерки публиковал в газете «Правда» журналист Михаил Кольцов. Он рассказывал о подвигах бойцов интербригад, о воздушных схватках между летчиками немецкого легиона «Кондор» и нашими пилотами-добровольцами, летавшими на советских самолетах. На ровных пространствах Пиренейского полуострова происходили даже танковые сражения. В них участвовала техника опять-таки трех государств: Италии, Германии, СССР.

Волну возмущения в нашей стране вызвала варварская бомбардировка небольшого городка под названием Герника, расположенного в Стране Басков. Никакой военной необходимости наносить удар по нему не было. Тем не менее в апреле 1937 года более пятидесяти немецких самолетов подвергли нападению поселение, находившееся в руках республиканцев. Налет почти полностью уничтожил его. Погибло много мирных жителей. Впоследствии выдающийся испанский художник Пабло Пикассо, потрясенный этим злодеянием, создал

картину под названием «Герника», ныне известную во всем мире. Рассказ о трагедии Герники долго волновал и русские сердца. Но вместе с эмоциями следовало подумать о том, какой будет новая война и когда она подступит к нашему порогу.

Я уже училась на втором курсе истфака, и как-то само собой у меня возникло желание обновить свои навыки стрелка, поскольку теперь они могли пригодиться. Федор Кущенко посоветовал пойти в двухгодичную Снайперскую школу Осоавиахима, которая недавно открылась в Киеве. Туда брали только тех, кто имел удостоверение на звание «Ворошиловский стрелок» второй ступени. Также от поступающих требовали справку с работы или учебы и краткую автобиографию, заверенные в отделе кадров, справку врачебной комиссии о пригодности к военной службе. Требуемые документы я предоставила, и меня приняли. Вскоре стало понятно, что в этом учебном заведении у меня есть все шансы подняться на новый уровень в обращении с ручным огнестрельным оружием.

Занятия проходили два раза в неделю: в среду с шести часов вечера до восьми и по субботам, с трех часов дня и до шести часов вечера. Нам вручили удостоверения, которые служили пропуском на охраняемую территорию Школы, а также потребовали приходить на занятия в темно-синих гимнастерках, выданных здесь же. Все это напоминало армейские правила, но мы не роптали, а наоборот – прониклись сознанием серьезности – и нашей ответственности – при будущей учебе.

Скажу несколько слов о программе Снайперской школы.

Она действительно готовила сверхметких стрелков для службы в Рабоче-крестьянской Красной армии. На политзанятия отводилось 20 часов, на строевую подготовку – 14 часов, на огневую подготовку – 220 часов, на тактическую – 60 часов, на военно-инженерную – 30 часов, на рукопашный бой – 20 часов. Испытания по пройденной программе занимали 16 часов. Курсантов, сдавших выпускные экзамены на «отлично», включали в особые списки в гор– и райвоенкоматах, периодически вызывали на переподготовку, на соревнования по пулевой стрельбе разных уровней. В общем, не упускали снайперов из вида, заботились о них, но все-таки до Великой Отечественной войны настоящих асов, мастеров, поражающих цель с первого и единственного выстрела, у нас в стране насчитывалось немного. Может быть, тысячи полторы…

Первое же занятие по огневой подготовке показало, что упражнения в нашем заводском кружке были лишь прелюдией к стрелковому делу, очень полезной, но явно недостаточной. С благодарностью вспомнив о моей подружке «мелкашке», я взяла в

руки армейскую магазинную винтовку Мосина образца 1891/1930 года, часто называемую «трехлинейкой». Конечно, она была тяжелее (вес без штыка – 4 кг), длиннее (1232 мм) и рассчитана под патрон 7,62 × 53Р мм, при начальной скорости пули 865 метров в секунду и дальности стрельбы в 2000 метров. «Треха» имела менее удобную, чем у «ТОЗ-8», шейку приклада, при выстреле сильнее отдавала в плечо, из-за большего ее веса и длины вести огонь из положения стоя мне, например, было тяжело.

Но это не значило абсолютно ничего.

Обычную винтовку Мосина, которая находилась на вооружении рядового состава РККА, мы должны были знать, как свои пять пальцев, и потому определенное количество времени (10 часов) посвятили изучению ее устройства. Понемногу я привыкла к «трехе», могла с закрытыми глазами разобрать и собрать ее затвор, состоящий из семи деталей. Ее открытый секторный прицел с метрической шкалой и подвижным хомутиком, мушка с круглым намушником позволяли добиваться неплохих результатов при стрельбе.

Снайперская винтовка отличалась от стандартной лишь несколькими деталями. Во-первых, у нее над стволом был установлен оптический прицел Емельянова («ПЕ») – довольно длинная металлическая трубка (274 мм при весе 598 г) с двумя барабанчиками для регулировки. Во-вторых, из-за этого приспособления патроны не поступали в патронник из магазинной коробки, их следовало вкладывать туда по одному. В-третьих, рукоять стебля затвора сильно отгибалась вниз. Имелись и невидимые глазу отличия: стволы для «снайперок» изготавливали из лучшей стали, для большей точности обрабатывали на прецизионных станках, собирали эти винтовки вручную, пристреливали особым образом.

В конце моей учебы в Снайперской школе, то есть в 1939 году, нас познакомили с новыми образцами стрелкового вооружения, поступившими в Красную армию. Это были самозарядные (автоматические) винтовки Симонова (АВС-36) и Токарева (СВТ-38). Принцип действия их автоматики строился на использовании пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по каналу ствола. Винтовки имели отъемные коробчатые магазины на 10–15 патронов. Единственное, что вызывало сомнения у нас и наших наставников, – большое количество деталей в «АВС» и «СВТ», а также устройство их механизма, весьма сложное по сравнению с изделием капитана Мосина…

Запомнилась первая лекция по предмету, именуемому

«Краткие основания стрельбы», на который в программе отводилось 25 часов. Мы сидели в классе, когда туда вошел худощавый, среднего роста человек лет сорока с заметным шрамом над левой бровью. Дежурный крикнул: «Встать! Смирно!» Преподаватель представился нам: «Потапов Александр Владимирович» – и коротко объяснил, чему собирается нас учить. Потом, помолчав, обвел строгим взглядом аудиторию и сказал:

– Слышал, что вы стреляете неплохо. Однако запомните: хороший стрелок – это еще не снайпер…

Так началось наше общение с «Потапычем», старшим инструктором Школы. Мы узнали, что он начинал действительную военную службу еще в императорском лейб-гвардии Егерском полку в Петербурге, где стрелковая подготовка нижних чинов была поставлена образцово, за подвиги на германском фронте в 1915 и 1916 годах заслужил два солдатских «Георгия» 3-й и 4-й степени, а также чин унтер-офицера. В Гражданскую войну Потапов уже командовал ротой в пехотном полку у красных и получил тяжелое ранение при форсировании Сиваша. В 1929 году его откомандировали из полка на Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна. Там начала работать первая в нашей стране группа по изучению снайперского дела. Но служить в армии инструктором снайпинга ему не довелось: дала о себе знать старая рана, и комбата Потапова комиссовали вчистую. Зато Осоавиахим приобрел нужного специалиста.

Кстати говоря, киевская Снайперская школа этой общественной добровольной массовой военно-патриотической организации, так же, как и московская и ленинградская, славилась не только хорошим материально-техническим обеспечением, но и отлично подготовленным преподавательским составом. Александр Владимирович Потапов был большим энтузиастом стрелкового дела, знатоком и страстным любителем оружия, особенно – трехлинейной винтовки Мосина образца 1891/1930 года. Свой опыт, наблюдения и размышления о философии снайпинга он изложил в небольшой брошюре «Наставление для метких стрелков», изданной в Киеве.

Бесспорно, «Потапыч» был прирожденным педагогом. Он наблюдал за курсантами пристально не только на лекциях, но и при занятиях в тире. Он считал, что теоретические знания и стрелковая практика, само собой разумеется, совершенно необходимы. Но они недостаточны для воспитания настоящего профессионала. У него должен быть не только отменный глазомер (это дается человеку от природы благодаря индивидуальными особенностям строения его глазного яблока).

Ему нужен и особый характер: спокойный, уравновешенный, скорее флегматичный, не склонный к приступам гнева, веселья, отчаяния или – чего хуже! – истерии. Снайпер – терпеливый охотник. Он делает всего один выстрел, однако за промах может заплатить своей жизнью.

Потапов предупредил, что через месяц отчислит тех, кто – по его мнению – неспособен усвоить хитрую снайперскую науку. Это нас огорчило. Но его педагогические методы по-прежнему вызывали уважение. Даже можно сказать, что он нам нравился. Потому мы старались изо всех сил. По крайней мере, я старалась. Кроме меня, в группе занимались еще две представительницы слабого пола. С нами он держался подчеркнуто вежливо, однако эта офицерская вежливость всех нас, девушек в возрасте 19, 20 и 22 лет, не радовала, а пугала. Мы подозревали, что будем первыми кандидатами на вылет.

Но вышло по-другому.

С темно-синими гимнастерками Осоавиахима расстались несколько грубоватых парней, в том числе – трое, имевшие удостоверения «Классный стрелок РККА». Потапов объяснил, что разделению своих учеников на женщин и мужчин он не придает большого значения и уверен: к работе снайпера женщины – не все, конечно, – приспособлены лучше. Они выносливы, наблюдательны, у них обостренная интуиция, заложенная самой природой. Пройдя курс венного обучения, женщины четко выполняют все инструкции, к процессу стрельбы относятся вдумчиво и аккуратно, а уж в деле изобретательной маскировки, столь важной на поле боя для сверхметкого стрелка, им просто нет равных.

От похвал старшего инструктора голова могла закружиться у кого угодно. Но Александр Владимирович не давал нам времени на приятные переживания. К оставшимся в группе курсантам он стал относиться строже, придирчивее и внимания каждому из нас уделял больше. Он говорил о таких тонкостях ремесла, о которых мы бы никогда и не задумались. Например, заставлял вести наблюдение за стройкой – а строили трехэтажное здание средней школы № 25 на улице Владимирской – и потом рассказывать ему, что за два часа успели сделать рабочие, как изменилась ситуация на объекте, где появились новые двери и оконные проемы, марши лестниц, простенки, с какой позиции удобнее сделать выстрел, чтобы нейтрализовать, предположим, прораба, бегающего по мосткам с этажа на этаж.

Медленно, но неотступно Потапов приучал нас внимательно наблюдать за окружающим миром, зорко, словно бы в окуляр оптического прицела, рассматривать детали и подробности нашей

быстротекущей жизни, по мелочам угадывать образ целого. При таковом подходе что-то утрачивало прежнее значение, отступало на второй план и сливалось с фоном. Что-то становилось очень важным. Как будто увеличенные линзами черты выявляли истинную сущность каждого нового предмета.

Впрочем, иногда казалось, что Дорогой Учитель ко мне придирается.

Бывало, столкнувшись с каким-нибудь заданием, не поддававшимся быстрому исполнению, я начинала горячиться. Меня злила необходимость тратить больше времени и сил на дело, которое на первый взгляд представлялось совершенно обычным. Потапов останавливал тренировку, начинал спокойно, настойчиво и даже нудно все разбирать, объяснять, указывать на допущенную ошибку, следить за тем, как я ее исправляю. Я удивлялась, отчего он так возится со мной. Старший инструктор отвечал:

– Кому многое дано, с того много и спросится…

Не имея цели рассказывать здесь обо всем комплексе знаний и умений, необходимых снайперу (штатским людям это абсолютно ни к чему), упомяну лишь о том, что кроме практической стрельбы в Школе большое внимание уделяли теоретическим занятиям. Нас знакомили с законами баллистики, в частности, давали понятие об «одной тысячной», учили быстро рассчитывать расстояния для стрельбы по специальной формуле, определять дальность по угловым величинам, по базе оптического прицела «ПЕ», по сетке бинокля и перископа, объясняли явление деривации (отклонение вращающейся пули при полете к цели в сторону от плоскости стрельбы). Также мы заучивали разные таблицы. Например, таблицу превышения средних траекторий при стрельбе из винтовки Мосина патронами с «легкой» и «тяжелой» пулями и т. д. и т. п.

За четыре месяца занятий наша группа сдружилась. Пришла весна, и мы все вместе стали выезжать не только на стрельбище, но загород, где неугомонный Потапов устраивал дополнительные занятия по предмету «Приемы маскировки». На какой-нибудь дальней поляне курсанты расстилали скатерть, ставили на нее бутылки с ситро и лимонадом, раскладывали всевозможную снедь, взятую из дома. Старший инструктор читал лекцию и на живой природе демонстрировал нам, как надо маскироваться. Действительно, случалось, что мы не могли его найти полчаса и более. Тогда кричали, что сдаемся, и Дорогой Учитель появлялся перед нами в каком-нибудь немыслимом желто-зеленом балахоне с капюшоном, украшенном обрывками ткани, сухими веточками, пучками травы.

Кроме того, в лес мы обычно брали одну «снайперку» и проводили игру под названием «Донышко». После походного обеда, когда бутылки с напитками пустели, одну из них укрепляли в рогатине боком и горлышком вперед на расстоянии метров двадцати-тридцати от стрелка. Следовало одним выстрелом выбить в ней дно, то есть пуля должна была точно войти в горлышко и, не повредив бока стеклянного сосуда, выйти через дно, которое при этом разрушалось.

Первую бутылку обычно выбивал сам Потапов. Потом передавал ружье одному из учеников, и соревнование в меткости и сноровке начиналось. У нас учились весьма амбициозные ребята, в основном очень молодые, которые желали во что бы то ни стало ходить в лидерах и удостоиться похвалы «Потапыча». Но стрелять приходилось, во-первых, с колена, то есть опираясь коленом правой ноги в землю и сидя при этом на каблуке. Во-вторых, удерживать винтовку с помощью ремня, пропущенного под согнутый локоть левой руки. Ею стрелок упирался в левое колено и держал цевье ружья, сдвинув кисть ближе к дульному срезу. Все это требовало силы, устойчивости, хорошего баланса.

Тот, кто промахивался, выбывал из игры под шутки и смех присутствующих. Тех, кто побеждал, Александр Владимирович награждал: вручал маленькую шоколадку с разными забавными пожеланиями. У меня некоторое время не было полной уверенности в своих силах. К тому же я не люблю красоваться, быть в центре внимания, ибо один из постулатов, внушенных нам Дорогим Учителем, гласил: «Быть на виду – опасно. Сверхметкий стрелок неуязвим, пока он никому не виден».

Настал тот день, когда Потапов передал винтовку именно мне.

Смирив волнение, я взяла оружие, привычно уперла его приклад в плечевую впадину, положила указательный палец на спусковой крючок и, прижав щеку к гребню приклада, правым глазом посмотрела в окуляр оптического прицела. «ПЕ» давал четырехкратное увеличение. Но даже при нем горлышко бутылки, замершее между тремя черными линиями, казалось лишь жирной точкой. Оставалось рассчитывать на интуицию, на то «чувство цели», которое вырабатывается у снайпера в процессе тренировок.

Долгое прицеливание – обычная ошибка начинающих. Но я давно избавилась от этой ошибки. Так что все произошло точно по инструкции, то есть в течение восьми секунд. Задержка дыхания, прицеливание, выдох с плавным нажатием на спусковой крючок. «Снайперка» отозвалась громом выстрела и толчком в плечо. Бутылка по-прежнему сияла белыми боками на солнце, а вот донышка у нее… не было!

– Молодец, Людмила, – сказал мне старший инструктор. – Повторить сможешь?

– Ладно, давайте, – согласилась я, ибо мною овладел азарт.

Потапов понял это и усмехнулся.

– Спокойнее, девица-краса-длинная коса, – так старший инструктор иногда шутливо обращался к нам, девушкам, учившимся в его группе. – Все шансы на победу у тебя есть.

Ребята быстро установили в рогатине новую бутылку. «Потапыч» подал мне патрон с «тяжелой» пулей, и я, открыв затвор, вложила его в патронник. Конечно, механизм сработает без отказа. Я нажму на спусковой крючок, и ударник под действием боевой пружины резко выдвинется вперед. Его конец, похожий на жало змеи, проткнет капсуль-воспламенитель, расположенный на дне патрона. Пороховой заряд в нем взорвется, пуля, закрепленная в латунной гильзе круговым обжимом, наконец-то получит свободу…

День выдался солнечный, погожий, и пули, покоряясь моей воле, летали отлично. Три «донышка» – с таким счетом кончились для меня эти соревнования в лесу. Старший инструктор на зависть другим курсантам подарил мне не только шоколадку, но и свою книжку «Наставление для метких стрелков» с автографом: «Людмиле Павличенко, моей способной ученице, на добрую память. А. Потапов». Я не очень-то согласна с подобной формулировкой. Все-таки способности, они – от природы, то есть врожденные, – но в деле сверхметкой стрельбы к ним надо прибавить твердость характера, трудолюбие, прилежание, выдержку, настойчивое желание учиться.

Выпускные испытания в Снайперской школе я прошла с достойными результатами. В свидетельстве о ее окончании, отпечатанном на мелованной бумаге и украшенном круглой гербовой печатью, имелись названия предметов и оценки. Черные буквы складывались в строчки, для меня лестные: практическая стрельба – «отлично»; устройство ручного огнестрельного оружия – «отлично»; тактическая подготовка – «отлично»; военно-инженерная подготовка – «хорошо». Наш выпускной вечер был непринужденным, шумным, веселым. Мы говорили о будущем. Многие ребята собирались поступать в военные училища. Девушки планировали заниматься пулевой стрельбой в системе Осоавиахима, участвовать в соревнованиях, бороться за присвоение звания «Мастер спорта СССР».

Однако шел 1939-й год.

Первого числа сентября месяца фашистская Германия напала на Польшу, и так началась Вторая мировая война. Поляки оказывали сопротивление захватчикам, но уже 8 сентября немцы

подошли к Варшаве. Ее оборона продлилась… двадцать дней. Затем правительство бежало в Румынию, а территорию Польши полностью оккупировали немцы. В апреле 1940 года фашисты вторглись в Данию и в Норвегию. Норвежцы с помощью англичан и французов продержались два месяца, но в июне капитулировали. Настал черед Бельгии и Франции. Наступление немцев началось 20 мая, а 28-го большая часть бельгийской армии уже положила оружие. После окружения под Дюнкерком союзных англо-франко-бельгийских войск англичане 4 июня 1940 года удрали с европейского континента на свой остров, оставив победителям всю артиллерию и танки, более 60 тысяч автомашин, до полумиллиона тонн военного имущества и боеприпасов, а также около сорока тысяч солдат и офицеров пленными. Потомки доблестных солдат императора Наполеона Бонапарта 22 июля того же года сдали фрицам Париж… без боя!

Действительно, «блицкриг», то есть «быстрая война».

Наблюдая за стремительными перипетиями в Европе, мы не могли не думать о том, что агрессор рано или поздно обрушится на наше первое в мире государство рабочих и крестьян. Мой отец, по роду своих занятий располагая конфиденциальной информацией, все чаще при традиционных вечерних чаепитиях говорил нам о приближении трудного времени. Я возражала ему, утверждая, что «…от тайги до британских морей Красная армия всех сильней», и воевать мы будем на чужой территории.

Как показали дальнейшие события, отец был прав, а я (вместе с миллионами других советских людей) глубоко заблуждалась. Объяснить собственную самоуверенность могу лишь состоянием дел, которые у меня шли прекрасно. Поскольку в университете все сессии я сдавала с отличными оценками, то мне разрешили совмещать учебу с работой, близкой по специальности. В конце 1939 года меня приняли в Государственную историческую библиотеку на должность заведующей отделом комплектации. Как это было прежде, на заводе «Арсенал», я снова стала вносить в общий семейный бюджет определенную сумму и больше денег тратить на моего сына, которому исполнилось семь лет.

Последнюю зимнюю сессию на четвертом курсе истфака я вместе с однокурсниками сдала в январе 1941 года с отличными и хорошими оценками. Руководство Государственной исторической библиотеки в Киеве предложило мне поехать в длительную – месяца на четыре – командировку в Одесскую публичную библиотеку старшим научным сотрудником для укрепления там научных кадров. Богатейшие фонды этой, одной из самых старых на Украине библиотек были мне известны. Я полагала, что без труда напишу там свою дипломную работу,

посвященную Богдану Хмельницкому, присоединению Украины к России в 1654 году и деятельности Переяславской Рады. На следующий год мне предстояло защитить в КГУ эту дипломную работу и получить диплом о высшем образовании.

Я готовилась к отъезду, пребывая в самом радужном настроении. Но все-таки разговоры с отцом, к счастью, на меня подействовали. Потому я положила в чемодан не только паспорт, студенческий билет и зачетную книжку, но и свидетельство об окончании Снайперской школы, брошюру Дорогого Учителя и еще одну или две военных книги, в частности, сборник мемуаров «Бои в Финляндии», изданный в Москве в начале 1941 года.

Поезд Киев – Одесса отходил вечером. Моя семья в полном составе прибыла на вокзал. Папа, как всегда, был серьезен и молчалив. Мама давала мне последние советы насчет правильного питания. Сестра Валентина и ее молодой человек Борис шептались о чем-то. Сын Ростислав никак не хотел отпускать мою руку, просил взять его с собой, обещая помогать мне в работе. На глазах у него закипали слезы, я пыталась хоть немного утешить его и развеселить. Могла ли я тогда думать, что расстаюсь со Славиком почти на три года!..

Глава 3
От реки Прут до реки Днестр

Ничего необычного не было в начале того, теперь памятного всем воскресного дня 22 июня 1941 года. Над Одессой сияло прозрачное небо, светило жаркое южное солнце. На море стоял штиль. Гладкая голубая равнина простиралась до самого горизонта, и чудилось, будто где-то там, вдали, она сливается с таким же голубым небом.

Раннее утро я, моя приятельница Софья Чопак, работавшая в Одесской публичной библиотеке, и ее старший брат провели на пляже. Обедать решили в «Чебуречной» на улице Пушкинской. Мы имели заранее купленные билеты и вечер планировали провести в театре, слушая в исполнении местных артистов оперу Верди «Травиата».

В двенадцать часов дня, сидя на открытой веранде «Чебуречной» в ожидании своего заказа, мы услышали из репродуктора на улице сообщение о том, что сейчас будет выступать заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, нарком иностранных дел товарищ Молотов. То, что сказал наркоминдел, показалось нам совершенно невероятным: сегодня, в четвертом часу утра, Германия вероломно напала на Советский Союз…

– Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда, – взволнованно, но твердо звучал голос Молотова. – Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом… Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!..

Речь длилась всего несколько минут, и сразу осознать случившееся было трудно. Как заколдованные, мы сидели за столом и ошеломленно смотрели друг на друга. Но вскоре официант принес блюдо с чебуреками и бутылку белого вина. Точно вернувшись в обычный мир из какого-то зазеркалья, мы заговорили между собой громко и бессвязно.

Тем временем улица Пушкинская постепенно наполнялась народом. Люди собирались под репродуктором, оживленно обменивались впечатлениями. Душевное волнение гнало их из домов на улицу. Они хотели видеть соотечественников, знать, как другие восприняли страшную новость. Понять общее настроение, ощутить то единство, к которому призывал их народный

комиссар иностранных дел. Паники и растерянности в толпе не чувствовалось. Все уверенно говорили: мы разобьем фашистов!

Никто в Одессе и не подумал отменять сеансы в кинотеатрах, спектакли, концерты, традиционное воскресное гуляние на Приморском бульваре с выступлением духового оркестра. Наоборот, залы были переполнены и в опере, и в Русском драматическом театре, и в Театре юного зрителя, расположенных недалеко друг от друг на улице Греческой, и в городской филармонии. Публика ломилась и в цирк на аттракцион с дрессированными тиграми…

Мы тоже не стали отменять поход в оперный театр и в начале восьмого часа вечера сидели на своих местах в 16-й ложе бельэтажа и смотрели на сцену, где шел первый акт «Травиаты». Одесситам и гостям города предлагали поверить, будто они находятся в роскошном доме парижской куртизанки Виолетты Валери. Декорации, костюмы, голоса певцов, игра оркестра, само оформление зала с позолоченной лепниной, огромной хрустальной люстрой и потолком, красиво расписанным французским художником, пребывали в полной гармонии между собой. Но что-то мешало наслаждаться сим изысканным зрелищем. Словно оно относилось к другой, стремительно уходящей от нас жизни. После первого действия, в антракте я предложила своим знакомым покинуть театр.

Мы пошли к морю. На летней эстраде Приморского бульвара духовой оркестр наигрывал бодрые военные марши. Звонкое пение труб, громкие удары барабана звучали над берегом. На глади водного пространства одесской бухты виднелись силуэты боевых кораблей Черноморского флота: старинный крейсер «Коминтерн», переоборудованный под минный заградитель, эсминцы «Шаумян», «Бойкий» и «Безупречный», канонерские лодки «Красная Абхазия», «Красная Грузия», «Красная Армения». Стальные корпуса, мачты, мощные орудийные башни с длинными стволами больше соответствовали нашему настроению. Все-таки объявлена война…

Согласно мобилизации, о которой сообщили уже на следующий день, призыву в армию подлежали военнообязанные четырнадцати возрастов, от 1905 до 1918 года рождения. Я, рожденная в 1916-м, под призыв попадала. Нисколько не сомневаясь в том, что меня примут тотчас и с радостью, я отправилась в военный комиссариат Водно-транспортного района Одессы. Предстоящая встреча с военкомом казалось мне весьма торжественной, и я надела свое лучшее крепдешиновое платье, красивые белые босоножки на высоком каблуке. В сумочке у меня лежал паспорт, студенческий билет и свидетельство об окончании

киевской Снайперской школы Осоавиахима.

У дверей райвоенкомата толпилось множество людей. Попасть в кабинет военкома я смогла только часа через два. В комнате было душно и накурено. Поминутно хлопали двери. Охрипший военком с сизо-красным лицом что-то доказывал пришедшим к нему двум парням деревенского вида. Он ошалело посмотрел на меня и сказал:

– Медицинские кадры будут призывать с завтрашнего дня…

– Я – не медик.

Но он тут же отвернулся, показывая, что разговор со мной окончен. Однако я так не считала и положила на стол перед ним свое снайперское свидетельство. Военком раздраженно заявил, что военно-учетной специальности «СНАЙПЕР» в его списке нет. Потом он добавил что-то ироническое по поводу Осоавиахима, женщин, которые хотят быть солдатами, но не соображают, как это трудно. Короче говоря, он заставил меня покинуть его кабинет.

Возвращаясь из райвоенкомата, я размышляла над сложившейся ситуаций и пришла в выводу, что вся загвоздка в месте прописки. Моя фамилия была внесена в список снайперов, имеющийся в военкомате Печерского района города Киева. В прошлом году я успешно выступала на городских соревнованиях по пулевой стрельбе, прошла переподготовку. Может быть, меня уже ищут в столице Украины, а я нахожусь здесь, на берегу Черного моря. Надо просить местного военкома сделать звонок в Киев…

На следующий день я снова отправилась в военный комиссариат Водно-транспортного района. Военком встретил меня гораздо приветливее. Судя по всему, он уже знал, кто такой снайпер. Он перелистал мой паспорт, нашел штамп о браке с Павличенко А.Б. и спросил, не возражает ли муж против моего вступления добровольцем в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Алексея Павличенко я не видела года три и ответила, что никаких возражений он не имеет. Паспорт остался у военкома, а мне в соседней с его кабинетом комнате начали оформлять армейские документы.

Вечером 24 июня 1941 года, после митинга на вокзале, все новобранцы, частью обмундированные, частью еще одетые в гражданскую одежду, погрузились в воинский эшелон. Поезд двигался медленно и шел на запад по железной дороге, проложенной в причерноморской степи. Вскоре справа заблестела гладь Днестровского лимана, затем мы миновали станции Шабо, Колесное, Сарата, Арциз, Главани. На станциях эшелон иногда стоял подолгу. Там нас кормили. Но никто ничего не объяснял, не

рассказывал про конечный пункт назначения. Говорили лишь, что мы едем на фронт, и сердце невольно стучало: «Быстрее, быстрее!» Молодежь в нашем вагоне горячилась: «Мы не успеем! Фашистов побьют без нас!» Так мало мы тогда представляли себе размер бедствия, вдруг обрушившегося на нашу цветущую прекрасную страну.

Эшелон остановился на каком-то полустанке в три часа ночи 26 июня. Нам приказали покинуть вагоны и построиться в колонну. Поеживаясь от утренней сырости и прохлады, новобранцы зашагали по проселочной дороге и к семи часам утра добрались до леса, довольно густого. Выяснилось, что мы находимся на земле Бессарабии, в тыловых частях 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Первую военную униформу я получила здесь, став красноармейцем 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Вещи были абсолютно новые, что свидетельствовало о хорошем состоянии интендантской службы дивизии и порядке на ее складах. Это – сшитые из хлопчатобумажной ткани защитного цвета: пилотка, гимнастерка с отложным воротником, брюки-галифе, кирзовые сапоги (на два размера больше, чем нужно). Также полагался мне поясной ремень с латунной пряжкой, противогаз в брезентовой сумке, малая саперная лопатка в чехле, алюминиевая фляга (тоже в чехле), каска СШ-40 (довольно тяжелая), ранец-рюкзак, а в нем – разные принадлежности, вроде полотенца, запасной нательной рубахи и трусов, запасной пары портянок, мешочков для продуктового запаса, для предметов гигиены и других.

В ранец-рюкзак я спрятала свое платье из штапеля с кружевным воротником и удобные парусиновые туфли на шнурках. Прощай, штатская жизнь!

Первый армейский завтрак показался очень вкусным: горячая гречневая каша, сладкий чай с увесистой краюхой хлеба. Проходил он в обстановке, приближенной к боевой. Мы слышали отдаленные пулеметные очереди и разрывы снарядов, раздававшиеся время от времени где-то на западе. При взрывах все мы, новобранцы, вздрагивали. А бывалые сержанты и старшины 54-го полка объясняли: мол, бояться пролетевшего или разорвавшегося снаряда не надо, он уже никому не причинит вреда. Так, в разговорах, и прошел этот день. Нам предоставили отдых, но выходить из леса не разрешали.

Церемония принятия воинской присяги прошла 28 июня.

К нам явился военный комиссар 54-го полка старший политрук Ефим Андреевич Мальцев. Он рассказал о боевом пути 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, которой действительно в

1919 году командовал легендарный герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев, о ее славных стрелковых полках: 31-м Пугачевском имени Фурманова, нашем 54-м имени Степана Разина и 225-м Домашкинском имени М.В. Фрунзе. В 1933 году дивизия первой в Красной армии удостоилась награждения недавно учрежденным высшим орденом СССР – орденом Ленина. Это было признание ее выдающихся подвигов на фронтах Гражданской войны и блестящих достижений в боевой учебе мирного периода.

Затем раздалась команда: «Смирно!» Перед строем вынесли знамя 54-го полка. С волнением мы повторяли слова «Присяги бойца РККА»: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну…» Затем поставили свои подписи на листках с отпечатанным текстом присяги и таким образом превратились в людей, чья жизнь целиком и полностью принадлежит Отечеству. Нас распределили по подразделениям 54-го полка. Я попала в первый батальон, вторую роту, первый взвод.

Командовал взводом младший лейтенант Василий Ковтун, который окончил Могилевское военно-пехотное училище в прошлом году и был младше меня. Первое, что он спросил: зачем я пошла в армию добровольцем, ведь война – совершенно не женское дело. Я достала свою «палочку-выручалочку» – свидетельство об окончании Снайперской школы Осоавиахима. К нему лейтенант отнесся крайне недоверчиво и сообщил, что будет ходатайствовать перед командиром батальона капитаном Сергиенко о моем переводе в санитарный взвод, так как единственная посильная для женщин работа на фронте – санинструктор.

Пошли на командный пункт первого батальона. Там повторилась та же беседа: зачем, почему, понимаю ли я, как это опасно, и т. д. и т. п. В ответ я рассказывала об отце, который в годы Гражданской войны некоторое время служил в Самарской дивизии (будущей – 25-й Чапаевской) и встречался с Чапаевым, о работе на заводе «Арсенал», выполнявшем заказы Наркомата обороны, о военном прошлом нашей страны, детально изучавшемся на историческом факультете Киевского университета.

Иван Иванович Сергиенко – человек вдумчивый, опытный, серьезный – выслушал меня внимательно и приказал Ковтуну забыть о его нелепой идее насчет перевода бойца-снайпера

Павличенко в медицинскую часть. Я обрадовалась:

– Товарищ капитан, готова получить полагающееся мне оружие!

– А снайперских винтовок у нас нет, Людмила, – ответил он.

– Ну, тогда обыкновенную «трехлинейку».

– Их тоже нет.

– Как же мне воевать, товарищ капитан? – в недоумении задала я вопрос.

– Для вас, новобранцев, пока главным оружием будет лопата. Поможете бойцам строить окопы и ходы сообщения, восстанавливать их после артобстрелов и бомбежек. Кроме того, выдадим вам по одной гранате РГД-33 на тот случай, если фашисты прорвутся. Знаете устройство этой гранаты?

– Знаю, товарищ капитан.

– Вот и отлично, – он улыбнулся. – Других действий от вас нынче не требуется…

Доводилось читать немало воспоминаний о первых днях Великой Отечественной войны. Их писали и генералы, командовавшие крупными воинскими соединениями, и офицеры, стоявшие во главе полков, рот, взводов, и политработники. Поскольку бои развернулись на всем протяжении наших границ, то и картины участники сражений рисовали совершенно разные. Была, например, Брестская крепость, защитники которой вели сопротивление почти месяц. Были и ожесточенные двухдневные схватки, которые заканчивались почти паническим отходом с потерей управления корпусами и дивизиями, с оставлением военной техники, с окружением и сдачей в плен многих подразделений советских войск. Это происходило, например, на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. Там в течение трех недель немецко-фашистские захватчики продвинулись по территории СССР на расстояние от 300 до 600 километров. Но наша 25-я Чапаевская дивизия находилась на Южном фронте, на крайне левом его фланге, и занимала заранее подготовленную линию обороны (около шестидесяти километров) вдоль реки Прут. Тут ситуация вначале складывалась по-другому, более благоприятно для нас.

Румыны, союзники гитлеровской Германии, 22 июня 1941 года попытались форсировать реку и были отброшены. Следующая неделя прошла в мелких стычках и артиллерийских дуэлях, когда «чапаевцы» продолжали удерживать свои позиции. Были и попытки перенести боевые действия на сторону врага. Один батальон нашего полка (он базировался в городе Кагул) высадился на румынском берегу и разгромил там две роты фашистов, взяв в плен около семидесяти солдат и офицеров.

Нашими войсками также был захвачен румынский город Килия-Веке, где в виде трофеев русским досталось 8 орудий и 30 пулеметов. Румынские части, которые переправились через Прут 23 июня, тоже получили достойный отпор. Примерно 500 вражеских солдат при этом сдалось в плен. Всего же за восемь дней, с 22-го до 30 июня, противник потерял до полутора тысяч человек, так и не сумев захватить и пяди советской земли[1].

Затем события приобрели иной оборот.

В первых числах июля наша оборона на реке Прут была прорвана гораздо севернее, в направлении городов Яссы – Бельцы и города Могилев-Подольский. Имея большое превосходство в живой силе и технике, захватчики быстро развивали наступление, и Южный фронт затрещал по швам. Возникал «Бессарабский мешок», из которого требовалось срочно выводить стрелковые дивизии 25, 95, 51, 176-ю. Потому с середины июля началось наше тяжелое отступление по причерноморским степям, сопровождавшееся упорными арьергардными боями.

Наш доблестный полк 19 июля находился на рубеже Кайраклия – Булгарийка; 21 июля – на рубеже Ново-Павловка – Новый Арциз; 22 июля – на рубеже Арциз; 23 июля на рубеже Каролино-Бугаз – Днестровский лиман; 24 июля полки дивизии стояли на разных рубежах: у села Староказачье, у высоты 67 – Черкесы, у села Софьенталь.

Отступление мы проводили так называемыми «ступенями». Кто-то прикрывал отход, кто-то уходил, кто-то готовил новые огневые позиции. Расклад получался такой: 31-й Пугачевский и 287-й стрелковые полки оборонялись, 54-й Разинский полк отходил, 225-й Домашкинский окапывался. Потом воинские части менялись местами: «домашкинцам» – воевать, «пугачевцам» – отходить, «разинцам» – рыть окопы и траншеи.

Отходили иногда днем, иногда – по ночам, чтобы не попадать под удары немецко-румынской авиации. Переезжали на автомашинах, но их было в полку мало – всего 18, причем 9 из них («полуторки», или «ГАЗ-АА») принадлежали санитарной роте. Зато имелось большое число пароконных повозок (по штату – 233, но в середине июля примерно на треть меньше). Также совершали мы и ускоренные пешие переходы.

Степь расстилалась по обеим сторонам дороги, как открытая книга. Теплой июльской ночью она лежала перед нами таинственная и тихая. Но днем громыхала от орудийных залпов, вспыхивала зарницами пожаров, дышала пороховой гарью. Население уходило из Бессарабии вместе с нами. По дорогам двигалась сельскохозяйственная техника (комбайны, тракторы, сеялки и проч.). Попадались целые караваны грузовиков с

большими деревянными ящиками: видимо, в них вывозили заводское оборудование. Колхозники гнали гурты скота, вместе с ним тащились обозы из телег с домашним скарбом. Я уж не говорю о том, что множество женщин с малыми детьми, подростков, стариков понуро шагали по пыльным обочинам, опасливо поглядывая на небо, вздрагивая от артиллерийской канонады.

Часто над степными дорогами кружила «рама» – двухфюзеляжный и двухмоторный самолет «Фокке-Вульф-189», который немцы называли «летающим глазом армии». Он действительно вел разведку, наводил на колонны, уходящие к реке Днестр, бомбардировщики, вел корректировку огня дальнобойной артиллерии. «Рама» летала не быстро, но достаточно высоко. Все нападения на нее краснозвездных «ястребков» ничем не заканчивались, да и мало их было, этих нападений.

Фашисты же совершали налеты регулярно. Они били по дорогам, по селам, прилегающим к ним. Мы видели полностью выгоревшие поля пшеницы, разбитые бомбами жилые дома, складские, административные и хозяйственные постройки, брошенную и сгоревшую технику. Бывало, на наших глазах бомбардировщики «Юнкерсс-87», внезапно вывалившись из облаков, с воем пикировали на дорогу, бомбили и расстреливали из пулеметов мирное население, которое никак не могло защитить себя. Все это напоминало не обычную войну, где противоборствуют равные по силе армии, а целенаправленное истребление нашего народа.

Мы, его защитники, либо прятались по лесам, либо шли на восток по тем же дорогам. Простые люди, не видя от нас никакой помощи, неприязненно говорили: «Провалиться бы вам! Почему не воюете с врагом, почему не даете ему отпора?!»

Картины страшного разорения и огромного людского горя отзывались в сердце болью, с которой спокойно жить невозможно. Кто-то впадал в уныние, кто-то терял веру в победу и страшился будущего. Но я думала о возмездии, неизбежном и неотвратимом. Пришельцы с запада, которые вероломно нарушили мирную жизнь моей родной страны, должны понести суровое наказание, и я смогу их наказать. Смогу, как только оружие попадет ко мне в руки. Но дела с вооружением обстояли неважно. Не хватало не только снарядов для полковой и дивизионной артиллерии, не хватало даже винтовок.

В книге мемуаров вице-адмирала И.И. Азарова, который летом 1941 года являлся членом Военного совета Одесского оборонительного района, есть глава с выразительным названием:

«Дайте оружие!» Он рассказывает о том, как при стремительном наступлении фашистов искал по армейским складам винтовки, автоматы, станковые и ручные пулеметы и везде получал отказ. Лишь по случайности ему удалось вооружить одну вновь формируемую воинскую часть Южного фронта: «У нас было пятьсот учебных винтовок… Все с просверленными патронниками. По нашей просьбе на заводе заделали отверстия. Большую часть винтовок удалось ввести в строй. Мы испробовали их на стрельбище – к нашей радости они оказались годными…»[2]

Обычная винтовка Мосина образца 1891/1930 года попала ко мне во второй половине июля, после того, как наш полк стоял под сильным артиллерийским обстрелом на рубеже Ново-Павловка – Новый Арциз. Очень обидно с единственной гранатой в руке наблюдать за ходом боя. Но в миллион раз горше ждать, когда твой товарищ, стоящий рядом, будет ранен и его оружие перейдет к тебе. Осколок снаряда тяжело ранил моего однополчанина, спрятавшегося в окопе. Истекая кровью, он отдал мне «трехлинейку».

После артподготовки румыны приготовились к нападению, и тут я вместе с другими бойцами нашего первого взвода, положив винтовку на бруствер неглубокой траншеи, поставила хомутик на секторном прицеле на метку «3» (то есть на дальность 300 метров) и передернула затвор. Патрон находился в канале ствола, легкая пуля образца 1908 года ждала своего освобождения. Огонь мы открыли по команде младшего лейтенанта Ковтуна. Заработали и ротные ручные пулеметы. Исход этой маленькой битвы решила наша удачная контратака. Поднявшись из окопов, мы отогнали фашистов довольно далеко. Поле боя осталось за нами, и бойцы 54-го стрелкового полка принялись собирать оружие убитых врагов. В качестве трофеев мы получили винтовки чешского производства «ZB-24» калибра 7,92 мм. Наши патроны к ним не подходили, потому требовалось снимать с трупов также и патронные сумки. Конечно, это решало трудности с вооружением солдат лишь частично.

Младший лейтенант Ковтун, увидев меня с «трехлинейкой», закинутой за плечо, подошел поближе. Я боялась, что он прикажет отдать ее кому-нибудь из бойцов. Но после недавней победы над противником комвзвода был настроен благодушно.

– Значит, вместе со всеми в атаку ходила, красноармеец Людмила?

– Так точно, товарищ командир! – отрапортовала я.

– Ну и как настроение?

– Отличное, товарищ командир!

– Стреляла? – спросил он.

– Да. Обойму истратила.

– Ладно. Старшина перепишет эту винтовку на тебя. Посмотрим, какой ты снайпер.

– Мне бы оружие с оптическим прицелом, товарищ командир, – попросила я. – Тогда и результаты другие будут.

– Этого пока обещать не могу. Но при первой возможности попробую исполнить твою задушевную просьбу, – младший лейтенант улыбнулся, и я поняла, что теперь уж точно вхожу в строевой состав вверенного ему подразделения…

Между тем наше отступление продолжалось. «Чапаевцы» подошли к западному берегу реки Днестр, переправились через него и 26 июля заняли оборону на восточном берегу на рубеже: Граденица – село Маяки – Францфельд – Каролино-Бугаз. Севернее находились фортификационные сооружения Тираспольского укрепленного района № 82.

Его возвели задолго до войны и оборудовали неплохо: бетонные, деревянно-земляные, каменные огневые точки, блиндажи, глубокие окопы и траншеи. Здесь в капонирах и полукапонирах расположили около ста орудий разных калибров, несколько сотен станковых и ручных пулеметов. Также УР-82 располагал подземными складами с разным военным имуществом. Советское командование рассчитывало остановить здесь вал вражеского наступления, перемолоть на днестровских берегах румынские и немецкие пехотные дивизии и затем отбросить их обратно к западной границе. Я пишу подробно об УР-82 потому, что его военные склады очень пригодились 25-й и 95-й стрелковым дивизиям. По крайней мере, наш 54-й полк получил станковые пулеметы «максим», ручные пулеметы «Дегтярев пехотный», «трехлинейки» и винтовки СВТ-40, основательно пополнил боезапас. А мне наконец-то вручили совершенно новую, в заводской смазке снайперскую винтовку Мосина с оптическим прицелом «ПЕ» (прицел Емельянова).

Однако расчеты наших генералов на коренной перелом в боевых действиях с опорой на УР-82 не оправдался. Румыны и немцы, имея пятикратное численное превосходство, напирали сильно. На рубежах Тираспольского укрепрайона ожесточенные бои шли с 26 июля по 8 августа. Затем воинским частям Южного фронта пришлось отходить к дальним пригородам Одессы. Линия советской обороны теперь пролегала по населенным пунктам: Александровка – Буялык – Бриновка – Карпово – Беляевка – Овидиополь – Каролино-Бугаз…

Беляевка, 8 августа 1941 года – место и дата моего снайперского, так сказать, дебюта на войне. Никогда не забуду этот день.

Беляевка – довольно большое старинное село, заложенное еще запорожскими казаками у озера Белое, отстоит от Одессы километров на сорок. Значительную часть поселения составляли глинобитные мазанки с камышовыми крышами. Но имелись и каменные постройки: церковь, одноэтажная школа, несколько домов, до революции, вероятно, принадлежавших местным богатеям. Теперь в одном из них находился сельсовет. После длительного боя западная часть Беляевки осталась за воинами румынского короля Михая Первого. Несмотря на существенные потери, они никуда не продвинулись. К вечеру на восточной стороне села закрепился наш первый батальон. Капитан Сергиенко вызвал меня на командный пункт и показал на дальний конец Беляевки. Там среди разросшихся деревьев виднелся большой дом с крыльцом под двускатной крышей, хорошо освещенный предзакатным солнцем. На крыльцо вышли два человека в офицерских мундирах и в касках, напоминающих деревенские макитры. Именно эти стальные изделия королевство Румыния перед войной закупило для своей армии у голландских поставщиков.

– Похоже, там их штаб. Достанешь? – спросил комбат.

– Попробую, товарищ капитан, – ответила я.

– Давай, – он встал поодаль, собираясь наблюдать за моими действиями.

Наше пребывание в течение недели возле УР-82 было более или менее спокойным, и я, отойдя в тыл, смогла привести новую «снайперку» в боевое состояние. Для того следовало разобрать винтовку полностью и проделать кое-какую работу с ее составными частями. Например, удалить лишний слой дерева по всей длине желоба цевья, опилить наконечники ложи и ствола, подогнать упор ствола к нагелю ложи, поставить прокладки между ствольной коробкой и магазином. Для идеального прилегания некоторых деталей затвора друг к другу рекомендуется аккуратно обработать их мелким бархатным надфилем. Ведь спусковой механизм винтовки должен быть четким, надежным, стабильным.

Ясная и безветренная погода, установившаяся тогда на степных пространствах восточного берега Днестра, способствовала пристрелке винтовки, сначала с открытым прицелом, потом – с оптическим. Такая пристрелка на первом этапе проводится с расстояния в сто метров по черному пристрелочному квадрату размером 25 × 35 см. При втором этапе винтовка фиксируется в пристрелочном станке (или в чем угодно) для придания ей неподвижности. Задача – отрегулировать оптический прицел с помощью открытого…

«Снайперка» была у меня за плечом, на поясном ремне висели три кожаных подсумка с разобранными по типам патронами: первый – с «легкими» пулями образца 1908 года, второй – с «тяжелыми» пулями образца 1930 года, третий – с бронебойно-зажигательными пулями образца 1932 года. Я взяла винтовку в руки, заглянула в окуляр оптического прицела. Горизонтальная линия закрывала фигуру офицера, спускавшегося по ступеням вниз, примерно до пояса. Это – уравнение из курса практической баллистики, который нам читали в Школе, и решение его таково: расстояние до цели составляет 400 метров. Заложив в патронник патрон с «легкой» пулей, я оглянулась, выбирая место для стрельбы.

Мы с капитаном находились посреди сельской хаты, разбитой прямым попаданием снаряда. Проломленная стена, повсюду разбросаны камни и обгорелые обломки балок. Стрелять из положения лежа не представлялось возможным. Я решила стрелять, спрятавшись за стену, то есть с колена с применением ремня: сесть на каблук правого сапога, а на левую ногу, согнутую в колене, опираться левым же локтем, вес винтовки принять на ремень, пропущенный под левый локоть. Эх, не зря Потапов часто напоминал нам снайперскую пословицу: «Стреляет ствол, но попадает ложа!» От положения, которое занял стрелок, удерживая винтовку, зависит многое.

Короче говоря, первую цель я поразила с третьего выстрела, вторую – с четвертого, зарядив винтовку дефицитным патроном с «тяжелой» пулей. Не могу сказать, что волновалась или колебалась. Какие могут быть колебания после трех недель отчаянного отступления под вражескими бомбами и снарядами? Но что-то мешало сосредоточиться. Говорят, это порою бывает, когда снайпер впервые переходит от учебных стрельб по картонным мишеням к стрельбе по живому противнику.

– Люся, – ласкового сказал комбат, посмотрев в бинокль на вражеских офицеров, неподвижно лежавших у крыльца. – Патроны все-таки беречь надо. Семь штук на двух фашистов – это много.

– Виновата, товарищ командир. Исправлюсь.

– Уж ты постарайся. А то их видимо-невидимо, и лезут сюда, как тараканы. Ведь, кроме нас, остановить оккупантов некому…

Между тем румыны чувствовали себя победителями.

Диктатор Ион Антонеску 8 августа объявил о том, что 15 августа 1941 года его доблестные войска, разгромив русских, вступят в Одессу и пройдут по ее улицам торжественным маршем. Основания для такого «головокружения от успехов» имелись. Захватив 16 июля Кишинев, союзные немецко-румынские войска

двигались от Прута к Днестру довольно быстро и за 33 дня захватили значительную советскую территорию, которую называли «Транснистрией», якобы издревле принадлежавшей румынскому королевству. Теперь они собирались очистить ее от русских, украинцев, евреев и цыган (то есть уничтожить их в концлагерях), их земли и дома отдать офицерам и солдатам своей армии, запретить употребление русского и украинского языков, «как унижающих достоинство великой румынской нации», снести все памятники, переименовать по-своему все поселки и города, в частности, Одессу назвать городом «Антонеску».

Однако румыны хотели въехать в рай на чужом горбу.

Если бы не гитлеровская Германия с ее мощной промышленностью, отличной военной техникой, хорошо отмобилизованными и имеющими боевой опыт вооруженными силами, с ее стратегическим планом «Барбаросса», то ни о какой «Транснистрии» подданным короля Михая Первого не стоило бы и мечтать. В 1940 году Советский Союз вернул себе Бессарабию и Северную Буковину, отторгнутые румынами от России в бурные времена революции и Гражданской войны. Тогда перед наступающими нашими частями 5, 12 и 9-й армий королевские войска отходили весьма поспешно, избегая боевых столкновений и бросая склады с оружием.

Теперь триумфальный путь по причерноморским степям породил у воинов полуфеодального, отсталого государства иллюзию победы над грозным северным соседом. Вероятно, королевские генералы решили, будто Красная армия деморализована и оказывать сопротивление больше не будет. Эта иллюзия дорого обошлась румынам под Одессой.

В окуляр оптического прицела я часто видела их смуглые горбоносые полуцыганские-полувосточные физиономии. Правда, господин Антонеску утверждал, будто румыны – потомки древнеримских легионеров. На самом же деле с XV века Валашское княжество подпало под власть Османской империи. Если кто и повлиял тут на народонаселение, то турки, которые почти до 70-х годов XIX столетия держали гарнизоны в крупных городах, имели собственную торговлю, заставляли румын служить в своей армии. А еще – множество цыганских таборов, свободно кочевавших по городам и весям этой крестьянской страны.

Одетые в мундиры песочно-сероватого цвета, в каски-макитры или в суконные кепи со смешной тульей, вытянутой углом спереди и сзади, румыны в начале августа 1941 года вели себя чрезмерно уверенно и беззаботно, демонстрируя пренебрежение к законам войны. Они расхаживали по позициям

во весь рост, далеко не везде выставляли боевое охранение, недостаточно занимались разведкой, располагали тыловые части (медсанбаты, кухни, коновязи, обозы, мастерские и проч.) поблизости от линии фронта. Одним словом, создавали прекрасные условия для работы сверхметкого стрелка. Неудивительно, что мой снайперский счет увеличивался день ото дня.

Само собой разумеется, безумный приказ Антонеску о взятии Одессы 15 августа 1941 года остался невыполненным, хотя Четвертая армия под командованием генерала Николае Чуперкэ насчитывала более 300 тысяч солдат и офицеров, располагала 80-ю боевыми самолетами и 60-ю танками. При ней состояли и некоторые подразделения немецкой 72-й пехотной дивизии. Наши тогда могли противопоставить им 35 самолетов, 5–7 исправных танков и 50–60 тысяч бойцов.

Глава 4
Огненные рубежи

Советские военно-инженерные части, саперные батальоны и жители города славно потрудились, готовясь к длительной осаде. Передний край главного рубежа (протяженность по фронту – 80 км, глубина – 3,5 км) проходил через ближайшие к Одессе села и хутора. Этот рубеж имел 32 батальонных района обороны, ротные и взводные опорные пункты, огневые позиции для артиллерии и минометов. К 10 августа успели построить 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек, вырыли 1500 окопов различного назначения, которые связывались в единую систему траншеями и длинными, извилистыми ходами сообщения. Окопы и траншеи были полного профиля, то есть глубиной более полутора метров, со стенами, укрепленными досками. Имелись и блиндажи «в три наката», или проще говоря, накрытые толстыми бревнами в три слоя. Противотанковые рвы шириной до семи метров и глубиной до трех метров пересекали ровные пространства причерноморской степи. Перед боевыми позициями находились минные поля и большие участки, с рядами заграждений из столбов с натянутой на них колючей и гладкой проволокой. Второй рубеж главной линии обороны отстоял от города на 40 км, третий – на 25–30 км, четвертый – на 12–13 км[3].

Мы мечтали о подобных фортификационных сооружениях.

Эта мечта поддерживала нас и под Ново-Павловкой, и под Арцизом, и у села Староказачье, когда на скорую руку, малыми саперными лопатками мы рыли траншеи то ночью, при свете луны, то днем, под обстрелом вражеской дальнобойной артиллерии, когда шли по степным шляхам без пищи и воды, когда хоронили павших товарищах в воронках от бомб, когда, экономя патроны, отбивались от наседавших фашистов. Мы верили, что хаос и неразбериха первых дней войны, вызванные внезапным, вероломным нападением агрессора, прекратятся. Когда и где они прекратятся, мы не знали, но не сомневались, что на нашем тяжком пути скоро возникнет некая опора, неприступная крепость, которую мы, уже пройдя крещение огнем, станем защищать до последней капли крови, и обнаглевший противник почувствует настоящую силу русского оружия…

Осадное положение в Одессе было объявлено 8 августа.

В это время воинские части нашей 25-й Чапаевской стрелковой дивизии под командованием полковника А.С.

Захарченко находились на линии Беляевка – Мангейм – Бриновка. Натиск превосходящих сил врага мы отразили и не дали румынам прорваться на юг. Дальше произошла перегруппировка советских войск. В сводный отряд комбрига С.Ф. Монахова, направленный в Восточный сектор обороны, вместе с Первым полком морской пехоты, 26-м полком НКВД вошел и 54-й имени Степана Разина полк (командир подполковник И.И. Свидницкий), но не весь. Первый батальон остался на прежних позициях и стал использоваться как ударная часть, которую перебрасывали с одного участка фронта на другой для ликвидации прорывов врага.

Костяк батальона составляла наша вторая рота (командир – лейтенант Дмитрий Любивый). Получив приказ: «Восстановить положение возле Н-ского села!», мы садились в машины – «полуторки» (но чаще передвигались пешком), прибывали на место и шли в атаку, чтобы выбить противника с недавно занятых им позиций. Как правило, нам это удавалось.

Теперь рота имела отличное вооружение. Много оружия мы добыли в боях: винтовки разных образцов, автоматы (немецкие «МР-40», больше известные у нас под названием «шмайссер»), советские пистолеты «ТТ», иностранные – «Маузер», «Беретта», «Штайр», револьверы «Наган», гранаты, ручные пулеметы «ДП», большой запас патронов. Наученные горьким опытом приграничных схваток, когда оружия не хватало, мы создали свои ротные схроны. Тяжеловато было перетаскивать все это с места на место, но мы ничего не хотели отдавать на полковой склад, хотя с нами и проводили всякие разъяснительные беседы.

Боевитости нашего подразделения во многом способствовало сходство личного его состава по возрасту, по воспитанию, по образованию. Возраст колебался от 20 до 25 лет. Все мы были комсомольцами, призванными в основном с предприятий тяжелой промышленности, или, как я, студентами-добровольцами из украинских вузов. Армейское братство возникло еще в боях у реки Прут. Мы научились доверять друг другу и знали, что суворовское правило: «Сам погибай, а товарища выручай!» – действует у нас непреложно.

В перерывах между боями мы коллективно читали письма, полученные из дома, и также коллективно писали на них ответы, даже невестам. Каждый считал своим долгом подсказать какую-нибудь удачную или остроумную фразу. У нас были люди с музыкальным слухом и хорошим голосом, и мы часто пели хором. Репертуар состоял из песен времен Гражданской войны, песен из популярных кинофильмов: «Варшавянка», «Тачанка», «Там вдали, за рекой», «Веселый ветер» из фильма «Дети капитана Гранта» В.

Вайнштока, «Широка страна моя родная» из фильма Г. Александрова «Цирк», «Крутится-вертится шар голубой» из фильма Г. Козинцева и А. Трауберга «Юность Максима» и многие другие.

Песни помогали в бою. Бывало, при сильной перестрелке кто-нибудь вдруг на ухо охрипшим голосом пропоет тебе только одну строку из любимой песни или, проходя мимо, крикнет: «Держись, пехота!», и на сердце сразу становится легче.

Перед атакой всегда чувствуешь себя неважно. В голове какая-то пустота, настроение падает. Это тяжелое, неприятное ощущение. У нас в роте с ним вели борьбу: рассказывали всевозможные забавные истории, вспоминали удачные боевые эпизоды, не позволяли людям предаваться горьким ожиданиям. Потом раздавался голос лейтенанта Любивого: «Рота, вперед! За Родину, за Сталина, ура!» В едином порыве мы бросались в бой и забывали обо всем на свете. Ненависть к врагу брала верх над другими человеческими чувствами, и румыны бежали от нас, как зайцы.

Вот какой замечательной была наша вторая рота!..

Как бы смело ни действовали мы, «чапаевцы», суровые обстоятельства сражения за Одессу иногда брали верх. Противник имел превосходство в артиллерии и – самое главное – располагал большим боезапасом к орудиям и минометам, чего у защитников города не было. На три залпа немецко-румынских артиллеристов наши отвечали только одним. Огненный вал накрыл однажды нашу роту. Случилось это утром 19 августа. Фугасный снаряд угодил в бруствер окопа не прямо передо мной, но метра на два левее. Ударная волна разбила в щепы любимую винтовку, а меня отбросила на дно траншеи и засыпала землей. Очнулась я только в госпитале: однополчане откопали и привезли в Одессу вместе с другими ранеными и контуженными красноармейцами первого батальона.

Дивная картина открывалась из окна моей палаты, расположенной на первом этаже госпитального здания. Под порывами морского ветра качались ветви яблоневых, грушевых, персиковых деревьев в заброшенном саду, трепетали желтеющие листья, падали на землю созревшие плоды. С ветки на ветку перелетали маленькие серые воробьи и черноголовые скворцы. Наверное, они пересвистывались между собой, но я ничего не слышала. Беззвучное зрелище вступающей в свои права осени почему-то успокаивало, наводило на размышления. Слух возвращался медленно. Боли в суставах и в позвоночнике мучили по ночам.

В чисто убранной комнате, на хрустящих от крахмала

простынях, за сладким и крепким утренним чаем, который подавали ровно в восемь часов утра и непременно – со сдобной булкой, – я вспоминала жаркую, грохочущую от взрывов степь. Здесь, в абсолютной тишине, она казалась мне сном, не имеющим отношения к реальности, далеким, странным, даже пугающим. Однако там остались мои боевые товарищи, и мое место было среди них.

Вскоре несколько писем от родных мне передали из полка.

Добрая моя матушка Елена Трофимовна беспокоилась о моем здоровье и советовала не пить в походе сырую воду из открытых водоемов. Отец Михаил Иванович вспоминал Первую мировую и Гражданскую войны, утверждая, будто Беловым в сражениях всегда везло. Старшая сестра Валентина рассказывала, как идет у нее работа на новом месте. Все они находились очень далеко от меня, в Удмуртии, куда из Киева эвакуировали завод «Арсенал». Собравшись с духом, я села писать им ответы, старательно выводя буквы правой рукой, к которой постепенно возвращалась прежняя сила и точность. Получилось несколько коряво, но зато искренне:

«Удмуртская республика,

г. Воткинск, Главпочтамт, до востребования,

Беловой Валентине Михайловне.

Здравствуй, дорогая Жучка!

Вчера вырвалась из госпиталя в город. Получила Ленуськину открытку, которая шла из Киева в Одессу всего полтора месяца. Ленуся дала твой адрес. Почему ты не взяла ее с собой?.. Я уже месяц и десять дней в армии. Успела насолить румынам и немцам, побывала на передовой. Они, гады, присыпали меня землей… Теперь в госпитале. Через два дня выхожу, иду в свою часть, где моя специальность – боец-снайпер. Думаю, если не убьют, быть в Берлине, отлупить немцев и вернуться в Киев. Расчет у меня простой – 1000 немцев, а тогда я уже дешевле свою голову не ценю. Можно сказать, раз оценила свои способности и больше не отступлю. Словом, не скучаю. Житье-бытье веселое. Если тебе не лень, пиши по адресу: Одесса, ул. Пастера, 13, научная библиотека, Чопак, для меня. Мне передадут…»[4]

В предпоследний день августа 1941 года меня отпустили из госпиталя на передовую со справкой о полном излечении от тяжелой контузии. Я решила навестить мою приятельницу Софью Чопак, по-прежнему работавшую в библиотеке. По дороге туда меня дважды останавливал патруль для проверки документов. Вероятно, подозрения вызывала моя гимнастерка, выстиранная в госпитальной прачечной и отлично выглаженная, с нашитыми на воротник парадными малиновыми петлицами вместо положенных сейчас походно-полевых, то есть цвета хаки. А может быть, и сам

мой вид. Все-таки женщин-военнослужащих тогда было очень мало…

За два месяца, прошедших с начала войны, прежде беззаботная красавица Одесса и ее жизнерадостные жители сильно изменились.

На некоторых улицах возвели баррикады из мешков с песком и устроили площадки с зенитными орудиями. Многие магазины закрылись, другие заклеили свои стеклянные витрины бумажными полосами крест-на-крест. Курортники исчезли. Парки, бульвары, улицы, площади стали пустынными. Только патрули народного ополчения с винтовкми за плечами четко вышагивали по булыжной мостовой. Под усиленную охрану взяли промышленные предприятия, морской порт, объекты транспорта и связи, источники водоснабжения.

В городе опасались – и совсем не зря – появления диверсантов. Фашисты начали регулярно бомбить Одессу. Несколько раз бывало, что кто-то подавал им сигналы с чердаков многоэтажных домов, наводил бомбардировщики на цель. Особенно пострадал при этом морской порт.

Имел место и другой случай. Неожиданно на гражданский аэродром Одессы приземлился небольшой самолет без опознавательных знаков. Наша противовоздушная оборона его, как говорится, проморгала. Из самолета выскочили 17 немецких автоматчиков и открыли стрельбу. Они попытались захватить аэродром для приема нового, более многочисленного десанта. Бойцы истребительного батальона Ильичевского района пришли в себя довольно быстро. Противник был окружен и уничтожен. Самолет захвачен. Больше никакого десанта фрицам здесь высадить не удалось.

Об этом и о многом другом рассказала Соня, когда мы встретились в хранилище редких книг и рукописей научной библиотеки. Там кипела работа. Сотрудники укладывали в большие деревянные ящики фолианты, кожаные папки со старинными рукописями и ценными раритетами, заново нумеровали их, составляли описи. После объявления осадного положения в городе многие учреждения культуры стали готовить к эвакуации на Кавказ. Научную библиотеку тоже включили в их число. Софья Чопак еще не решила, будет ли она уезжать. Хотя эта наша встреча могла стать и последней.

Остаток дня я с удовольствием провела в дружном и гостеприимном семействе Чопак, в их квартире на улице Греческой, за скромным ужином. С 25 августа Исполком Одесского облсовета установил продажу печеного хлеба, сахара, крупы и жира по карточкам. Однако продолжал действовать

знаменитый рынок на Привозе. Там пока еще продавалось все, что душе угодно, только цены выросли в два-три раза.

Вечер выдался тихим.

Артиллеристы лидера эсминцев «Ташкент» 29 августа подавили румынскую батарею, стрелявшую с позиций у Большого Аджалыкского лимана. До того она три дня вела прицельный огонь по городу, по морскому порту и его фарватеру, мешая кораблям Черноморского флота выгружать в порту маршевые батальоны, оружие, боеприпасы, продовольствие и снаряжение для осажденных советских войск. Кроме того, Приморская армия отбила очередной румынский штурм, хотя фашисты подошли к Одессе ближе: в Восточном секторе обороны – к поселку Фонтанка, в Западном секторе – к поселкам Фрейденталь и Красный Переселенец…

Рано утром я на попутном грузовике выехала из города по направлению к Куяльницкому и Большому Аджалыкскому лиманам. Командный пункт первого батальона располагался возле небольшого хутора. Я доложила капитану Сергиенко о прибытии в часть для дальнейшего прохождения службы. Завершила рапорт словами: «красноармеец Павличенко». Капитан улыбнулся:

– Ошибочку допустила, Людмила.

– Какую, товарищ капитан?

– Не красноармеец ты теперь, а ефрейтор. Поздравляю.

– Служу Советскому Союзу!

От радости хотелось закричать во весь голос: «Ур-ра!» Но следовало держаться солидно и сдержанно. Как-никак – первое армейское звание. Поступив добровольцем в РККА, я задумывалась о военной карьере, но не ожидала, что мое рвение и успехи в снайперской работе начальство оценит уже через полтора месяца. Впрочем, большие потери в наших войсках немало способствовали быстрому продвижению по служебной лестнице. Для тех, кто оставался в живых, конечно.

Разговор на КП продолжался, и я узнала, что за период моего лечения в госпитале в нашей второй роте произошли изменения. Во-первых, погиб командир моего взвода лейтенант Василий Ковтун, а вместе с ним – еще около тридцати человек. Произошло это во время кровопролитных боев 24, 25 и 26 августа около Куяльницкого лимана. Во-вторых, в полк недавно прибыло пополнение – моряки-добровольцы из Севастополя. Они горели желанием сразиться с врагом, но опыта пехотной службы не имели. Также к нам поступили и другие добровольцы – около сотни жителей Одессы.

– Я рад, что ты вернулась в полк, – сказал Иван Иванович

Сергиенко. – Очень надеялся на это и даже приготовил подарки. Самый главный – новая снайперская винтовка системы Мосина вместо той, разбитой.

– Спасибо, товарищ капитан!

– Второй подарок попроще. Но полагаю, он тебе тоже понравится, – комбат протянул мне маленькую серую картонную коробочку, вроде тех, в которые упаковывают товары в «Военторге».

Я открыла ее. Там лежали два латунных треугольничка, знаки моего нового воинского звания. Требовалось прикрепить их на пустые малиновые петлицы воротника в самых верхних углах. Где бы я нашла таковые металлические штучки сейчас, в степи, простреливаемой насквозь, изрытой траншеями и окопами? Командир позаботился обо мне, и эта забота согревала сердце. Впрочем, капитан Сергиенко заботился не только обо мне, но и обо всех бойцах первого батальона. Он был очень опытный, деятельный, строгий офицер и справедливый человек. Когда подполковник Свидницкий выбыл из нашего 54-го полка по ранению, все мы ожидали, что должность командира вместе со званием «майор» (что следовало ему по выслуге) получит именно Сергиенко. Но начальство решило иначе и назначило к нам майора Н.М. Матусевича, имевшего солидный возраст, участвовавшего в Гражданской войне в качестве рядового бойца Первой Конной армии.

На КП батальона я прикрепила к своим петлицам треугольники и уже форменным ефрейтором отправилась на огневые рубежи второй роты. Сергиенко напутствовал меня словами о том, что надо бы и среди новобранцев отыскать людей, способных к снайперской науке. К сожалению, в окопах меня окликнули по имени лишь несколько бойцов из прежнего нашего состава. Остальные наблюдали за мной с любопытством. Моряки, до сего времени бороздившие водные пространства, даже не хотели переодеваться в униформу защитного цвета, снимать флотские бескозырки, темно-синие фланелевки, тельняшки, широкие черные брюки-клеш. Хорошие корабельные специалисты, они раньше-то и винтовок в руках не держали, слово «снайпер» им ни о чем не говорило. За короткий срок превратить мореходов в сверхметких стрелков – честное слово, задача нелегкая. Начали мы с того, что убедили их носить каски, гимнастерки, сапоги вместо ботинок…

Между тем командование Одесского оборонительного района ставило перед снайперами определенные цели: занимать выгодные для наблюдения и ведения огня позиции, не давать противнику покоя, лишить его возможности свободно

передвигаться в ближайшем к линии фронта тылу, деморализовать. Ничего нового или необычного в этом не было. Но сам театр боевых действий: ровные, кое-где чуть всхолмленные, почти безлесные, с редкими населенными пунктами степи – предоставляли мало возможностей для устройства снайперских засад и до предела затрудняли маскировку. Требовалось искать какие-то иные методы успешной борьбы с захватчиками.

Решили устраивать засады подальше от нашего передового края, выносить их вперед, на нейтральную полосу, которая кое-где достигала 400–600 метров, то есть на максимально близкое расстояние к противнику. Делали это после тщательной разведки, в которую ходили сами, внимательно изучая местность, определяя ее пригодность для ведения прицельной стрельбы, прикидывая, каким образом можно будет потом покинуть засаду и вернуться в расположение своей воинской части.

Приведу в пример наш первый такой выход.

Все уже было разведано, и ночью мы отправились на задание втроем: боец с ручным пулеметом «Дегтярев пехотный» и пара – снайпер-истребитель (это – я) и снайпер-наблюдатель Петр Колокольцев. Противогазные сумки набили патронами, на пояс повесили гранаты. У каждого, кроме винтовки, был еще и пистолет «ТТ» (я отдаю предпочтение данному типу «огнестрелов» из-за мощного патрона). Идя в засаду, мы понимали, что не каждый выстрел бывает последним для врага. Точность нашего огня будет зависеть от многих обстоятельств, нам порой и не подвластных.

Местом засады мы выбрали заросли довольно высокого и густого кустарника. Они имели вид ромба и простирались в длину метров на 150, в ширину метров на 12–15. Острый угол ромба вклинивался в оборонительную линию румын и заканчивался неглубоким оврагом во втором эшелоне противника. От первой линии окопов 54-го полка место засады отделяло расстояние метров в 600. Далековато, конечно. Но мы договорились с пулеметчиками, что они будут наблюдать за нами и по нашему сигналу (поднятая вверх малая саперная лопатка) прикроют наш отход огнем.

Выйдя из блиндажа после полуночи, мы преодолели расстояние до засады за час. Луна на безоблачном небе освещала окрестности, и все тропинки, неровности почвы, воронки от снарядов проступали отчетливо. Тихая, теплая, ласковая причерноморская ночь обнимала окрестности. Обе стороны не вели даже обычный, беспокоящий ружейно-пулеметный огонь. Кругом было так хорошо, так мирно! Лишь вероятная встреча с

врагом в самом кустарнике портила нам настроение. Приходилось шагать с оглядкой, оружие держать наготове. Но оказалось, что румын в кустарнике нет. Почему они не заняли его, не разместили в нем хотя бы пост наблюдения, – мы не поняли. Однако я отношу сей факт к их цыганской безалаберности. Пунктуальные, расчетливые немцы учили-учили своих союзников современной войне, да не выучили.

Остаток ночи мы посвятили обустройству позиции. Вырыли окопы с небольшими брустверами, укрепили их камнями и дерном, положили на них винтовки, примерились, определили расстояния. Пулеметчик установил пулемет.

Светало. В пять часов утра в расположении противника началось движение. Солдаты ходили во весь рост, громко разговаривали, перекликались между собой. В шесть часов утра приехала полевая кухня. Стало еще оживленнее. Появились офицеры, которые крикливыми голосами отдавали приказы. В некотором отдалении, вероятно, находился какой-то санитарный пункт, и там мелькали белые халаты медиков, ясно для нас различимые.

В общем, мишеней обнаружилось много.

Мы распределили силы так: левый фланг – мой, правый – Петра Колокольцева. Наблюдение по центру вел пулеметчик. Мы ждали до 10 часов утра, изучая повадки врага, находящегося в удалении от переднего края, затем открыли огонь.

Румыны перепугались. Несколько минут они не могли определить, откуда ведется стрельба и метались из стороны в сторону, дикими воплями усиливая панику. Но расстояние у нас было измерено, прицелы выставлены. Практически каждая пуля находила свою цель. Примерно за двадцать минут я и Коломиец сделали по 17 выстрелов. Результат: у меня – 16 убитых, у Петра – 12. Пулеметчик, который должен был прикрывать нас в случае прямой атаки противника на нашу засаду, не стрелял, так как в этом не было нужды.

Опомнившись, фашисты открыли минометный и пулеметный огонь по зарослям кустарника. Однако они нас не видели и потому били неприцельно. Нам пришлось удирать. До своих позиций мы добрались благополучно, написали рапорт командиру полка и получили от него благодарность в приказе за смелые действия. Подумали и решили ночью опять пойти в засаду на то же самое место. Шли спокойно, не волновались, а придя к зарослям кустарника, встревожились не на шутку.

В первый день мы брали с собой воду в бутылках, а возвращаясь, бутылки с собой не унесли. Вместо трех оставленных нами бутылок с водой мы обнаружили шесть, и все –

из-под сладкого вина. Бутылки заставили нас призадуматься: «Не уйти ли отсюда совсем?» Еще нашли мы два патрона и узкую борозду на траве от станкового пулемета «шварцлозе». След вел в сторону врага. Стало ясно: днем тут находилось румынское боевое охранение. Наконец-то они сообразили, что заросли – весьма уязвимое место на их переднем крае, но ночью почему-то ушли. Вероятно, не ждали повторного нападения с одной и той же позиции. Мы обследовали наш участок снова, убедились, что все в порядке, и решили… остаться.

Огонь открыли в 12 часов дня. Повторилась вчерашняя картина: у меня – 10 убитых, из них – два офицера, у Петра Колокольцева – 8. На сей раз фашисты пришли в себя быстро и начали ответную стрельбу по кустарникам из двух пулеметов. Очереди ложились все ближе и ближе к нашим окопам. Мы прекратили огонь, отступили и незаметно передвинулись в сторону, подошли к пулеметчикам с фланга. С расстояния в сто метров сделали пять выстрелов из снайперских винтовок, уничтожив расчеты. Пулеметы понравились Петру: новенькие, так и блестят всеми своими частями. В общем, один пулемет мы утащили, замок от второго закопали в земле. Потом полковые разведчики по нашей наводке нашли его и взяли, как собственный трофей, вместе с пулеметом. Коробок с патронами к ним тут валялось предостаточно, и австрийские пулеметы еще послужили Красной армии.

Занимать это место под снайперскую засаду в третий раз было бы неразумно. Потому мы присмотрели новое: белый, наполовину разрушенный и покинутый жителями дом, который находился на той же нейтральной полосе метрах в четырехстах от зарослей кустарника. Заняв его, на следующий день мы с чердака наблюдали такую картину: в 7.30 утра румыны открыли по зарослям бешеный минометный огонь и безостановочно лупили по ним минут тридцать. Но ведь это тоже хорошо, когда враг тратит боезапас понапрасну…

За 26 румын, навсегда оставшихся в одесской степи (а общий мой счет приближался к шестидесяти пяти), никакой награды мне не полагалось. В первые месяцы войны не ждали мы никаких поощрений, больше думали о том, как защитить родную страну от остервенелых захватчиков. Позже, в 1943 году, после учреждения солдатского ордена Славы, третью и вторую его степень стали давать тем сверхметким стрелкам, кто уничтожил от 10 до 50–70 солдат и офицеров противника. Например, 14 девушек – выпускниц Центральной женской школы снайперской подготовки – удостоились подобных, двойных наград. Орден Славы всех степеней: третьей, второй и первой – получила только

старшина Нина Павловна Петрова. Ее счет – более 120 гитлеровцев.

Так что при обороне Одессы в 54-м имени Степана Разина стрелковом полку не я стала самой знаменитой героиней, а пулеметчица Нина Онилова.

Сирота, выросшая в детском доме, потом работница какой-то фабрики в Одессе, двадцатилетняя Нина пришла к нам во второй половине августа 1941 года вместе с другими добровольцами жителями города – и сперва попала санинструктором в санитарную роту, но вскоре выпросилась в строевую часть, поскольку в учебной организации Осоавиахима изучала пулеметное дело. Ее зачислили в наш батальон, служила она в первой его роте. Разумеется, мы знали друг друга.

Однако, не будучи свидетелем ее подвигов, хочу обратиться к воспоминаниям тех участников обороны, кто видел Нину Онилову и на поле битвы, и вне его.

«Впервые о ней заговорили после боя у селения Гильдендорф, – пишет вице-адмирал Азаров. – В критический момент Нина вместе со вторым номером расчета красноармейцем Забродиным выкатила пулемет на открытое место и ударила по атакующему противнику. Огонь был меткий. Фашисты залегли, а потом те, кто остался жив, поспешили отползти к своим. Атака была отбита…»[5]

«Когда я вернулся к себе, то зашел начальник политотдела старший батальонный комиссар Н.А. Бердовский, – вспоминает генерал-лейтенант Т.К. Коломиец. – Вместе с ним – невысокая девушка в красноармейской форме. Перехватив мой вопросительный взгляд, Бердовский представляет ее:

– Пулеметчица Разинского полка Нина Онилова. Во время обороны Одессы была ранена и эвакуирована в тыловой госпиталь. Теперь, говорит, поправилась…

Так вот она какая, эта Нина Онилова, прозванная “второй чапаевской Анкой” и перебившая уже сотни фашистов. На вид – совсем девчонка. Круглое загорелое лицо, смешливые глаза, обаятельна, немного смущенная улыбка…

В Приморской армии, наверное, не было бойца, который бы не слышал о ней…»[6]

Комсорг нашего полка Яков Васьковский описал действия доблестной Нины в своих мемуарах более подробно: «Очередная вражеская атака застала меня на КП первого батальона. Комбат Иван Иванович Сергиенко, наблюдавший за полем боя из щели, вдруг грозно закричал в телефонную трубку:

– Почему молчит пулемет на левом фланге? Немедленно проверьте. Если надо – сами стреляйте!

Это было адресовано командиру роты лейтенанту Ивану Гринцову. Тот побежал по траншее на левый фланг. Положение действительно было опасным. Заметив, очевидно, что огонь там слабее, атакующие фашисты начали сдвигаться к тому краю. А пулеметный расчет был новый, только что прибыл в батальон, и командир роты не успел познакомиться с людьми перед боем.

Добежав до пулеметчиков, Гринцов увидел: первый номер наклонился вперед и не двигается, а второй номер как ни в чем не бывало стоит позади.

– Далеко еще. Немного поближе пусть подойдут… – сказал пулеметчик, не оборачиваясь, совершенно спокойным тоном.

А до вражеской цепи – каких-нибудь семьдесят метров!..

Гринцов не выдержал, закричал:

– Да что ты делаешь? Они же сейчас забросают тебя гранатами! – он готов был оттолкнуть пулеметчика, чтобы самому открыть огонь.

Но в это мгновение пулемет заговорил. Солдаты противника скопились на узком участке. И первая же очередь скосила чуть не половину. Они были так близко, что и спрятаться уже некуда. Последние повалились метрах в тридцати от пулемета. В наших окопах кричали “ура!”. Такого действия пулеметного огня, кажется, еще никто в роте не видел.

– Молодчина! – воскликнул Гринцов. – Ты только посмотри, сколько там лежит фашистов! Ордена тебе мало!

Пулеметчик наконец повернулся к командиру роты, и тот увидел, что перед ним – девушка – загорелая, с круглым веселым лицом, по-мальчишески коротко стриженная… Скоро о пулеметчице Ониловой – “второй чапаевской Анке” – узнал весь полк, а затем и вся наша 25-я стрелковая дивизия…»[7]

Орден Красного Знамени Нина Онилова действительно получила. И довольно скоро, в декабре 1941 года, уже на позициях под Севастополем. Тогда по итогам одесской обороны в нашем славном, храбром полку, грудью заслонившем город и понесшим в боях с фашистами значительные потери, наградили орденами… десять человек.

Честно говоря, у нас далеко не все были в восторге от тактической находки Нины. Особенно нервничал капитан Сергиенко. Ведь Онилова занимала одно пулеметное гнездо, а он отвечал за передовую линию целого батальона. Вызвав к себе пулеметчицу, комбат похвалил ее за смелость, но предупредил, что стрельба с таких коротких дистанций при фронтальных атаках противника – очень большой риск. Мало того, что с фланга может прорваться какая-то отдельная группа и забросать ее гранатами. Сами станковые пулеметы «максим» в полку довольно

старые, еще дореволюционного выпуска, их механизм при интенсивной нагрузке нередко дает сбои, и тогда Нину, а вместе с ней и других бойцов, ничто не спасет. Это же не кинофильм «Чапаев», где белые никогда не добегут до красных. Это – настоящая война, и ситуации на поле боя складываются по-разному.

Потому Ониловой нечасто разрешали применять ее новаторский метод, заставляли точно соблюдать служебные инструкции. Однако данное обстоятельство значения уже не имело. Многотиражная газета 25-й дивизии «Красный боец», затем и другие военные издания опубликовали увлекательные рассказы о деяниях отважной девушки, а политработники, занимавшиеся в армии пропагандой, взяли на вооружение образ замечательной пулеметчицы, вдохновленной на подвиг романтическими героями Гражданской войны.

Ничего романтического в снайперском деле тогда никто не видел.

Во-первых, слово какое-то непонятное, иностранное – «sniper». Во-вторых, работа пулеметчика и пулемета действенная, выглядит гораздо интереснее, чем стрельба из засады. Протрещала очередь, и шеренга врагов тотчас валится на землю. То, что сверхметкий стрелок одним выстрелом снимет в наступающей цепи офицера, и атака захлебнется, так красиво не покажешь. В-третьих, сами снайперы. Ну что за люди? Молчаливые, необщительные, даже угрюмые. Рассказывать подробно о том, как именно охотятся за противником, не умеют (между прочим, не могут, давали подписку о неразглашении)…

В начале сентября 1941 года (кажется, числа 3–5) мы узнали, что наш полк, оставаясь в Восточном секторе Одесского оборонительного района, временно переходит в состав вновь формируемой стрелковой дивизии, которую сначала именовали «Первая Одесская», потом присвоили номер – 421. Вместе с нами там оказались наши старые знакомые: Первый полк морской пехоты под командованием полковника Я.И. Осипова, теперь – 1330-й, 26-й полк НКВД, теперь – 1331-й и усиленный бойцами из бывшего 82-го укрепрайона, а также – артполк, саперный батальон, пулеметный батальон и некоторые другие части. Должность комдива занял полковник Г.М. Коченов. Штаб ее находился в санатории «Куяльник», передовой КП – в селе Терновка. Дивизии предстояло держать фронт длиной в 17 км и противостоять двум румынским пехотным дивизиям полного состава. Их атаки мы отбивали весь день 6 сентября, а 7-го сами перешли в наступление. Румыны откатились на север на разных участках фронта на 0,5–2 км, оставив на поле примерно 700

убитых и тяжелораненых своих солдат и офицеров. Около двухсот человек попало к нам в плен, были захвачены орудия, минометы, пулеметы, автоматы и много боеприпасов.

На следующий день, 8 сентября, румыны обрушились на третий батальон нашего полка, который занимал позиции на перешейке между Хаджибейским и Куяльницким лиманами. Мы поспешили на помощь однополчанам и общими усилиями отразили вражескую атаку. Ожесточенные бои с сильной артиллерийской канонадой продолжались 9, 10, 11 сентября. Теперь вперед пробивались бывшие пограничники, люди отважные и дисциплинированные, ныне – 1331-й стрелковый полк. Они закрепились на рубеже: хутор Болгарка – деревня Августовка – северная окраина села Протопоповка.

При таких столкновениях, когда на ровном пространстве взаимодействуют большие массы войск, что делать снайперу? Ответ простой – вместе с другими бойцами занимать заранее подготовленные укрепления (они на этой территории имелись) и вести прицельный огонь из своего окопа. Тем более что враг наступает, не считаясь ни с какими потерями.

Здесь мне довелось наблюдать картину для Второй мировой войны почти фантастическую. Румыны устроили «психическую» атаку.

Сначала, как водится, минут двадцать гремел артналет. Советские солдаты и офицеры переждали его в хорошо оборудованных, глубоких блиндажах и траншеях. Большого урона 54-му полку он не причинил. Затем наступила тишина. Бойцы вернулись на свои позиции и стали всматриваться в даль. Там происходило что-то необычное.

До нас донеслись звуки бравурной музыки. Мы увидели, что пехотинцы в касках-макитрах не расходятся по степи, а наоборот, сбиваются в густые, тесные шеренги, становятся плечом к плечу и маршируют, как на параде, высоко поднимая ноги и в такт ритмичным ударам барабанов.

Где-то во второй или в третьей шеренге над головами солдат колыхалось знамя. Офицеры, соблюдая дистанцию и взяв обнаженные сабли на плечо, шагали в интервалах между шеренгами. На левом фланге двигался священник в полном парадном облачении. Его расшитая золотом, сверкающая под лучами яркого осеннего солнца риза смотрелась странно на фоне однообразного военного строя. Три церковные хоругви следом за ним несли румынские солдаты. Священник, как потом выяснилось, был украинец.

Не без удивления я рассматривала атакующих в бинокль. Они подходили все ближе и ближе. Вскоре стало очевидно, что

солдаты пьяные. Не так уж строго они держали равнение, не так четко маршировали. Да и можно ли заставить трезвых людей выйти на абсолютно ровное, хорошо простреливаемое пространство, даже если они убеждены в своем расовом превосходстве над теми, кого собрались уничтожать?

Вероятно, уверенность в победе придавало им и другое обстоятельство: большое численное превосходство. На наш первый батальон, в котором оставалось человек четыреста, не больше, маршировал под громкую музыку военного оркестра пехотный полк мирного состава, то есть тысячи две штыков.

Расстояние неумолимо сокращалось.

Румыны подошли на 700 метров, и по ним нанесла первый удар наша минометная батарея. Фонтаны земли взметнулись к небу среди серовато-песочных шеренг. Их строй на некоторое время сломался. Однако оставив убитых за спиной, живые сомкнули ряды и продолжали наступление. По команде офицеров они ускорили шаг и взяли ружья «на руку». Лезвия примкнутых штыков блеснули в пыльной степной дали, как молния.

Я терпеливо ждала, когда первая шеренга противника поравняется с забором на краю кукурузного поля. «Карточку огня» я нарисовала загодя и разметила на ней расстояния. Забор от моего окопа отстоял на 600 метров, заросли «волчьей ягоды» – на 500 метров, одинокое дерево с обломанной кроной – на 400 метров. Теперь воины короля Михая Первого выходили, сами того не ведая, на дистанцию прямого выстрела.

А прямой снайперский выстрел – вещь совершенно удивительная!

При нем траектория пули не поднимается выше цели на всей дистанции стрельбы. Например, как в данном случае, взяв прицел «6» и точку прицеливания по каблукам марширующих солдат противника, можно стрелять без перенастройки оптического прицела. Враг получит пулю сначала в ногу, подойдя ближе – в живот, еще ближе – в трехстах метрах – в грудь, затем в голову. Далее, по мере приближения к снайперу, в обратном порядке – в грудь, в живот, в ногу.

Излюбленный способ стрельбы у меня к тому времени сложился: пуля либо в переносицу, либо в висок врага. Но глядя на марширующую под барабан пешую армаду, я думала, что в этой ситуации выстрел только в голову – непозволительная роскошь. Главное сейчас: стрелять, стрелять и стрелять. Лишь бы остановить «психическую» атаку пьяных, ничего не соображающих солдат, не дать румынам дойти до наших окопов. Ведь они, имея пятикратное численное превосходство, просто растопчут наш доблестный батальон, уничтожат всех моих боевых товарищей.

Но они не дошли…

Солнце садилось, освещая слабыми скользящими лучами притихшую ковыльную степь. Отступив, румыны унесли с собой раненых, но убитые (кажется, до трехсот человек) остались. Перешагивая через тела поверженных врагов, я вместе с лейтенантом Ворониным, который заменил выбывшего по ранению нашего прежнего комроты лейтенанта Любивого, выискивала «своих» и отмечала их в книжке снайпера. Кроме меня, огонь успешно вели наши пулеметчики и другие стрелки второй роты. Патроны-то у всех одинаковые, винтовочные, калибра 7,62 мм. «Своими» я считала тех, кто имел пулевые отверстия в голове, шее, левой стороне груди. Таковых насчитала девятнадцать человек, из них – семь офицеры и унтер-офицеры.

– Вы специально целились по командирам? – спросил лейтенант.

– Да. Это предписывает инструкция.

– Отличный результат, Людмила.

– Служу Советскому Союзу!

– Они решились на «психическую» атаку, – задумчиво произнес Воронин. – Неужели людей ничуть не жалеют?

– Просто они считают нас слабаками.

– За час – две атаки. А теперь откатились на километр. Их не слышно и не видно.

– Неустойчивая румынская натура, – пошутила я. – Нападать, так скопом, с шумом и гамом. Если сразу победы не вышло, то убегать стремглав…

Лейтенант Андрей Александрович Воронин в 1939 году окончил Ленинградское пехотное Краснознаменное училище имени С.М. Кирова, до войны служил в Приволжском военном округе, в Одессу попал недавно с маршевым пополнением, фронтового опыта не имел. Он очень заинтересовался снайперской службой и расспрашивал о разных ее деталях. Намерение лейтенанта было меня наградить за меткую стрельбу внеочередным присвоением воинского звания, что он и исполнил. Я стала младшим сержантом и прониклась уважением к молодому офицеру. Он происходил из семьи коренных ленинградцев. Его отец, кандидат исторических наук, работал в Эрмитаже и хотел, чтобы сын продолжил это дело, но Андрей с детства мечтал о военной службе. Тем не менее историю он знал хорошо, и мы иногда разговаривали с ним о деяниях наших воинственных предков.

Новый приказ командира роты я постаралась исполнить как можно лучше.

Он поставил боевую задачу: уничтожить пулемет противника,

который вел поистине убийственный и точный огонь со стороны селения Гильдендорф[8], не давая нашим, как говорится, и головы поднять.

В двадцатых числах сентября советское командование готовилось нанести в Восточном секторе удар по противнику силами 421-й и 157-й стрелковых дивизий. Последняя прибыла в Одессу из Новороссийска 17 сентября, имела численность более 12 тыс. человек личного состава и артиллерию: 24 пушки калибра 76 мм, 36 гаубиц калибра 152 мм с тремя боекомплектами[9]. Это было мощное подспорье, поскольку полки 421-й дивизии пушек почти не имели (три орудия на километр фронта против восьмидесяти у румын). Планировалось, что наступление поддержит наша авиация, береговые батареи 37-я и 38-я, а также корабли Черноморского флота огнем своих пушек. Селения Гильдендорф, Болгарка, Александровка, совхоз имени Ворошилова находились на направлении главного удара. Нашим двум батальонам 54-го полка вместе с пятью батальонами из 157-й стрелковой дивизии предстояло штурмовать Гильдендорф.

Перед этим мои однополчане выбили противника с кладбища, расположенного метрах в двухстах от южной оконечности села. На кладбище росли деревья: пять высоких кленов с раскидистыми кронами и толстыми пепельно-серыми стволами, неведомо как уцелевшие в жарких схватках, при бомбежках и артобстрелах.

Сложности, связанные с маскировкой в степи, отступили сами собой. Из книги «Бои в Финляндии» я знала, что в карельских лесах финские снайперы-«кукушки» вели прицельный огонь по нашим войскам, спрятавшись среди веток могучих северных деревьев – сосен, елей, пихт. Почему бы мне не использовать этот опыт?

Лейтенант одобрил мой план.

Весь вечер я расшивала свою новую камуфляжную куртку с капюшоном зеленоватого цвета и коричневыми разводами. Старшина отдал мне обрывки маскировочных сетей и чью-то старую гимнастерку, которую я раскроила на ленты и кусочки небольшого размера. Разлохмаченная лента сгодилась, чтоб обернуть ствол «снайперки». Остальное вместе с кленовыми листьями, веточками и пучками травы я разместила на куртке, отчего она утратила прежний четкий силуэт и стала походить на одеяние лешего или болотной кикиморы.

За полтора часа до рассвета я отправилась на кладбище. Совсем не бедные люди – переселенцы из Германии – жили в деревне Гильдендорф. С немецкой аккуратностью обустроили они не только деревню, но и погост недалеко от нее: прямые дорожки,

могилы с каменными надгробиями, решетчатые оградки. Деревья осеняли место вечного упокоения первого бургомистра Гильдендорфа почтенного Вильгельма Шмидта, умершего в 1899 году, о чем сообщала выбитая на мраморном монументе надпись. Поставив ноги на черную плиту, я стала забираться оттуда наверх по стволу могучего клена, склонявшегося над могильным памятником.

Снаряжение мое составляли лишь самые необходимые вещи: снайперская винтовка Мосина с прицелом «ПЕ», два подсумка на ремне, наполненные патронами с «легкими» пулями образца 1908 года и бронебойными пулями образца 1930 года с головками, окрашенными в черный цвет, так как я собиралась не только расстрелять пулеметчиков, но и вывести из строя их адскую машинку, фляга в суконном чехле, боевой нож «финка». Бинокль я не взяла, стальной шлем – тоже, поскольку слух после контузии стал хуже, и каска мешала воспринимать слабые звуки.

Перед восходом солнца подул ветер. Клен зашелестел листьями, но толстые ветки, расходившиеся в стороны от его могучего ствола, даже не покачнулись. Упираясь в них ногами, я удобно устроила винтовку на другой ветке примерно на уровне моих плеч и посмотрела в окуляр оптического прицела на деревню. Теперь ее улица, застроенная одноэтажными каменными домами, мельница, кирха, школа лежали передо мной, как на ладони. В саду, окружавшем большой полуразрушенный дом, я увидела универсальный немецкий пулемет «MG-34» на стойке-треноге и коробки с патронными лентами, разложенными возле него. У пулемета имелся оптический прицел. Так вот в чем был секрет его сокрушительного действия! Ну, зловредные фашистские псы, я вас сейчас проучу…

В седьмом часу утра сменилось боевое охранение. Однако солдаты с винтовками меня не интересовали. Я ждала пулеметчиков. Они появились позже. Три румына в кителях серовато-песочного цвета и своих кепи с забавной тульей, вытянутой углом спереди и сзади, появились позже. Сначала они занимались пулеметом, потом расселись под деревьями и стали лакомиться крупными золотисто-желтыми грушами «бере», кои во множестве валялись в саду под деревьями.

Я рассчитывала сделать три выстрела, не более. Причем один – в замок пулемета.

Вложив патрон с «легкой» пулей в канал ствола, я закрыла затвор и прильнула к оптическому прицелу. Цель – голова рослого солдата, сидевшего около треноги с «MG-34», находилась между трех черных линий – и, следовательно, до выстрела оставалось несколько секунд. Но вдруг в саду произошло какое-то

движение. Пулеметчики вскочили, построились и замерли по стойке «смирно». Через минуту к ним подошли офицеры в фуражках. Наиболее интересно смотрелся один из них: сигара во рту, козырек фуражки с золотой полоской по краю, с правого плеча свешивается аксельбант, на боку – кожаный коричневый планшет, в руке – длинный хлыст. В целом – вид надменный и решительный.

Расстояние мне было известно: около двухсот метров. Ветер утих. Температура воздуха приближалась к двадцати пяти градусам тепла. Я взяла в прицел не солдата, а человека с аксельбантом, задержала дыхание, сосчитала про себя «двадцать два – двадцать два» и плавно нажала на спусковой крючок.

Выстрел румыны слышали.

Как не услышать его в пронзительной утренней тишине? Но вероятно, им в голову не сразу пришло, что работает снайпер. Адъютант (ведь аксельбанты – принадлежность их униформы), даже не вскрикнув, повалился набок. Они засуетились возле него, и совершенно напрасно, поскольку пуля попала в переносицу. Я успела перезарядить винтовку два раза, и оба пулеметчика тоже оказались на земле. Бронебойная пуля четвертого выстрела ударила по затвору «MG-34», выведя его из строя.

Противник опомнился и теперь вовсю лупил по кладбищу из минометов и винтовок. Вокруг меня свистели осколки мин и пули. Я прижалась к толстому стволу клена, но вскоре поняла, что он – плохая защита. Пять деревьев – не вековой карельский лес, в котором трудно что-либо разглядеть в вершинах сосен-исполинов. Куски горячего металла тут летали, подобно смертоносному рою, сбивая листья, разламывая тонкие ветки. Чувство страшной опасности оледенило сердце, но растерянности не вызвало. Это новобранец думает: «Такого со мной НЕ МОЖЕТ случиться». Солдат, побывавший под огнем, считает иначе: «Это МОЖЕТ со мной произойти, потому надо быть осторожнее». Тот, кто неоднократно видел смерть своих товарищей, осознает: «Это ДОЛЖНО со мной случиться. Но не случится, если только меня здесь не будет».

Следовало немедленно прыгать, хотя до земли – метра три. Чтобы не разбить дорогостоящую оптику, «снайперку» я повесила на сук, который торчал гораздо ниже, и ринулась вниз, имитируя собственную гибель. Упала неудачно, ударившись правым боком о чей-то могильный камень, и сама подняться не смогла из-за сильной боли. Воронин прислал солдат, и они помогли мне встать на ноги, довели до блиндажа.

В девять часов утра 21 сентября 1941 года началась наступательная операция. Ее предваряла длительная

артиллерийская подготовка. От залпов советских орудий и минометов, казалось, сотрясается земля. Мои однополчане готовились к атаке на Гильдендорф, а я, страдая от боли в правом боку, лежала в блиндаже и размышляла о том, что в книге «Бои в Финляндии», конечно, писана правда, но все-таки, применяя чужой опыт, надо думать и своей головой, анализировать местные обстоятельства. Теперь вылазка на кладбище и стрельба с дерева представлялись мне форменной авантюрой. Но… Как гласит народная пословица, все хорошо, что хорошо кончается!

Где-то к одиннадцати часам противник был выбит из Гильдендорфа, а также из совхоза «Ильичевка». Румыны беспорядочно отводили войска на север, бросая на поле боя убитых и раненых, вооружение, боеприпасы. Наши начали осматривать захваченные позиции, нашли в деревенском саду раскуроченный немецкий пулемет, двух солдат и офицера с пробитыми головами возле него. Это был мой вклад в общую победу, и лейтенант Воронин признал, что я очень помогла второй роте.

Он приказал санинструктору Елене Палий, студентке второго курса Одесского мединститута, добровольно вступившей в РККА в августе, лечить меня, что дисциплинированная Лена исполняла с большой старательностью: давала болеутоляющие таблетки, ставила на печень холодные компрессы, кормила диетической пищей, то есть гречневой кашей, сваренной без жира. Но лучше, чем каша, помогли забота и внимание, которыми окружили меня однополчане в награду за приконченный вражеский пулемет. Они приносили гостинцы: сочные золотистые груши «бере» из сада, туалетное мыло и флакончики с одеколоном из отбитого у румын обоза.

Командир роты тоже навестил меня.

Лейтенант рассказал, что заносчивый человек с аксельбантом, подстреленный мной, оказался адъютантом самого диктатора Антонеску майором Георги Караджа. При нем нашли какие-то важные штабные бумаги, письма, фотографии и дневник. Майор писал о тяжелом моральном состоянии румынской армии, которая под Одессой столкнулась с яростным сопротивлением русских. Дневник передали в штаб Приморской армии, оттуда – в Москву, фрагменты из него опубликовала газета «Правда» в октябре 1941 года.

Память об истории с пятью кленами на кладбище у селения Гильдендорф осталась у меня в виде серебряного портсигара с искусной чеканкой и гравировкой на крышке, имевшей изображение красивой женщины в роскошной шляпе с бантами и перьями. Андрей Воронин в тот день преподнес мне его в

качестве трофея, найденного при убитом румынском майоре. Я нажала на кнопку замка, портсигар открылся, и мы увидели плотно уложенные в нем тонкие длинные коричневые сигареты. Я предложила их лейтенанту. Он отказался:

– Я не курю. А вы давно курите, Людмила?

– Нет. На фронте научилась. Иногда помогает снять нервное напряжение.

– И часто оно бывает? – спросил командир роты.

– Обычно после охоты, когда противник уничтожен. Находясь в засаде, я не испытываю никаких чувств. Просто жду и думаю о том, что винтовка сработает без промаха.

– Думаете об оружии? – удивился лейтенант.

– Конечно. Оружие для снайпера – предмет почти сакральный…

Нашу беседу прервало появление Лены Палий. Она принесла три кружки с горячим чаем, щедро сдобренным медом (дар местных жителей доблестным бойцам РККА), и мы предались воспоминаниям о довоенной жизни. Андрей показал себя интересным собеседником и живо рассказывал нам об… Эрмитаже. Он любил этот музей, знал его коллекции, особенно – коллекцию скифского золота, изучением которой занимался его отец. Я в свою очередь рассказала, как после первого курса университета ездила на археологическую практику на раскопки около города Чернигова. Там при мне нашли железный сфероконический шлем X века, много наконечников стрел и копий, фрагменты кольчуг.

Жалею, что не могу нарисовать более подробный портрет командира второй роты Андрея Воронина. Недолго продолжалось мое с ним знакомство. Но он был ярким представителем того замечательного поколения молодежи, которое выросло в послереволюционные годы, училось в советских ВУЗах, потом проходило закалку в горниле Великой Отечественной войны. Истинные патриоты Родины, люди благородные, смелые, стойкие, они, не задумываясь, отдавали жизнь за ее свободу и независимость. Так поступил и Андрей. Должность командира роты он занимал чуть более месяца. Погиб в боях у деревни Татарка, поднимая бойцов в контратаку. Вражеская пуля пробила его сердце, и мы похоронили лейтенанта на сельском кладбище под красной фанерной звездой…

После победы, одержанной 21 и 22 сентября в Восточном секторе Одесского оборонительного района над частями румынской Четвертой армии, советское командование планировало нанести такой же мощный удар по противнику в Западном и Южном секторах. Мы получили приказ

перебазироваться на линию: селение Дальник – Татарка – Болгарские хутора – и таким образом наконец воссоединиться с двумя другими батальонами 54-го стрелкового полка, заняв место в резерве 25-й Чапаевской дивизии. Путь наш пролегал через Одессу, и мы обрадовались, что увидим прекрасный черноморский город, который защищаем не щадя сил.

Картина совсем не порадовала. Сначала мы шли по Пересыпи. Там работала только электростанция, заводы стояли с разбитыми цехами и обрушенными трубами. Сам город тоже сильно пострадал от бомбежек и артобстрелов. Мы шагали по мостовой, а на тротуарах занимали места женщины и дети. Они держали в руках чайники, кувшины, ведра и поили нас водой, угощали папиросами (запомнилась их марки: «Киев» и «Литке»), говорили какие-то приветственные, ласковые, ободряющие слова. Лишь потом мы узнали, что одесситы поделились с нами своим скудным водяным пайком, который составлял всего ведро воды на человека в сутки.

Затем на новом месте нам дали неделю на отдых, и меня вызвал к себе капитан Сергиенко. Он сообщил, что сейчас разобрался с донесениями командиров рот, проверил документы, и оказывается, мой снайперский счет – больше ста уничтоженных фашистов. Я подтвердила эти сведения. Комбат слегка пожурил меня за излишнюю скромность, мол, мне самой следовало напомнить ему о таком достижении. Я подумала про себя: «И что вышло бы? Десятки раз отчаянные храбрецы на моих глазах бросались с гранатами на румынские танки, отстреливались до последнего патрона в окопах, в рукопашных схватках штыками и прикладами отбивались от наседавшего на них противника. Кто из высокого начальства и когда оценил их подвиги? Но они нисколько тем не огорчались, ведь не за медали и ордена мы стоим здесь в голой степи под адским огнем…» Возможно, Иван Иванович как-то догадался о ходе моих мыслей. Он улыбнулся, сказал, что скоро все исправит, и мне предстоит поездка в штаб дивизии, в деревню Дальник. Я не очень-то ему поверила, ответила: «Слушаюсь, товарищ капитан!» – и забыла о нашем разговоре.

Но ехать все-таки пришлось.

Про нового командира нашей дивизии генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова я тогда ничего не знала, однако о том особо не печалилась. От комдива до командира отделения в пехотном полку, кем я стала с легкой руки лейтенанта Воронина, как говорится, «дистанция огромного размера». До младших ли сержантов генералам?

Адъютант Петрова пригласил меня войти. В комнате я

увидела перед собой человека лет сорока пяти, выше среднего роста, худощавого, рыжеватого, с жесткой щеточкой усов над верхней губой, с лицом властным, умным, решительным. Он носил пенсне, по кителю у него пролегали плечевые ремни кавалерийской портупеи, потому что совсем недавно Петров командовал Первой кавалерийской дивизией, тоже сражавшейся под Одессой.

С первого взгляда он мне показался прирожденным военным, офицером из семьи офицеров. Лишь потом я выяснила, что происхождение у него самое пролетарское. Его отец был сапожником в городе Трубчевске, но сумел дать сыну образование. Сначала тот окончил гимназию, затем – Карачевскую учительскую семинарию и из нее в январе 1917 года попал в Алексеевское юнкерское училище в Москве.

Генерал посмотрел на меня спокойно, даже безучастно.

– Товарищ младший сержант, – сказал он низким хрипловатым голосом. – За успехи на фронте командование вручает вам именную снайперскую винтовку. Бейте фашистов без жалости.

Адъютант комдива подал мне новенькую винтовку «СВТ-40» с оптическим прицелом «ПУ», более коротким и легким, чем прицел «ПЕ». На металлической трубке виднелась красивая гравировка: «100. За первую сотню мл. с-ту Павличенко Л.М. от команд. 25-й див. Ген. м-ра Петрова И.Е.».

– Служу Советскому Союзу! – торжественно отрапортовала я, затем коснулась губами вороненого ствола, после того приставила винтовку к ноге.

Похоже, генерала удивил мой поступок. Но ведь это было не просто оружие, а награда, священный предмет, данный мне для священной войны и мести вероломному врагу. Петров шагнул вперед, я встретилась с его взглядом, внимательным и заинтересованным.

– Вы давно в армии, Людмила Михайловна? – спросил он.

– Никак нет, товарищ генерал-майор. Вступила добровольцем в конце июня.

– А до армии кем были?

– Училась в Киевском университете. Истфак, четвертый курс.

– Превосходно владеете винтовкой, – заметил Петров.

– С отличием закончила Снайперскую школу Осоавиахима там же, в Киеве, – четко доложила я.

– Украинка? – произнес он каким-то странным, недовольным тоном.

– Никак нет, товарищ генерал-майор! – быстро ответила я, ибо эти вопросы про национальность меня всегда раздражали. – Я

– русская. Моя девичья фамилия – Белова. Павличенко – лишь по мужу.

– Просто удивительно, Людмила, – Петров прошелся по комнате. – Знавал я одного Белова Михаила Ивановича, но в пору Гражданской войны. Он был комиссаром в полку еще при Чапаеве. Отчаянной храбрости человек. Вместе с ним я получал орден Красного Знамени за атаку под Уфой и Белебеем. Разбили мы тогда беляков вдребезги!

– Это мой отец, товарищ генерал-майор.

– Знаменательная встреча! – сказал комдив и с веселой улыбкой повернулся ко мне. – Стало быть, семейные традиции живы. По-моему, вы на своего родителя похожи не только по характеру, но и по внешности.

– Все так говорят, товарищ генерал-майор…

Конечно, командира дивизии ждали неотложные дела, но дочь старого боевого товарища он счел нужным угостить чаем и расспросить о нашей семье, о жизни отца в мирное время, о моей службе в 54-м полку. Я отвечала коротко и четко, как подобает солдату.

– Не обижают они тебя? – спросил Петров, завершая разговор.

– Нет, Иван Ефимович. Относятся по-доброму, помогают, если нужно. Тем более что военную службу я люблю.

– Молодец, дочка! – на прощанье генерал крепко пожал мне руку.

Словно на крыльях, вернулась я в расположение первого батальона и сразу доложила капитану Сергиенко о подарке командования, похвасталась винтовкой с памятной надписью, но ничего не сказала о приватном разговоре с Петровым. Мне показалось, что личное знакомство с комдивом – не такое важное обстоятельство. Уж лучше оставаться сверхметким стрелком, чем прослыть среди однополчан девушкой, которой протежирует высокое начальство. Однако генерал-майор о нашей встрече не забыл. Через три дня из штаба дивизии пришел приказ о присвоении мне очередного воинского звания «сержант».

Глава 5
Бой у деревни Татарка

Чувствовалось по всему: готовится нечто весьма серьезное.

Боевые порядки нашей 25-й дивизии стали уплотнять. В полки пришло пополнение из маршевых рот, доставленных из Новороссийска по морю. Линию обороны длиной в 8 км рядом с нами заняли части доблестной 157-й дивизии, с которыми мы взаимодействовали в недавних боях за Гильдендорф, совхоз «Ильичевка», селения Фонтанка, Александровка, Болгарка. Прибыли два новых артполка с гаубицами и пушками. Увидели мы и танки: 35 боевых машин, в числе их не только самодельные, переделанные из тракторов одесские «НИ»(«На испуг»), но и стандартные армейские «БТ-7» и «Т-26». Вместе с танкистами, как это бывало на довоенных маневрах, к наступлению готовились и конники: Вторая кавалерийская дивизия. Наконец заговорили о том, что на позициях появилось новое, секретное пока оружие – смонтированные на шасси грузовиков «ЗИС-6» реактивные установки «БМ-13», привезенные в Одессу из Новороссийска в конце сентября. Они могли выпускать по 16 снарядов весом в 42,5 кг каждые 8—10 секунд. В них находилось жидкое взрывчатое вещество, отчего на месте падения такого снаряда горело все: и земля, и камни, и металл.

Утром 2 октября 1941 года наша военная армада пришла в действие. В Южном и Западном секторе по переднему краю противника нанес удар дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Небоженко, те самые ракетные установки, в армии прозванные «катюшами».

В первую минуту почудилось, будто приближается гроза, хотя небо оставалось чистым, без туч и облаков. Звук, напоминающий отдаленные раскаты грома, быстро перерос в оглушительный рев. Окрестность осветили яркие вспышки, над деревьями поднялись клубы дыма. С шипением и скрежетом огненные стрелы одна за другой понеслись в сторону врага. Мы увидели, как огромные желтые всполохи пламени охватили позиции румын западнее деревни Татарка и дальше, на юго-запад, у Болгарских хуторов.

К десяти часам утра пожары унялись.

«Чапаевцы» пошли в атаку. Слева от нас наступала Вторая кавалерийская дивизия. Поддерживая наступление, непрерывный огонь вели советские береговые батареи, два бронепоезда и гаубичный полк с орудиями калибра 152 мм. На прорыв двинулись танки. Они проутюжили окопы двух вражеских

пулеметных батальонов, разогнали их солдат и устремились к поселку Ленинталь. Здесь держала оборону Пограничная дивизия королевства Румыния, войска отборные и опытные. Но после удара «катюш» они покатились назад…

Спотыкаясь, мы шли по черной, спекшейся от адского огня земле. Еще час назад она представляла собой укрепленные позиции румынского пулеметного батальона. Здесь были блиндажи, извилистые ходы сообщения, огневые точки. На поле вокруг росла высокая трава, кусты орешника, деревья яблони-дички. Все это превратилось в пепел. Мы видели немало обгоревших почти до костей трупов, и странный сладковатый запах уже смешивался с тяжелым духом гари. На разрушенных позициях кое-где торчали стволы выведенных из строя пулеметов: немецких «MG-34», устарелых австрийских «шварцлозе» и новых чешских «ZD-53».

Война – это смерть, боль, страдания миллионов людей.

Если же враг вероломно нарушает границы родной страны, то надо приготовиться к жесткому отпору. Надо выдержать это превращение: из мирных обитателей цветущих городов и деревень – в бойцов, не знающих страха и сомнения, способных к самоотречению, к тяготам длительной борьбы. Война показывает истинную сущность каждого человека. Трусы и подлецы совершают на ней самые гнусные свои поступки. Но отважные, честные, добрые люди – великие подвиги…

За мной, одетые в плащ-палатки и каски, шагали солдаты моего отделения – всего десять человек. После того как генерал-майор Петров вручил мне именную винтовку, командир нашего полка Н.М. Матусевич пожелал, чтобы я по ускоренной программе немедленно подготовила группу стрелков, способных без промаха поражать противника. На мои слова о том, что сделать это за три-четыре дня невозможно, майор Матусевич великодушно дал мне… неделю, позволил отобрать из целого полка наиболее способных солдат и выдал 500 патронов с «легкими» пулями для упражнения в стрельбе по мишеням.

Пришлось вспоминать, как проводились занятия в нашей Снайперской школе в Киеве. Я постаралась взглянуть на новичков глазами своего Дорогого Учителя. Не нужны слишком уверенные в себе, слишком горячие и нетерпеливые по характеру. А глазомер проверить и вовсе нетрудно: вот тебе винтовка, вот пять патронов, вот мишень. Стреляй!

Однако я покривила бы душой, не вспомнив сейчас об одной особенности моего командирского опыта. Сначала будущие стрелки (из других рот) не знали, что сержант Павличенко – женщина, и отреагировали на первое мое появление перед

строем, прямо скажем, своеобразно. Довольно резко, но без нецензурной брани, я одернула их и в дальнейшем применяла весьма крутые методы воздействия на ленивых, неряшливых, недалеких. На моей стороне была армейская дисциплина и субординация. Вскоре я убедила подчиненных в том, что народные поговорки вроде: «Курица – не птица, баба – не человек», «Бабья дорога – от печи до порога», «У баб волос – долог, ум – короток» – и прочие, равные им по смыслу глупости, здесь хождения не имеют. Я стреляю лучше всех, я много чего знаю про войну, и подчиняться мне следует беспрекословно.

Само собой разумеется, в группе определились солдаты, более способные к обучению и менее способные, но сумевшие освоить первые навыки, остальных я отправила обратно в их подразделения. Среди тех, кто смог стать настоящим снайпером, я бы выделила двух человек: Федора Седых, молодого охотника из Сибири, и казаха Азата Базарбаева, как ни странно – жителя города Саратова. Они оба от природы обладали отменным глазомером и нрав имели подходящий, очень спокойный. К несчастью, Базарбаев рано погиб, попав под минометный обстрел. Федор Седых воевал вместе со мной в Севастополе…

Пробираясь по выгоревшему полю, мы хмуро оглядывались вокруг. Потери и разрушения у румын нас почему-то не радовали. В таком ужасающем торжестве смерти над жизнью нет ничего приятного для глаз, даже если это – смерть заклятого врага. «Посмотреть и забыть!» – думала я, перешагивая через обрушившиеся траншеи, обходя тлеющие обломки блиндажей и ДОТов, почерневшие останки людей.

Через некоторое время на пространстве, искореженном залпами гвардейских минометов, обязательно начнется новое сражение. Генерал-майор Петров, ныне ставший командующим Приморской армии, неспроста остановил наступление наших войск именно здесь. Противник отошел всего на километр-полтора и сохранил огромное численное превосходство. На советские четыре дивизии у румын – восемнадцать дивизий.

На карте-трехверстке, которую показал мне капитан Сергиенко, высота 76,5 обозначалась как командный пункт вражеского пулеметного батальона, имевший название – «Хутор Кабаченко». Теперь противник покинул это место. Стратегически важным пунктом оставалась деревня Татарка[10], расположенная примерно в полукилометре от него. Деревня стояла на дороге, ведущей из города Овидеополя в Одессу, имевшей шоссейное покрытие, широкой и благоустроенной. Недалеко лежали и железнодорожные пути. Нашему 54-му полку предстояло ее оборонять. Но для начала следовало устроить передовые посты и

пункты наблюдения. Для одного из них комбат и выбрал хутор Кабаченко. Три закрашенных квадратика указывали на жилье. В бинокль просматривалось одноэтажное строение под красной черепичной крышей, забор, большой сад, пологая возвышенность к юго-западу от дома. Оседлав ее, можно было наблюдать за дорогой и при вражеском наступлении вести прицельный огонь. Сергиенко приказал выдать нам по двести патронов каждому. Затем он попросил меня держаться там до последней возможности. Татарка считалась ближним пригородом Одессы (расстояние до города более 10 км) и сражаться за нее следовало отчаянно. Я приложила руку к каске:

– Слушаюсь, товарищ капитан!..

На подходе к хутору мы увидели почти полностью выгоревший грузовик и опрокинутый мотоцикл с коляской. Трупы солдат в касках-макитрах валялись и тут, но – по обочинам узкой грунтовой дороги, разбитой снарядами. Она вела прямо к воротам, распахнутым настежь. У самых ворот стоял двухтонный бронетранспортер «Малакса» с разорванной левой гусеницей. На прицепе у него находилась гусеничная же повозка с мешками, бочками, ящиками, большим брезентовым свертком. Как и хуторские постройки, бронетранспортер почти не пострадал от огня, только его экипаж отсутствовал. Оба полусферических броневых колпака были открыты, бензиновый двигатель еще сохранял тепло.

Мы подошли к дому и стали стучать в дверь. Нам долго не открывали. Затем, когда я крикнула, что здесь – Красная армия, двери наконец-то отворили. Появилась хозяйка, женщина лет пятидесяти, до глаз закутанная в серый платок. Я объяснила ей, кто мы такие. Она удивилась, что солдатами командует женщина. После этого наш разговор пошел как-то легче. Я выслушала ее горькие жалобы на оккупантов, которые бесчинствовали на хуторе дне недели, и упреки, обращенные к боевым частям РККА, которые в сентябре слишком быстро ушли отсюда, оставив местное население на расправу фашистам.

Она была права, эта женщина.

Я повинилась перед ней за наркома иностранных дел товарища Молотова, ни с того ни с сего подписавшего Договор о ненападении с Германией, и за то, что гитлеровцы нагло его нарушили, за командование Красной армии, не сумевшее разгромить войска агрессора в приграничных сражениях, за тех наших бойцов и командиров, кто отступал при внезапных атаках вражеских танковых дивизий и под бомбовыми ударами авиации. Но война не кончена, сказала я ей. Война только начинается. Мы стоим у Одессы третий месяц, и тысячи захватчиков уже нашли

вечное упокоение в причерноморских степях. Недалеко от ее хутора мы, снайперы 54-го имени Степана Разина стрелкового полка, устроим засаду и положим здесь еще сотни две-три диких воинов румынского короля Михая Первого.

– Меня зовут Серафима Никаноровна, – женщина широко открыла передо мной дверь. – Заходите. Чем богаты, тем и рады…

Так произошло мое знакомство с обычной крестьянской семьей Кабаченко, состоявшей из мужа, жены и троих детей: двух сыновей-погодков и старшей дочери. Жили они небогато и небедно, возделывали сад, огород и поле, на котором выращивали пшеницу, держали домашний скот и птицу. При начале военных действий не эвакуировались потому, что пожалели свое хозяйство, ведь земле нужен постоянный уход и забота. За то и поплатились. Румыны перевернули вверх дном дом от чердака до подвала, искали золото и другие ценные вещи. Например, швейную машинку фирмы «Зингер» или велосипед. Также они переловили всех кур, закололи поросят, увели в неизвестном направлении корову с теленком. Вероятно, солдат в королевской армии никогда не кормили досыта.

Они совершили и другое преступное действие, о котором Серафима Никаноровна поведала мне со слезами на глазах.

Жестокое надругательство победителей над женами, сестрами и дочерьми побежденных восходит к традиции первобытных племен, обитавших на Земле много лет назад. Женщины тогда признавались законной добычей воинов, и судьба их была незавидна. Я читала описания этих зверств в исторических хрониках, но не думала, что «цивилизованная Европа» принесет на нашу землю и сей варварский обычай.

Глаза Марии, семнадцатилетней дочери хозяйки хутора, страдальческие, точно припорошенные пеплом, смотрели на меня с надеждой. Каких слов она ждала, не знаю. Я решила рассказать о недавнем бое.

За воротами дома осталось поле, выжженное реактивными снарядами «катюш». Черный прах остался от бешеных румынских самцов в касках-макитрах. Они сгорели в огне, подобно факелам, и упали на землю струйкой пепла. Никто не похоронит их, ибо это не нужно, никто не вспомнит их лиц и имен. Их мерзкое семя смешалось с пылью, ушло в земную твердь и никогда не даст потомства. Фашисты и должны умирать так, не оставляя никаких следов своего пребывания на нашей прекрасной планете.

– Ты хорошо стреляешь? – вдруг печально спросила Мария.

– Да. У меня есть винтовка с особым прицелом.

– Убивай их. Сколько раз увидишь, столько раз и убей.

– Обещаю тебе сделать это.

– Господу нашему Иисусу Христу ведомо все, – девушка истово перекрестилась и перевела взгляд на икону, висевшую в углу. – Я буду много молиться, и Он тебя простит…

Мы в нашей коммунистической семье, конечно, выросли атеистами, и фраза о прощении, которое дарует мне Бог за меткую стрельбу по врагам, согласно молитве Марии Кабаченко, абсолютно ничего для меня не значила. Но потом, в другие, уже мирные годы, когда я слышала разговоры о снайперах, якобы хладнокровных фронтовых убийцах, охотившихся за бедными, беззащитными фрицами, я вспоминала просьбу несчастной девушки: «Убей их!» Может быть, тихий голос Марии и тысяч подобных ей жертв этой войны еще раз прозвучит и будет услышан не как объяснение наших действий, а как неумолимый приказ. Мы поклялись в те дни свято его выполнять. И выполняли, не щадя своей жизни…

Будучи в весьма сумрачном расположении духа, я вышла из дома во двор, чтобы проверить, как готовятся мои солдаты к нападению противника. Двое бойцов возились с бронетранспортером «Малакса», первоначально – изящным французским изделием «Renault UE». Они пытались его завести, но мотор молчал. Ефрейтор Седых доложил мне, что в гусеничном прицепе найдены ценные вещи. Кроме двух бочек бензина и ящика, набитого какими-то запчастями, там обнаружен брезентовый сверток с новеньким, в заводской смазке немецким пулеметом «MG-34». К нему прилагались два запасных ствола, асбестовая рукавица, предназначенная для смены их в бою, станок-тренога и коробки с патронными лентами.

Это было просто замечательно!

Обращаться с трофейным оружием все мы давно научились. Пулемет заметно усиливал огневую мощь вверенного мне подразделения, и мы с Седых стали прикидывать, где лучше устроить для него позицию. Федор предлагал вырыть глубокий окоп на склоне возвышенности, откуда открывался вид на долину и дорогу. Я согласилась с его предложением.

Кроме пулемета, бензина и запчастей, в прицепе находилось три мешка: с крупой, мукой и сахаром. Солдаты вопросительно посмотрели на меня. Вроде бы продукты полезные, но что мы можем с ними сделать, не имея даже котелков? Я решила отдать находку хозяйке хутора. Серафима Никаноровна сперва не поверила в такую нашу щедрость. Но взамен я попросила ее приготовить для бойцов горячий обед.

Мы с Федором двинулись по покатому склону, заросшему мелколесьем. Действительно, вся долина и дорога, пересекающая ее, просматривались отлично. С левой стороны к дороге

прилегала небольшая рощица, справа – несколько холмов. За холмами кое-где виднелись крыши домов деревни Татарка.

Осторожно шагая по иссохшей осенней траве, мы приблизились к первому окопу. Солдаты выбрали место для него правильно. У них за спиной оказался бугорок с разросшимися кустами шиповника. Солнце освещало его сбоку, отчего на землю ложилась густая тень. Она маскировала и окоп, и бойцов, сидящих в нем. Окоп уже достигал метровой глубины, но я приказала рыть дальше, до полутора метров, и затем укрепить его бруствер камнями, чтобы стрелять стоя и с упора. От окопа отходила траншея, не столь глубокая и предназначенная для отхода стрелков (ползком по земле) на другую позицию. Устроить здесь настоящий боевой рубеж со многими огневыми точками и ходами сообщения не представлялось возможным – мы не знали, каким временем располагаем, и торопились сделать хоть что-то, похожее на пехотные укрепления.

После полудня, выставив часовых, мы – по приглашению хозяйки – вернулись в дом. Обед она приготовила и стол накрыла, можно сказать, по-праздничному: с бутылью мутной деревенской браги, с тарелками и гранеными стаканами, с закуской в виде квашеной капусты и малосольных огурцов. Не только пища, но сама сервировка и присутствие всей семьи Кабаченко согрели сердца фронтовиков. Ведь в боях и походах мы часто вспоминали о домашнем уюте с тоской.

Румыны в атаку не пошли, и тот день закончился тихо, мирно, славно.

Следующие двое суток мы на хуторе держали под прицелом дорогу и нанесли урон неприятелю: остановили два армейских грузовика, ударив бронебойными пулями по их колесам, огнем трофейного пулемета загнали высадившуюся из них пехоту в рощицу, затем из «снайперок» расстреляли три мотоцикла с колясками. В конце концов, на дороге появились румынские танки – «LTvz.35» чешского производства. Не все их, оказывается, сожгли защитники Одессы, которые умело забрасывали эти боевые машины «коктейлями Молотова». Танки открыли огонь из пушек по склону возвышенности с нашими окопами. Впрочем, метким он не был, так как снайперы хорошо замаскировались. Но воевать с танками, не имея гранат и тех же «коктейлей Молотова», невозможно. Они прошли мимо нас, и дальше, уже у самой Татарки, с ними разделалась наша полковая артиллерия…

Ожесточенные боевые действия развернулись у деревни немного позже: 9,10, 11,12, 13 октября 1941 года. Они проходили с переменным успехом. Румынам то удавалось потеснить нас, то отважные советские бойцы снова бросались вперед и выбивали

вражеских солдат из окраинных деревенских домов. Участником тех боев стал наш неугомонный комсорг Яша Васьковский, о чем он и написал в своих мемуарах:

«9 октября первый батальон “разинцев” выбивал врага из пригородного селения Татарка. Противник сопротивлялся, но рукопашный бой решил дело в нашу пользу. Остатки выбитых из Татарки подразделений начали отходить к Болгарским хуторам, однако путь им мы уже отрезали, и 60 вражеских солдат подняли руки. А между Татаркой и Сухим Лиманом оказался окруженным в этот день 33-й пехотный полк румын. Два часа продолжались яростные схватки, атаки и контратаки. 1300 человек оставил противник на поле боя убитыми и ранеными, 200 солдат сдались в плен. Мы захватили полковое знамя, оперативные документы и печать, много вооружения…»[11] К этому можно добавить, что успехи моих однополчан на данном направлении во многом предопределила работа дивизиона гвардейских минометов капитана Небоженко. Румыны не выдерживали ракетного обстрела и отходили.

Очень тяжелая обстановка сложилось 10–13 октября в Южном секторе Одесского оборонительного района.

Десятая румынская дивизия полного состава предприняла наступление на Татарку и пыталась прорваться на стыке нашей 25-й Чапаевской стрелковой дивизии и Второй кавалерийской. После интенсивного артобстрела три вражеских батальона сумели овладеть передовой линией траншей, зашли в тыл к нам и очутились у полотна железной дороги Одесса – Овидиополь. В прорыв в любой момент могли втянуться и более крупные силы противника. Первый батальон 54-го полка, батальон Третьего полка морской пехоты, 80-й отдельный разведбатальон под командой капитана Антипина, мотострелковая рота на бронемашинах – все мы получили приказ немедленно из резерва вдвинуться к месту боя. По врагу также сосредоточили огонь три батареи: 1, 39 и 411-я, а также бронепоезд № 22 «За Родину!».

Траншеи были отбиты, и советская пехота стала занимать свои прежние огневые позиции. На некоторое время установилась тишина. Но румыны готовились к нападению и вскоре начали минометный обстрел. Сначала мины падали позади передовой линии, потом – впереди, и вот очередной залп накрыл ее, подняв над землей тучи пыли и клубы дыма. Я постаралась прикрыть полой плащ-палатки подарок комдива Петрова – снайперскую винтовку «СВТ-40». Я взяла ее с собой в рейд потому, что предполагалась фронтальная атака на наш батальон. В этом случае «света» – так называли самозарядную винтовку Токарева в армии – давала явную выгоду благодаря своей скорострельности

и коробчатому магазину на 10 патронов, который заменялся в ходе боя просто и быстро.

В нашем полку таковое оружие имелось, но в небольшом количестве. Хотя по штатному расписанию 1940 года уже следовало заменять им винтовки Мосина: 984 «СВТ-40» и 1301 штука «трехлинеек». Отзывы о «свете» поступали разные. Кому-то нравилась ее автоматика, основанная на действии пороховых газов, которые всегда сопровождают пулю, мчащуюся по стволу. Здесь они попадали в газовую камеру, расположенную над стволом и давили на цилиндр с длинным штоком. Шток соединялся с толкателем, который упирался дальним концом в стебель затвора. Но кто-то справедливо говорил об излишней сложности этого устройства и трудностях ухода за ним в полевых условиях. Может быть, где-то в северных краях или на флоте самозарядная винтовка и выступала наилучшим образом. Но в причерноморской степи, в окопах и траншеях, вырытых в сухой, мягкой, рыхлой земле, риск загрязнить ее механизм, состоявший из 143-х деталей, небольших, мелких и очень мелких, был достаточно велик.

Винтовка начинала «огрызаться» (например, не перезаряжалась или еле-еле выбрасывала гильзы), если давление пороховых газов менялось. Зависело оно, между прочим, от погоды, от температуры воздуха. Тогда стрелку следовало вручную отрегулировать отверстие в газоотводной камере: уменьшить или увеличить его. Кроме того, «света» капризничала и при густой смазке, и при попадании пыли в ее механизм. К недостаткам «СВТ-40» я бы отнесла также яркую дульную вспышку при выстреле (из-за укороченного на 100 мм ствола по сравнению с «трехлинейкой») и громкий его звук, которые сразу демаскируют бойца. Она прекрасно подходила для столкновений с противником в поле, где работает артиллерия, пулеметы, минометы. Однако, прямо скажем, усиливала опасность для сверхметкого стрелка быть замеченным врагом при одиночных засадах, например в лесу.

Впрочем, среди снайперов поклонники у «светы» были.

Летом 1942 года старший лейтенант В.Н. Пчелинцев, воевавший на Ленинградском фронте, подарил мне свою брошюру «Как я стал снайпером», изданную небольшим тиражом в Москве и распространяемую на фронте в качестве учебно-пропагандистского пособия. В ней есть фотография, где Пчелинцев показывает устройство «СВТ-40» новобранцам. Он пишет:

«Первым успехом я обязан своему оружию. Винтовка для воина – его лучший друг. Отдашь ей заботу и внимание, и она

тебя никогда не подведет. Оберегать винтовку, держать ее в чистоте, устранять малейшие неисправности, В МЕРУ СМАЗЫВАТЬ, отрегулировать все части, хорошо пристрелять – таким у снайпера должно быть отношение к своему оружию. При этом не лишнее будет знать и то, что, несмотря на их стандартность, в принципе одинаковых винтовок нет. Как говорится, у каждой свой характер. Проявляться этот характер может и в степени упругости различных пружин, и в легкости скольжения затвора, и в мягкости или жесткости спускового крючка, и в состоянии канала ствола, его изношенности и т. д. Нередко голодный и продрогший от холода, возвращался я с “охоты” и прежде всего принимался за чистку оружия, приводил его в порядок. Это – закон для снайпера…»

Все правильно – «оберегать винтовку, держать в чистоте, устранять малейшие неисправности…» Я постаралась укрыть плащ-палаткой «свету» от пыли, опускающейся облаком на мой окоп, но, видимо, не успела. Затвор при нажатии на спусковой крючок не сработал. Требовалось устранить эту неисправность. Я склонилась над ружьем, но каска мне мешала. Помянув черта, я сняла стальной шлем и положила его на дно окопа, затем взялась за рукоять затвора. Вроде бы механизм стал поддаваться.

Тут грянул новый минометный залп, осколки со свистом полетели в разные стороны. Один из них прорезал кожу у меня на голове, с левой стороны, под волосами. Кровь обильно потекла по лбу, залепила левый глаз, попала на губы, и я ощутила ее солоноватый привкус. Мне удалось достать санитарный пакет из кармана на гимнастерке и кое-как обмотать голову бинтом. Кровь пошла меньше, зато подступила боль: рана жгла, саднила и как будто тянула кожу на всей голове.

Предметы, окружающие меня, начали погружаться в туман. Я прижала неисправную винтовку к груди и прислонилась спиной к стенке окопа. Над ним свистели осколки мин и вражеские пули. Где-то сбоку застрочил ротный станковый пулемет, вступила в дело с громким «в-вах!» наша батарея 45-мм пушек. Судя по звукам, румыны пошли в атаку. А я не могла принимать участие в ее отражении. Какие-то странные, тяжелые мысли ворочались в мозгу: «Надо ждать… Надо ждать… Надо ждать…»

– Товарищ сержант, вы живы? – раздался голос санинструктора Лены Палий.

– Жива. Но ранена в голову.

– Ах ты, господи! Сейчас я вам помогу…

Капитан Сергиенко, увидев мое лицо и гимнастерку, залитые кровью, и перебинтованную голову, приказал Лене тотчас ехать со мной в дивизионный медсанбат, поскольку там врачи лучше. К

тому же МСБ № 47, приписанный к 25-й дивизии, находился всего в пяти километрах от позиций 54-го полка. Именная моя винтовка, которую я по-прежнему не выпускала из рук, внезапно сослужила добрую службу. На сортировочном пункте медсанбата Лена Палий указала на надпись на металлической трубке прицела и заявила, что сержанта второй роты первого батальона 54-го полка Людмилу Павличенко лично знает сам генерал-майор Петров, командующий Приморской армии. Военврач, не задав ни единого вопроса, вручил ей красный талон, что означало направление на срочную операцию.

Глава 6
Через море

Медики отдали мне этот осколок.

Он имел вид плоского, почерневшего кусочка металла длиной чуть больше спички, с острыми, зазубренными краями. Будь траектория его полета ниже, не знаю, что случилось бы со мной. Лежала бы, наверное, с пробитой головой в сырой земле на кладбище возле деревни Татарка, как полторы сотни моих однополчан. Там, где остался наш храбрый командир роты лейтенант Воронин и мой подчиненный красноармеец Базарбаев, отличный стрелок и добрый человек. Мы похоронили их поздним вечером 11 октября, когда сражение стихло и румыны отошли на прежние свои позиции.

Плохо помню, как проходила операция. Но вид после нее у меня был совсем не боевой: половину волос выстригли, кожу замазали зеленкой, после извлечения осколка на рану наложили швы и голову перебинтовали. Когда действие препарата «морфин» прекратилось, боль снова подступила. Болели виски, затылок, само место извлечения осколка, началось сильное головокружение. Хирург сказал, что не может быть и речи о немедленном возвращении в полк. Предстояло провести в медсанбате десять – двенадцать дней.

Однако я относилась к «ходячим» пациентам. Через день, 15 октября, мне уже разрешили выйти на прогулку. Я надела шинель в рукава, на перебинтованную голову водрузила пилотку и отправилась осматривать окрестности и дышать свежим воздухом.

Еще 14 октября на голубом небе ярко сияло солнце и согревало своими лучами степные пространства вокруг Одессы. Но 15-го теплая хрустальная черноморская осень вдруг кончилась. Горизонт заволокли низкие свинцово-серые тучи, подул холодный северный ветер. Вскоре первые капли дождя упали на клумбы и дорожки уютного сквера, который окружал сельскую школу. Медсанбат № 47 удобно расположился в ее здании, и это являлось большой удачей. Гораздо чаще армейские медицинские учреждения развертывались либо в поле, либо в лесу в больших брезентовых палатках. В них и сортировали раненых, и оперировали их, и долечивали. Тяжелых больных с ампутациями, ожогами, переломами отправляли в глубокий тыл на санитарных машинах. Выйдя из школы, я наблюдала, как грузят носилки с ними на две «полуторки» с красными крестами

на бортах. Машины ушли по дороге на Одессу, их ждали в порту морские транспортные суда.

Война к сельской школе пока не добралась, но напоминала о себе отдаленной канонадой, гремевшей где-то на западе и юго-западе. Судя по мощному рокоту, вели огонь наши береговые батареи и дальнобойные орудия кораблей Черноморского флота. Иногда в этот хор вступали пушки калибром поменьше – с двух бронепоездов, которые обстреливали позиции фашистов, подойдя к ним на близкое расстояние.

Под ногами у меня шуршали опавшие листья. Кусты шиповника и кизила растеряли их совсем недавно, и теперь сиротливо протягивали к небу тонкие черные ветви. Можжевельник стоял зеленой стеной, не страшась ни ветра, ни дождя. На клумбах, где росли гладиолусы, тюльпаны и розы, темнела коричневая земля. Кто-то, несмотря на бомбежки и артобстрелы, ухаживал за сквером и вскопал ее день или два назад. Упорство и трудолюбие людей, не желающих мириться с военным хаосом, вызывало уважение. Я подобрала скрученный сухой багряно-желтый лист и попыталась расправить его пальцами. Лист не поддавался. Жизнь его кончилась, увы!

Через распахнутые ворота в сквер заехала генеральская легковая машина, выкрашенная в защитный цвет, и двинулась к школе. На такой обычно ездил генерал-майор Петров. Я подошла к дорожке и встала по стойке «смирно», приложив руку к пилотке. «Эмка» остановилась почти рядом со мной. Из нее действительно вышел командующий Приморской армией Иван Ефимович Петров и обратился ко мне:

– Людмила, ты что тут делаешь?

– Нахожусь на излечении, товарищ генерал-майор.

– Ранена в голову? – он подошел ко мне.

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Давно?

– Никак нет. Тринадцатого октября, на позициях первого батальона у деревни Татарка. Отражали атаку румынской пехоты, и вот осколок мины…

– Почему каску не носишь, дочка? – строго спросил генерал-майор.

– Это случайно вышло, Иван Ефимович.

– Лечат хорошо? – поинтересовался Петров.

– Превосходно! – доложила я.

– А теперь собирайся, Люда. Плывем в Севастополь. На кораблях.

– А как же любимая, родная нам всем Одесса, Иван Ефимович?! – не удержалась я от горестного восклицания. –

Неужели отдадим город фашистам на разграбление и поругание? Ведь они тут камня на камне не оставят…

– Таков приказ Ставки, Людмила, – решив как-то утешить меня, Петров по-отечески коснулся моего плеча рукой. – Ты же понимаешь, долг солдата – всегда точно исполнять приказы… Мой тебе приказ: не унывать, верить в победу, сражаться смело. Кстати говоря, сколько врагов сейчас на твоем счету?

– Сто восемьдесят семь.

– Да ты просто молодец! – воскликнул генерал-майор с искренним восхищением. – Хорошо стреляешь…

– Так ведь густыми цепями в атаку идут, идиоты, – сказала я, подумав, что Петров ждет объяснений такому обстоятельству. – Даже промазать по ним трудно.

Получив назначение на высокий пост главнокомандующего Приморской армией, Иван Ефимович совсем не изменился. Он остался скромным, спокойным, сдержанным человеком и думал не столько о власти над людьми, данной ему этой должностью, сколько о своей ответственности за них. На его плечи тогда легла очень трудная задача: эвакуация всех воинских соединений из Одессы в Севастополь по морю. Подготовить ее требовалось в кратчайшие сроки, тайно от противника, не позволив ему преследовать наши уходящие полки. Целыми днями он колесил на автомашине по позициям Одесского оборонительного района, проверяя, как идет подготовка к операции в разных армейских частях. Лицо его сейчас было усталым, серым от дорожной пыли. Но мои слова он воспринял как шутку, и она ему понравилась. В глазах генерала мелькнули озорные искорки. Он рассмеялся.

– Ну, Люда, с такими солдатами, как ты, ничего не страшно, – сказал Петров. – И море переплывем, и Крым защитим. Все будет хорошо, вот увидишь…

Петров торопливыми шагами направился к школе, а я осталась в сквере размышлять о новости, сообщенной им. Честно говоря, она просто не укладывалась в голове. Ведь мы, защитники Одессы, удерживая огневые рубежи, никогда не думали об отступлении. Мы пребывали в уверенности, что Ставка Главного командования в Москве не отдаст такого приказа, а будет, как и прежде, посылать в воюющий город людские пополнения, оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Осажденная Одесса, с августа 1941 года находившаяся в тылу врага, была примером стойкого, героического сопротивления немецко-румынским оккупантам в тот трудный период, когда германские дивизии рвались к столице нашей Родины.

«Тогда мы еще на знали, что очень скоро, через восемь дней, получим решение Ставки, предписывающее оставить Одессу и

эвакуировать армию в Крым, над которым нависла угроза захвата фашистскими полчищами, уже вышедшими к Перекопу, – вспоминал впоследствии член Военного совета Приморской армии генерал-майор Ф.Н. Воронин. – Может быть, потому что напряженная борьба с врагом на одесском плацдарме в какой-то мере заслоняла от нас события, происходящие на других фронтах, это решение оказалось для нас ошеломляюще неожиданным… Ему (И.Е. Петрову. – *Примеч. сост.*) пришлось прежде всего решать вопрос о том, как организовать вывод войск из боя и эвакуацию армии. К тому времени у работников оперативного отдела штаба уже возникла мысль: а нельзя ли отвести войска с рубежей обороны не последовательно, как предполагалось до сих пор, а все сразу? Петров одобрил эту идею. Я его в этом поддержал. Штабу было приказано переработать план эвакуации. Военный совет ООР утвердил новый план, в основу которого был положен уход из Одессы всех войск одновременно. Непосредственно в боевых порядках насчитывалось около 50 тысяч человек. Всем им предстояло в одну ночь – на 16-е октября – погрузиться на транспорты вместе с оружием и отбыть из Одессы…»[12]

Этот план был осуществлен блестяще и в истории Великой Отечественной войны представляет собой уникальную по сложности десантную операцию.

После заката солнца 15 октября 1941 года полки и батареи трех стрелковых дивизий: 25, 95, 421-й – и одной кавалерийской стали покидать свои огневые рубежи, при полной тишине собираться в колонны и уходить через город к морскому порту. Для того чтобы в темноте они не заблудились, не ошиблись на поворотах улиц и на перекрестках, там нанесли разметку толченой известью и мелом. Арьергардные батальоны оставались в окопах еще два часа и вели по врагу отвлекающий огонь из автоматов, пулеметов и минометов, а потом тоже отступили. Их место на передовой заняли команды разведчиков и местные партизаны, которые имитировали жизнь пехоты в поле: жгли костры, изредка стреляли, передвигались по ходам сообщения. Румыны и немцы не предпринимали никаких попыток атаковать и перейти линию фронта.

Медсанбат № 47, погрузившись на автомобили, занял в колонне своей Чапаевской дивизии сразу за саперным батальоном. Дорога, изрядно разбитая, не позволяла развивать большую скорость. Но все-таки пригороды Одессы мы проехали за час. В самом городе движение замедлилось еще больше. Улицы были забиты брошенными армейскими грузовиками, обозными повозками с разным военным имуществом. Особенно большой

затор образовался у главных ворот морского порта – Таможенных, выходивших на Таможенную же площадь.

Последний раз бойцы и командиры 54-го полка прошли по одесским улицам в конце сентября. Сейчас я увидела, что положение значительно ухудшилось. Осенние сумерки окутывали улицы, площади, парки и бульвары города, но разрушения, причиненные вражеской авиацией, все-таки бросались в глаза, особенно – в центре. Многие здания лишились крыш, вторых и третьих этажей. Черными провалами вместо окон они печально смотрели на своих защитников, ныне уходящих прочь.

Маршрут 25-й дивизии пролегал по главным улицам центрального Водно-транспортного района: от Преображенской – на Греческую и далее с поворотом на Польский спуск – к Таможенной площади. Когда наша колонна в очередной раз остановилась на перекрестке, перекрытом каким-то артиллерийским обозом, я увидела на левой стороне улицы двухэтажный дом райвоенкомата, точнее то, что от него осталось после попадания авиационной бомбы. Не так уж и давно я приходила сюда, чтобы вступить добровольцем в ряды РККА, и усталый военком объяснял мне, что женщинам в армии не место. Здесь в сейфе остался мой паспорт со штампом о заключении брака с А.Б. Павличенко. Теперь он исчез в огненной топке войны, и я могла забыть о своем глупом юношеском поступке. Ни сейфа, ни паспорта. Только закопченные стены, только провалившиеся балки, только перекрученные остатки железной лестницы, по которым я когда-то поднималась в кабинет, где решилась моя судьба.

Пока наша санитарная машина стояла на перекрестке, я созерцала руины райвоенкомата. Без сомнения, война оказала какое-то магическое воздействие на мою жизнь. Я собиралась быть или учителем истории в средней школе, или научным сотрудником в библиотеке или в архиве. Вместо этого стала фронтовым снайпером, умелым охотником на людей, одетых в румынские и немецкие мундиры. Но зачем они пришли сюда, на мою землю, зачем заставили меня отказаться от моей мирной профессии?..

Одесский морской порт, самый крупный на побережье, с пятью километрами благоустроенных причалов, с прекрасным портовым хозяйством, с грузооборотом, достигавшим, кажется, более десяти миллионов тонн в год, поздним октябрьским вечером напоминал библейский город Вавилон, переживающий последние часы перед грандиозной катастрофой. Тысячи и тысячи людей в военной униформе наполняли его территорию. Там же находились армейские грузовики, тягачи с тяжелыми гаубицами,

танки, бронемашины, походные кухни, повозки, запряженные лошадьми, и верховые оседланные лошади, принадлежавшие бойцам и командирам Второй кавалерийской дивизии.

Однако лишь на первый взгляд казалось, будто здесь царит хаос. Личный состав Одесской военно-морской базы при погрузке войск проявлял высочайшую организованность. Армейские колонны, вливавшиеся на территорию порта, быстро проходили по заранее просчитанным маршрутам на причалы, к судам Черноморского пароходства и кораблям Черноморского флота, назначенным под перевозку определенных воинских частей.

Например, мы, «чапаевцы», протиснувшись через Таможенные ворота, направились к Платоновскому и Новому молам в Новой гавани. Там у причалов находились теплоходы-сухогрузы «Жан Жорес», «Курск» и «Украина». Началась посадка. По трапам, спущенным с судов, на их палубы каждые сорок пять минут поднималась одна тысяча солдат, каждые полтора часа – две тысячи. По трапам же доставляли пулеметы и небольшие полковые минометы калибра 50 мм. Пушки и зенитные орудия, поставленные на деревянные поддоны, ждали своей очереди на пирсе. Взять их на борт могли только грузовые стрелы теплоходов, которые работали без перерыва.

До этого времени я никогда не совершала морских путешествий и на кораблях не бывала. Хотелось все рассмотреть. Но мешала погрузка, проводившаяся поистине в бешеном темпе.

Так что «Жан Жорес», на который погрузился наш медсанбат вместе со штабом 25-й дивизии и некоторыми другими ее частями (в частности – 69-й артполк, 99-й гаубичный полк, 193-я зенитная батарея), предстал передо мной в виде высокого длинного черного борта, отвесно поднимающегося над причалом. Над ним белела надстройка со шлюпками и толстой дымовой трубой, украшенной красной полосой и нарисованными на ней желтыми серпом и молотом. На мостике находился капитан – рослый плечистый мужчина в черной морской фуражке с золотым «крабом» над козырьком. Он направил всех раненых в столовую экипажа. Автомашины и гаубицы по его приказу опустили в трюмы № 1 и № 2, расположенные в носовой части сухогруза. Четыре зенитные пушки он оставил на верхней палубе, разумно полагая, что они пригодятся при отражении атак немецкой авиации во время перехода от Одессы к Севастополю.

В столовой экипажа мне удалось занять место у большого иллюминатора. Отсюда была видна почти вся Новая гавань. Столпотворение на ее молах мало-помалу прекращалось. Войска переходили с берега на суда. Три теплохода, «Жан Жорес», «Курск» и «Украина», каждый грузоподъемность в пять – шесть

тысяч тонн, планомерно размещали людей и технику на своих палубах и в трюмах.

Примерно в десять часов вечера 15 октября 1941 года буксиры начали отводить наш сухогруз от причальной стенки. Затем заработали дизельные двигатели судна. «Жан Жорес», вздрогнув, сам начал движение в открытом море. Непроглядная тьма обступила его. Одесский порт уплывал вдаль желто-алой точкой. Там горели огромные портовые склады. Видимо, тушить пожар было некому да и незачем. Мы оставляли город противнику, но не сомневались, что вернемся.

Утром, после завтрака, я поднялась на верхнюю палубу. Дул слабый ветер, качка почти не ощущалась. Солнце выглянуло из-за туч. Его лучи заскользили по мелким волнам, вспыхивая белыми, яркими отблесками. Бесконечная морская равнина расстилалась по обе стороны от «Жана Жореса». Одесский берег исчез, как мираж в пустыне.

Прислонившись плечом к металлической стене судовой надстройки, я полой шинели закрылась от ветра, вытащила из кармана серебряный портсигар с папиросами, щелкнула зажигалкой и вдохнула горьковатый дым. Трофейный портсигар – это все, что осталось у меня на память от лейтенанта Андрея Александровича Воронина. Отшумели, отгремели эти незабвенные бои: у Беляевки, у Гильдендорфа, у Татарки. Каждый из них прибавлял крупицу армейского опыта, чему-то учил. Можно сказать, что солдатской смекалке, терпению, стойкости. Но не только. Приходило понимание того, что такое есть человек на войне.

Мои размышления прервал грозный окрик сверху:

– Товарищ! На теплоходе разрешается курить только в отведенных местах!

– Подскажите, где это место? – я подняла голову.

Опершись на поручни капитанского мостика, на меня смотрел вахтенный штурман – третий помощник капитана, человек лет тридцати, в морской кожаной куртке и черной фуражке. Лицо у него поначалу было весьма суровое. Наверное, он собирался задать хороший нагоняй сухопутному бездельнику, то есть мне. Но моряк не ожидал, что здесь в солдатской шинели и пилотке, с перебинтованной головой может быть женщина. Сначала он растерянно замолчал, потом улыбнулся и совсем другим, более вежливым тоном сказал:

– Это место – на юте, то есть на корме.

– Нет, я туда не пойду, – сделав последнюю затяжку, я бросила недокуренную папиросу за борт.

– Вы из госпиталя? – моряк продолжал меня рассматривать.

– Да, из медсанбата.

– А ранены где?

– В бою под деревней Татарка.

– Выносили из-под огня пострадавших бойцов? – поинтересовался он, вероятно, не допуская мысли, что женщины в армии могут участвовать в боевых действиях наравне с мужчинами.

– Вроде того, – я пожала плечами, не собираясь рассказывать ему о своей снайперской службе.

– Хотите посмотреть на наш караван в бинокль? – штурман явно хотел продолжать знакомство. – Поднимайтесь по трапу. Отсюда вы увидите почти все корабли…

Для начала моряк любезно объяснил мне, как надо пользоваться биноклем. Призматический, с шестикратным увеличением полевой бинокль является предметом обязательным для снаряжения сверхметкого стрелка. Но я внимательно выслушала объяснения и задала несколько вопросов. В самом деле, санинструктор не может знать устройства такой вещи.

Наконец, бинокль оказался у меня в руках, и я заглянула в его окуляры.

Двухмачтовая громада крейсера «Червона Украина», выкрашенная шаровой краской, стремительно приблизилась. Носовое орудие, довольно высокая надстройка, три трубы, восемь бортовых пушек большого калибра. Мощный, красивый корабль, настоящая гордость Черноморского флота. Никто не знал тогда, что действовать ему осталось недолго.

«Червона Украина» и крейсер «Красный Кавказ» шли впереди, четко выделяясь на фоне голубого неба. Крейсера могли развивать скорость до 60 км в час, но утром 16 октября двигались в три раза медленнее, примеряясь к ходу других судов каравана. Эсминцы «Бодрый» и «Смышленый», три тральщика, две канонерские лодки и один сторожевик охраняли крупные транспорты вроде нашего «Жана Жореса», а также – «Украину», «Курск», «Калинин», «Котовской», «Василий Чапаев».

Пока я разглядывала суда в бинокль, штурман коротко описывал их: водоизмещение, силовая установка, размеры. С особым увлечением он заговорил о своем любимом «Жане Жоресе». Я узнала много интересного. Например, что теплоход построен в Ленинграде, на Северной судостроительной верфи в 1931 году, в серии с тремя другими ему подобными судами, и затем совершил путешествие вокруг Европы, поскольку был приписан к Черноморскому пароходству. В 1934 году «Жан Жорес» из Генуи доставил в СССР знаменитого писателя Максима Горького и его семью. Потом ходил в Нью-Йорк, перевозил

разнообразные грузы в Италию, Францию и на Кавказ, в Батуми. Эта весьма содержательная беседа на мостике закончилась приглашением на чашку чая в кают-компанию и представлением друг другу. Моряка звали Константин Подыма, он родился в городе Новороссийске.

Только выпить чаю мы не успели.

Около одиннадцати часов утра, когда караван проходил мимо Тендровской косы, его атаковала первая группа вражеских бомбардировщиков. Однако наши суда прикрывали несколько пар истребителей «И-153», «И-16» и «Як-1». Они смело бросились навстречу немецким двухмоторным «Юнкерсам-88» и одномоторным пикирующим «Юнкерсам-87», или «лаптежникам», как у нас их называли из-за неубирающихся шасси. В воздухе завертелась настоящая карусель из летающих и ревущих моторами машин, сопровождаемая треском пулеметных очередей, залпами зенитных орудий и взрывами бомб, которые фрицы сбрасывали в море. Наши «ястребки», рискуя попасть под огонь собственной артиллерии, не давали им вести прицельное бомбометание, а также завязывали бои с немецкими истребителями «Мессершмитт-109», которые защищали тяжелые неповоротливые бомбардировщики.

Один из фрагментов этого боя разыгрался прямо рядом с нашим теплоходом. «Юнкерс-87», сбитый меткой очередью краснозвездного «ястребка», задымил, круто пошел вниз и плашмя ударился о воду примерно в метрах десяти от нашего судна, однако погрузился в морскую пучину не сразу. Мне показалось, я видела лицо пилота, искаженное гримасой ужаса. Волна, поднявшаяся от падения самолета, сильно качнула «Жан Жорес» вправо, но судно, имевшее сто одиннадцать метров в длину, быстро выпрямилось. Команда его громким и дружным криком «ур-ра!» приветствовала победу советского летчика.

Наблюдая за маневрами десятка желтоносых «лаптежников» с черными крестами на крыльях и фюзеляжах, которые пикировали на корабли и проносились над ними на высоте 200–300 метров, я вспоминала о своей винтовке, спрятанной в чехол и оставшейся в столовой экипажа «Жана Жореса». Это была моя заветная мечта, еще со времени нашего печального отступления по дорогам Бессарабии, когда фашисты у нас на глазах с воздуха безнаказанно расстреливали мирных жителей, – сбить стервятника из «снайперки». Однако в то время я не имела в руках даже простой винтовки Мосина.

Стрельба по движущимся целям – наиболее трудный элемент во фронтовой службе сверхметкого стрелка. Трудность заключается не только в том, что баллистические расчеты надо

вести скоро и точно, но, кроме того, надо иметь и хорошие навыки работы с подвижной винтовкой. Оружие следует направлять не на цель, а вести впереди ее, рассчитывая время и расстояние до того рубежа, где оба движущихся предмета: пуля и цель – смогут встретиться. Такой метод называется стрельбой «с упреждением». В Снайперской школе мы его изучали. Потапов даже рассказывал нам, как в конце 1915 года в его полку из винтовки сбили низко летящий германский самолет «Фоккер».

Необходимо знать скорость, с которой передвигается цель. Судя по всему, «Юнкерсы-87»– пикировщики заходили на бомбометание на скорости не менее 400 км в час. Но ведь и «Жан Жорес» не стоял на месте. Он шел довольно быстро и при том маневрировал, уклоняясь от фашистских атак. Четыре зенитные пушки, установленные на палубе судна, почти беспрерывно вели огонь, и фрицы часто отворачивали от цели. Мне же оставалось только восхищаться смелыми действиями экипажа теплохода.

Налет не принес немцам успеха. Они не смогли потопить ни одно судно. Зато наши краснозвездные «ястребки» сбили более пятнадцати бомбовозов. Корабельные зенитные пушки «приводнили» еще трех фашистов. Но в этом воздушном бою погибли и наши летчики. Троих раненых из подбитых самолетов морякам удалось спасти.

Во второй половине дня в небе над караваном появилась еще одна группа вражеских самолетов: около сорока «Юнкерсов-87» и «Юнкерсов -88». Им навстречу поднялись наши истребители, которые базировались на аэродромах в Крыму и на Тендровой косе, всего – 56 боевых машин. Снова мы наблюдали яркую картину воздушного боя, в ходе которого противник целей своих опять не добился. Лишь поздно вечером немцам удалось уничтожить старый транспорт «Большевик», который двигался в хвосте каравана. В него попала торпеда, и судно затонуло. Но всю команду теплохода, успевшую спустить шлюпки на воду, подобрали советские тральщики и торпедные катера.

Караван прибыл в Севастополь 17 октября 1941 года в 19 часов вечера и пришвартовался в Стрелецкой бухте. Началась выгрузка на берег. Константин Подыма, сменившись с вахты, вышел провожать меня и с удивлением увидел, что, кроме вещмешка, за плечом я несу какой-то длинный предмет в чехле. Галантный моряк тотчас предложил свою помощь. Я ответила, что свое личное оружие не могу отдать никому.

– Разве у вас, Людмила, есть оружие? – недоверчиво спросил он.

– Снайперская винтовка, – призналась я.

– Так вы – не медик, вы – боевой стрелок?.. Никогда бы не

подумал!

– Отчего же, Костя?

– Женщинам не место на войне, – убежденно сказал он.

Я не имела ни времени, ни желания спорить со штурманом. На страшной войне, которую тогда вел наш народ за собственное выживание, каждый, кто уверенно владел военными знаниями и навыками, независимо от своей половой или национальной принадлежности, должен был встать в строй и внести посильный вклад в уничтожение немецко-фашистских захватчиков. Только в таком случае мы могли победить врага.

Глава 7
Легендарный Севастополь

Прекрасный белый город, еще не опаленный жарким дыханием сражений, предстал перед усталыми бойцами Приморской армии. Здесь было непривычно тихо и спокойно. Ни артиллерийского обстрела, ни линии фронта, где идут постоянные бои. Лишь изредка появлялись фашистские самолеты, но такого сильного ущерба, как в Одессе, они Севастополю еще не причинили. В лучах теплого крымского солнца его тенистые улицы, чуть тронутые осенним увяданьем парки и скверы с роскошными цветочными клумбами радовали глаз нарядным, совершенно довоенным видом и яркостью красок.

Город раскинулся на берегах нескольких бухт, и вход в главную из них охраняли два старинных форта: Константиновский и Михайловский. Их мощные белокаменные стены с бойницами отражались в водах гавани. На вершине Центрального холма сиял голубым куполом Владимирский собор, усыпальница четырех адмиралов, героев первой обороны города. Посреди кудрявых аллей Исторического бульвара стояли скромные монументы павшим воинам Четвертого бастиона, Язоновского редута, батареи Костомарова, а также многофигурный бронзовый памятник генералу Тотлебену и его храбрым саперам, которые успешно вели подземную борьбу с англо-франко-турецко-итальянскими войсками, что в 1854 году осадили Севастополь.

Прежде я никогда не бывала здесь.

После шумной, разнообразной, многоликой Одессы, население которой до войны насчитывало более шестисот тысяч человек, Севастополь казался маленьким и провинциальным. В Одессе ритм жизни задавал большой морской торговый порт, принимавший десятки судов из разных стран мира. Однако заграничные пассажирские лайнеры, сухогрузы или танкеры не могли даже приближаться к Главной военно-морской базе Черноморского флота. Лишь серые узкие корпуса советских эсминцев, тральщиков, сторожевиков занимали причалы Южной бухты, стояли на ремонте у молов Морского завода им. Серго Орджоникидзе.

Героическое прошлое каким-то непостижимым образом влияло на облик современного Севастополя, на его жителей, на их нравы и обычаи. Это мне очень понравилось. Город представлялся не разудалым морячком, сошедшим с палубы

заморского «купца», как в Одессе, но суровым воином, сжимающим в руках оружие и пристально вглядывающимся в даль. На южных рубежах Отечества он стоял как бессменный часовой, отвечая за покой и безопасность родной страны.

Севастопольцы гостеприимно встретили защитников Одессы.

На судах нашего каравана прибыло много раненых (до трех тысяч). Их сразу поместили в госпитали, которые располагались в разных районах: в бухте Голландия, в Стрелецкой бухте, в Балаклаве, в городских больницах. Мне вместе с другими пациентами медсанбата № 47 нашлось место в небольшом стационаре в Стрелецкой. Моих однополчан, нуждавшихся не в лечении, а в отдыхе, отвели в центр города, на Исторический бульвар. Но основные силы Приморской армии находились на Корабельной стороне, большая часть – на территории зенитного училища.

Людей отправляли в баню, меняли белье и обмундирование, кормили в столовой, выдавали по 500 грамм хлеба. Этот отдых был совсем не лишним для тех, кто два дня назад вышел из боя. «Чапаевцы» надеялись, что отдыхать им будет позволено хотя бы неделю. Надежды не оправдались: уже 21 октября наша дивизия погрузилась в эшелон на железнодорожном вокзале и отправилась на север Крымского полуострова, чтобы остановить наступление немцев на Ишуньских позициях.

Я осталась в Севастополе, поскольку рана на голове не зажила. Мне делали перевязки раз в два дня и обещали в скором времени снять швы. Несмотря на это, я добилась разрешения выходить на получасовые прогулки к морю. Затем, когда швы сняли и перевели в батальон выздоравливающих, базировавшийся в здании Черноморского флотского экипажа, смогла отпрашиваться на увольнение в город.

Увольнительную мне давал майор Н.А. Хубежев, человек веселый и разговорчивый. Когда я представлялась ему, он заинтересовался моей наградой – именной снайперской винтовкой – и предложил перейти из 25-й дивизии, которая неизвестно где сейчас находится, в морскую пехоту, обещая звание главстаршины и уверяя, будто черный матросский бушлат с латунными пуговицами пойдет мне несравненно больше, чем пехотная гимнастерка цвета хаки. Он расхваливал своих приятелей-начальников: в 16-м батальоне морпехов – капитана Львовского, в 17-м батальоне – старшего лейтенанта Унчура, в 18-м батальоне – капитана Егорова, в 19-м батальоне – капитана Черноусова.

Однако морская пехота казалась мне ничуть не лучше обычной, сухопутной. К 54-му имени Степана Разина стрелковому

полку я сильно привязалась, пережив с ним одесскую эпопею. Ведь на войне всякое бывает. Полк – не иголка в стоге сена, он найдется вместе со всей Приморской армией, которая, под напором фрицем отступив от Ишуньских позиций, теперь пробивалась в Главную военно-морскую базу Черноморского флота по грунтовым дорогам через Крымскую южную горную гряду.

Выбравшись из казармы в город, я гуляла в одиночестве и наслаждалась мирным его видом. По городскому кольцу ходили трамваи, работали магазины, столовые, бани, парикмахерские, разные мастерские: металлоремонта, швейные, обувные. Правда, Севастополь, до войны имевший население более ста тысяч человек, теперь выглядел пустынным. Многие его жители, особенно – с детьми, эвакуировались на Кавказ и в Краснодарский край. Однако после трудового дня, по вечерам, нарядно одетые севастопольцы выходили гулять на Приморский и на Исторический бульвары, посещали или городской театр имени А.В. Луначарского, где по-прежнему шли спектакли, или три кинотеатра, в которых демонстрировали лучшие довоенные отечественные фильмы: «Чапаев», «Трактористы», «В тылу врага», «Минин и Пожарский», «Конек-Горбунок» и другие.

Прежде всего, я посетила до сих пор открытые учреждения культуры: превосходный музей Черноморского флота, расположенный в старинном здании с пушками у входа, и панораму на Историческом бульваре «Штурм Севастополя 6 июня 1855 года», замечательное по своей реалистичности и силе воздействия на зрителей творение художника Франца Рубо. Даже не хотелось уходить оттуда, настолько притягивало к себе это полотно. Казалось, будто время повернуло вспять, и ты действительно находишься среди защитников Малахова кургана. Невольно приходили мысли о том, что мы сейчас должны повторить подвиг наших предков и защищать город до последней капли крови.

Однако Севастополь, заложенный по указу императрицы Екатерины Второй, имел более давнюю историю. На трамвае я съездила в Балаклаву, рыбацкий поселок в 12 километрах от города, чтобы посмотреть на руины генуэзской крепости Чембало, а также побывала в Херсонесе-Таврическом, основанном еще в V веке до нашей эры, где увидела остатки древнегреческого города с фундаментами домов, базилики, античного театра, крепостных башен и стен, образующих «перебол», специальное пространство для борьбы с вражеской пехотой, прорвавшейся к фортификационному сооружению.

Все это стало возможным потому, что у меня были свои

деньги из солдатского оклада, собранные за четыре месяца. Рядовому первого года службы полагалось 10 рублей 50 копеек, но снайперу-ефрейтору – 30 рублей, снайперу-сержанту и командиру отделения – 35 рублей. Примерно 20 рублей у меня ушло на шоколадные конфеты «Весна». К моему удивлению, они продавались в севастопольском магазине «Военторг» по довоенной цене.

Между тем события в Крыму развивались.

Уже 26 октября 1941 года германская Одиннадцатая армия под командованием генерал-полковника Эрика фон Манштейна вышла на просторы полуострова. Через четыре дня, 30 октября, в четверг, начались боевые действия на дальних подступах к Главной военно-морской базе Черноморского флота. Четырехорудийная батарея береговой обороны № 54 открыла огонь по колонне немецких бронетранспортеров, грузовиков с пехотой, мотоциклов и самоходных артиллерийских установок «StuG III Ausf», двигавшихся по дороге к деревне Николаевка. Меткими выстрелами колонна была остановлена. Этот день и считается началом обороны Севастополя.

Приказ начальника гарнизона города от 30 октября 1941 года контр-адмирала Г.В. Жукова нам объявили при построении на плацу во флотском экипаже. Начинался он так: «1. Противник прорвал линию фронта, его передовые мотомеханизированные части вышли в район Евпатория – Саки, угрожая Севастополю… 3.Частям гарнизона Севастополя во взаимодействии с кораблями и береговой артиллерией не допустить противника в Главную военно-морскую базу и уничтожить его на подходе к Севастополю…» В приказе говорилось о расположении наших воинских частей по линии передового рубежа от деревни Камары до устья реки Кача. Обеспечивать сухопутную оборону должны были 16 батальонов морской пехоты, ополчение и другие подразделения, находившиеся в тот момент в городе. Меня этот приказ не касался, так как я по-прежнему числилась в первом батальоне 54-го стрелкового полка, а где он находится, никто не знал. Но майор Хубежев в этот день не дал мне увольнения и опять предложил перейти в морскую пехоту. Затем вместе с другими выздоравливающими я занималась уборкой территории.

Впрочем, об этом долго жалеть не пришлось. Во второй половине дня, после обеда, у нас появились две молодые сотрудницы Морской библиотеки. Они совершали свой обычный – раз в неделю – обход частей ВМФ, собирая книги, которые выдали бойцам раньше, и предлагая новые. Вокруг них моментально образовалась толпа. Бойцы меняли книги, разговаривали с девушками о прочитанном, делали заказы. Я тоже взяла

потрепанную брошюру в мягкой обложке с цветным рисунком, изображающим сценку на Четвертом бастионе в 1854 году: большая пушка на лафете с маленькими колесиками, солдаты и офицер возле нее, сверху фамилия автора – Лев Толстой, название – «Севастопольские рассказы». Были книги и других писателей: Чернышевского, Чехова, Алексея Толстого, Шолохова, Максима Горького, – но Толстой пользовался гораздо большим спросом.

Давно я не держала в руках книг – верных спутников студента. О книгах пришлось забыть с той поры, когда, надев военную форму, я стала рядовым красноармейцем 25-й Чапаевской дивизии. Они остались там, в довоенной жизни, и теперь напоминали о покое, размеренности и благоустройстве. Не без волнения открыла обложку. «Севастопольские рассказы» я, конечно, читала, но очень давно, наверное, в детстве. Девушка-библиотекарь заговорила со мной об этом произведении. Она горячо рекомендовала его, называя интересным и вполне современным. Я согласилась с ней: не прошло и ста лет, как новые завоеватели подошли к легендарному городу с теми же самыми намерениями.

Чтение помогло скоротать время.

Участник первой обороны города молодой поручик артиллерии граф Толстой писал о боевых действиях со знанием дела. Скорее всего, в юные годы я не могла понять, насколько точен великий писатель в психологических деталях. Но теперь, вспоминая битву за Одессу, удивлялась тому, как проникновенно он передает чувства человека, впервые ощутившего в бою смертельную опасность:

«…Медленный свист ядра или бомбы в то самое время, как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете, и совсем иначе, чем понимали прежде, значение звуков тех выстрелов, которые вы слышали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении, собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который размахивая руками и оскользаясь под гору по жидкой грязи, рысью со смехом бежит мимо вас, – вы заставляете замолчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову…»

Толстой рисовал яркие портреты своих соратников, солдат и офицеров Российской императорской армии, которые сражались

тогда на бастионах. Он как будто приближал к нам этих героев, сделав понятными их мысли, мечты, поступки. Думаю, никто до него так убедительно не говорил об истоках русского воинского духа:

«…Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. “Послать комендора и прислугу к пушке”, – и человек четырнадцать матросов, живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, пойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки, в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого, скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского – простота и упрямство; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдание войны, этих главных признаков, положили еще и следы сознания своего достоинства и высокой мысли…»[13]

Также меня занимало и данное Толстым описание севастопольской природы и погоды, топонимика здешних мест: Северная сторона, Корабельная сторона, Малахов курган, Сапун-гора, Мекензиевы горы, Сухарная балка, Мартыновский овраг, речка Черная, Павловский мысок, Куликово поле. Ведь доселе я действовала, применяясь к ровным степным пространствам, где видимость по большей части была отличной, расстояния до цели определялись легко. Однако прицельная стрельба в горах – совсем другое дело.

Утром 4 ноября 1941 года майор Хубежев сообщил мне хорошую новость. Командующий Приморской армией генерал-майор Петров вчера прибыл в Севастополь вместе со своим штабом и разместился на командном пункте береговой обороны в Херсонесских казармах. Я решила добиться встречи с ним. Но совсем непросто сержанту подойти к генералу. Помогло то, что меня узнал его адъютант. Я увидела Ивана Ефимовича таким, как всегда: подтянутым, энергичным. Белая пыль крымских дорог осела на его кителе с генеральскими звездами на петлицах. Коричневая кавалерийская портупея с поясом и двумя плечевыми ремнями плотно охватывала его худощавую фигуру, а кобура пистолета Коровина, присвоенного высшему комсоставу, была сильно сдвинута на правый бок. В руках Петров по привычке держал стек, хотя объезжал огневые рубежи, знакомился с воинскими частями, занимавшими их, осматривал местность и военно-инженерные сооружения на ней, естественно, на машине.

Выйдя из «эмки», командующий остановился. Я шагнула к нему, вытянулась по стойке «смирно» и доложила:

– Сержант Павличенко, товарищ генерал-майор. Разрешите обратиться.

– Здравствуй, Людмила, – он улыбнулся. – Как чувствуешь себя?

– Отлично, товарищ генерал-майор.

– Значит, будем бить фашистов в Севастополе?

– Обязательно, товарищ генерал-майор.

– Сообщаю тебе, что ты – теперь старший сержант и будешь командовать снайперским взводом, – Петров снял пенсне и протер его белоснежным платком. – Когда прибудет маршевое пополнение, отбери подходящих людей и обучи их приемам меткой стрельбы.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор! – бодро отрапортовала я и, понизив голос, спросила с тревогой: – Но где же мой полк, Иван Ефимович?

– Думаю, сейчас «разинцы» находятся на дороге между Ялтой и Гурзуфом. В Севастополь они попадут дней через пять. Будешь ждать?

– Так точно, товарищ генерал-майор! С первых дней службы всей душой привязана к первому батальону капитана Сергиенко и к моей любимой второй роте.

– За армейскую привязанность хвалю, – Петров снова улыбнулся.

По распоряжению командующего Приморской армией мне довольно быстро оформили в штабе все необходимые документы, выдали направление в полк и на интендантский склад. Следовало получить разные предметы зимнего обмундирования, например, шапку-ушанку, ватник, теплое белье. С особым удовольствием я прикрепила на петлицы гимнастерки по три темно-рубиновых треугольничка, обозначающие мое новое воинское звание – «старший сержант». Кроме того, полагалась мне кожаная портупея с плечевым ремнем, латунной одношпеньковой пряжкой и кобурой с шомполом, куда вкладывался пистолет.

Потом с этим ручным огнестрельным оружием – «Тульский, Токарева», – полученным в Севастополе, я не расставалась никогда: брала с собой, уходя в снайперскую засаду, в увольнение в город и, само собой разумеется, на парадные построения, при эвакуации увезла его в Новороссийск, затем – в Москву. «ТТ» стал моим добрым талисманом. Охотясь за фрицами в крымском лесу, я рассчитывала – в случае неудачи – не столько на гранату, всегда висевшую у меня на поясном ремне, сколько на «тотошу» (так называли пистолет Токарева у нас в армии). Ведь снайперов в

плен не брали ни русские, ни немцы, их расстреливали прямо на месте. Для женщин существовал и другой вариант – групповое изнасилование перед смертью[14]. Потому граната – врагам под ноги, семь пуль из «ТТ» – тем, кто подойдет ближе, но восьмая – себе в висок.

Не скрою, пистолет, имеющий вес 825 грамм без магазина на восемь патронов, – тяжеловат для женской руки. Некоторые также ставили русскому инженеру Токареву в упрек то, что его оружие слишком напоминает изобретение «пистолетного короля» господина Джона Мозеса Браунинга, особенно – модель 1910 года бельгийского производства. Но нам ли, людям, занимающимся практической стрельбой, слушать отвлеченные от жизни споры теоретиков? Самое главное, «ТТ» отвечал всем требованиям фронта: мощный патрон калибра 7,62 мм, который пробивал кирпичную стену толщиной в 100 мм, прочный вороненый ствол, надежный спусковой механизм, удобная рукоять с рубчатыми накладками[15]…

Мои однополчане подошли к Севастополю только 9 ноября 1941 года и заняли вместе со всей 25-й стрелковой дивизией позиции длиной 12 км в третьем секторе обороны, то есть на Мекензиевых горах, между реками Бельбек и Черная, примерно в двадцати – двадцати пяти километрах от города. Это были возвышенности, поросшие лесами, перемежавшиеся довольно глубокими впадинами, называемыми здесь «балками». Например, Темная балка, расположенная близко к Камышловскому оврагу, или Мартыновская балка возле Мартыновского оврага. Находилось там и несколько татарских деревень: Камышлы, Бельбек, Биюк-Отаркой, Залинкой, Дуванкой, а также – узловая железнодорожная станция «Мекензиевы горы». На высоте более 300 метров над уровнем моря располагался хутор Мекензия, иногда обозначаемый на картах как «Лесной кордон № 2». Хутор в конце XVIII столетия действительно принадлежал контр-адмиралу Российского императорского флота Томасу Мак-Кензи, по своему происхождению шотландскому горцу.

Огневые рубежи для защитников Севастополя к тому времени были уже подготовлены: окопы, ходы сообщения, землянки, блиндажи, артиллерийские и пулеметные ДОТы (долговременные огневые точки) и ДЗОТы (дерево-земляные огневые точки). Бойцы и командиры 54-го стрелкового полка, 287-го стрелкового полка, Третьего полка морской пехоты и Седьмой бригады морской пехоты, которые теперь входили в состав нашей дивизии, получили приказ встать на один-два километра западнее хутора Мекензия, ранее захваченного немцами.

Прибыв на позиции полка, я надеялась увидеть всех своих

сослуживцев в добром здравии, поскольку ничего не знала о том, как в конце октября проходили бои на севере полуострова. Но на командном пункте вместо майора Матусевича, известного всем нам по одесской обороне, меня встретил майор Петраш Василий Иванович, переведенный к нам из 31-го полка, где он до сего времени командовал батальоном. На мой вопрос о Матусевиче Петраш ответил, что тот ранен, но, вероятно, скоро вернется в полк. Далее мой путь лежал на командный пункт первого батальона. Здесь вместо капитана Сергиенко я увидела незнакомого мне лейтенанта, худого, высокого, лет тридцати пяти, явно из запаса. Представившись, я передала ему документы. Он бегло просмотрел их, потом поднял на меня суровый, недовольный взгляд:

– Командиром взвода стать хотите, товарищ старший сержант? Разве вы сумеете?

– Не мне это решать, товарищ лейтенант, а командованию.

– Какое командование вы имеете в виду? Я, например, против того, чтобы женщины занимали строевые должности в армии. Вы – снайпер, вот и стреляйте по фашистам. А командовать будут те, кому положено, – он небрежно бросил мои документы на стол.

– И кому положено, товарищ лейтенант? – я не собиралась сдаваться.

– Мужчинам, конечно…

Однако лейтенанту Григорию Федоровичу Дромину пришлось поумерить свои амбиции. Очень доходчиво ему объяснили, что решение о таковом моем назначении принял даже не командир 25-й дивизии генерал-майор Коломиец, а главнокомандующий Приморской армии генерал-майор Петров. Естественно, от этого мои отношения с нынешним командиром первого батальона не улучшились. Правда, Дромин оставил меня в покое. Вместе с тем он не собирался меня ни хвалить, ни ругать, ни тем более – награждать.

От КП первого батальона извилистая лесная тропка вела к позициям второй роты. Хорошие, глубоко врытые в землю блиндажи соорудили на Мекензиевых горах армейские саперы. При входе в один из них я столкнулась с ефрейтором Федором Седых. То-то было радости! Мы по русскому обычаю троекратно обнялись. Неважно выглядел мой старый боевой товарищ: сильно похудел, осунулся, имел легкое ранение левой руки. Тотчас нагрели в котелке воды для чая, достали сахар и сухари, сели разговаривать.

Мрачные картины рисовал Федор.

На позициях Красной армии под Ишунью фашисты вошли в соприкосновение с нашими частями 24 октября. Наши стойко

отбивались и ходили в контратаки. Но постепенно превосходство противника в артиллерии и авиации дало себя знать. К тому же плохо были подготовлены огневые рубежи. Советские войска размещались почти в открытой степи. Капитан Сергиенко, например, получил тяжелое ранение в ногу с раздроблением кости от прямого попадания мины на КП батальона, который занимал простой окоп, и был отправлен в глубокий тыл. Под артогнем противника полегла почти половина второй роты. О снайперском ее взводе и вспоминать не стоит. В полку осталось человек 600–700 при штатном составе мирного времени в три с небольшим тысячи бойцов и командиров.

«Слева от 95-й дивизии наступал Разинский полк 25-й дивизии… – впоследствии вспоминал один из участников этой боевой операции Л.Н. Бочаров. – Хорошо начали “разинцы”. Пошли дружно, под “ура”, взяли фашистов в штыки. Вторую роту поднял в атаку секретарь полкового партбюро Семяшкин. Больше сотни гитлеровцев перебила третья рота. Ее командир старший лейтенант Еременко был ранен, но продолжал руководить боем… Приморцы дрались в Крыму с той же беззаветной отвагой, что и под Одессой, где были всего восемь дней назад. Однако чувствовалось – первый наш успех непрочен. Пехоту очень слабо поддерживала артиллерия: мало подтянули батарей, да и снарядов не хватало. Атаке предшествовал лишь пятнадцатиминутный огневой налет. В воздухе не было нашей авиации. Все говорило о поспешности, неподготовленности начатого наступления… В полдень 26 октября наступали уже немецкие войска, поддерживаемые большим количеством самолетов и танков. В следующие дни враг, наращивая свои силы, развивал успех…»[16]

Добрым словом мы с Федором помянули капитана Сергиенко. Пока он начальствовал первым батальоном, всем нам жилось неплохо. Почему, мы даже не задумывались. Опытный, умелый офицер, внимательный к нуждам подчиненных, но вместе с тем и требовательный, он пользовался у бойцов безграничным уважением. Командиры полка подполковник Свидницкий, затем майор Матусевич тоже прислушивались к его советам.

Для меня Иван Иванович был как ангел-хранитель, причем в сфере весьма деликатной. Не открою тайны, если скажу, что служба женщин в армии имеет свои особенности. Их поведение в мужском коллективе должно быть ровным, строгим, безукоризненным: ни с кем никогда никакого кокетства. Но жизнь есть жизнь, и бывало, что трудности возникали. Создавали их отнюдь не рядовые солдаты, а «товарищи офицеры», пользуясь положением командира и пунктом Устава о том, что приказ

командира должно выполнить и за неисполнение его отвечать по законам военного времени. Это у нас называлось «приглянуться». Потому я предпочитала больше времени проводить на передовой, пусть и под огнем противника. Здесь шанс попасть на глаза какому-нибудь любвеобильному обладателю трех-четырех «кубарей» или «шпал» на петлицах воротника (то есть среднему и старшему комсоставу) оставался минимальным. Если же таковое и случалось, то комбат Сергиенко прямо спрашивал у соискателя: «Что тебе от нее нужно?» Почему-то никто не отваживался отвечать ему честно. На том история с ухаживаниями, щекотливыми разговорами и непристойными предложениями, как правило, заканчивалась.

К сожалению, я не знаю дальнейшей судьбы этого смелого и благородного человека…

Пока наш 54-й полк находился в дивизионном резерве, мы с ефрейтором Седых занялись разными организационными делами. Надо было принять пополнение, получить и осмотреть новые винтовки («трехлинейки» с прицелом «ПЕ»), изучить вверенный второй роте участок обороны. Тут бросалось в глаза то, что окопы вырыты неглубоко, не более, чем на 50 см, а траншей и ходов сообщения кое-где нету вовсе. Солдатам предстояло потрудиться, и нужны им были не «снайперки», а малые саперные лопатки. Командира нашей дивизии генерал-майора Т.К. Коломийца мы имели честь видеть утром 10 ноября. Он приехал на рекогносцировку местности, обошел позиции и строго указал на недостатки: плохо сделанные земляные укрепления.

Стрелковый взвод согласно штатам, установленным Наркоматом обороны 5 апреля 1941 года, – довольно большая группа людей: 51 человек. Командует им лейтенант, вооруженный пистолетом, у него есть заместитель в звании старшего сержанта с пистолетом-пулеметом («ППД-40») и посыльный с винтовкой Мосина (для связи с командованием). Взвод состоит из четырех стрелковых отделений, которые возглавляют сержанты (все они вооружены «СВТ-40»). При взводе существует минометное отделение (четыре человека вместе с сержантом плюс миномет калибра 50 мм). Я пишу об этом так подробно для того, чтобы сказать: ничего подобного в моем распоряжении не было.

Лейтенанты теперь часто командовали ротами и батальонами, что повелось еще с Одессы, где средний комсостав в подразделениях РККА обычно выбивали за две-три недели боев. О численности взвода в пятьдесят человек мне даже странно вспоминать: в разные периоды обороны Севастополя бывало примерно от двадцати до двадцати пяти бойцов, но почти

никогда – больше. Пистолеты-пулеметы, которые солдаты называли автоматами («пистолет-пулемет Дегтярева – 40», позднее – «пистолет-пулемет Шпагина– 41») с барабанным магазином на 71 пистолетный патрон, бесспорно, являлись эффективным оружием ближнего боя, однако их в стрелковых частях в первые месяцы войны катастрофически не хватало. Кажется, примерно 25–30 «ППД-40» имели на вооружении только два взвода нашей полковой разведки. Миномет калибра 50 мм у нас вообще-то называли ротным, в полку их по штату состояло 27 штук. Но это – по штату…

В течение двух дней – 10 и 11 ноября – к нам в полк прибыло пополнение. По большей части это были люди из тех батальонов морской пехоты, которые спешно формировали в Севастополе в конце октября. Теперь они должны были встать в один ряд с нами, «разинцами», уже прошедшими горнило войны, и быстро освоить сухопутную службу. Они готовились сражаться с немецко-фашистскими оккупантами до последней капли крови, но плохо представляли себе эти будущие сражения. Те моряки, кто попадал в мой взвод, удивлялись особенно, и при нашем знакомстве иногда разыгрывались забавные сценки.

Так, четверо бравых молодцов в черных шапках-ушанках, флотских бушлатах и брюках, как говорится, «шириной с Черное море» ввалились в блиндаж и объявили, что направлены в подразделение старшего сержанта Павличенко. Я в тот момент перелистывала книгу Дорогого Учителя, изучая его пояснения насчет стрельбы в горах. Федор Седых, который вместе с тремя рядовыми проверял затворы новых винтовок, предложил им сесть. Они опустили свои вещмешки на земляной пол, не спеша уселись на лежанки, стали оглядываться, заметили меня, переглянулись и дружно заулыбались.

– Девушка, вы тоже тут служите? – спросил один из них.

– Служу, – ответила я.

– Вот здорово! – подмигнул он своим товарищам. – Это мы хорошо попали. Санинструктор просто замечательный. Честное слово, красавица – глаз не оторвать. Будем знакомы. Я – Леонид. А ваше имя?

– Людмила.

– Ну, Люда, не хмурься, будь приветливее с моряками. За нами не пропадет.

– Тогда придется вам встать передо мной по стойке «смирно» и доложить командиру о себе, как это полагается по Уставу.

– А где командир? – Леонид оглянулся.

– Командир я.

– Да брось ты, Люда, валять дурака. Что за шутки у тебя

неуместные?..

Пришлось строго объяснить ребятам, кто здесь начальник. Сильно недоумевая, они все же встали по стойке «смирно», представились, как положено, и выслушали мое первое командирское наставление. Удивленное выражение не сходило у них с лица. Похоже, морпехи ожидали, что вот-вот досадное недоразумение разрешится, и присутствующие вместе с ними будут смеяться над этой нелепой – на их взгляд – ситуацией. Ведь не может же такого в нашей армии быть: женщина – командир снайперского взвода.

Впоследствии и Леонид Буров, и трое его друзей в боях проявили себя наилучшим образом. Конечно, за неделю обучения настоящими сверхметкими стрелками они стать не могли. Но первоначальные приемы обращения со «снайперкой» освоили и стреляли под моим руководством (я рассчитывала расстояние до цели и показывала им, как нужно регулировать барабанчики на оптическом прицеле) неплохо, особенно – при фронтальных атаках противника. Храбрые они были люди, и жаль, что Буров так рано погиб…

Хутор Мекензия, или «Лесной кордон № 2», находился на плоской вершине горы, поднимавшейся на 310 метров над уровнем моря. Его окружал лес с густым подлеском из обычных крымских кустарников: можжевельник, грабинник, «держи-дерево», кизил, шиповник. Усадьба егеря состояла из нескольких небольших одноэтажных строений, огорода и сада, примыкающих к ним. Старый господский дом, давным-давно превратившийся в руины, располагался недалеко от нее, но из-за деревьев был почти не виден. Случилось так, что позиции наших и немецких войск возле хутора стали узловым пунктом в третьем секторе Севастопольского оборонительного района. Он стоял на стратегически важной дороге, которая вела в долину Кара-Коба. Заняв ее, противник смог бы выйти в тыл защитникам города с восточной стороны. Кроме того, отбросив наши части далеко от хутора, немцы пробили бы себе путь и к железнодорожной станции «Мекензиевы горы», оттуда – на северный берег самой большой и длинной бухты, что предрешило бы судьбу города.

В первых числах ноября фашисты захватили сам хутор Мекензия, но дальше пока не продвинулись. Они накапливали там силы для нового удара. Советское командование считало необходимым выбить противника оттуда, и ожесточенные схватки за хутор шли в течение двух недель, практически до конца ноября 1941 года. Здесь бойцы и командиры 54-го имени Степана Разина стрелкового полка впервые пролили свою кровь за легендарный Севастополь. Случилось это на рассвете 12 ноября. Наш батальон

вел бой на рубежах севернее хутора. Командир дивизии генерал-майор Коломиец приехал на командный пункт полка, чтобы наблюдать за сражением. Оценив обстановку, он поставил «разинцам» боевую задачу: утром 14 ноября атаковать фрицев, окружить их на хуторе и уничтожить, взяв этот пункт под свой контроль.

«Итак, первая наша серьезная контратака под Севастополем, – писал впоследствии комдив славной 25-й Чапаевской Трофим Калинович Коломиец. – Вся артиллерия третьего сектора открывает огонь по переднему краю противника и его ближайшим тылам в районе Черкез– Кермена (совр. село Крепкое. – *Примеч. сост.*). Я заранее перебрался на КП второго батальона “разинцев”, который наносит удар. И оттуда наблюдаю за атакой. Началась она успешно. Роты стремительным броском достигли первой линии немецких окопов. В течение нескольких минут противник смят. Пока вторая и третья роты преследуют гитлеровцев, мечущихся по лесу, первая перерезает дорогу Черкез-Кермен – хутор Мекензия. Начинается окружение хутора.

Засевшие там фашисты яростно сопротивляются. Огонь такой, что нашим бойцам проходится залечь. Гроссман (начарт 25-й СД. – *Примеч. сост.*) помогает им артиллерией. Но пока артиллеристы подавляют сопротивление гитлеровцев у хутора Мекензия, немецкая пехота появляется со стороны Черкез-Кермена, однако “разинцы” держатся стойко, и фашистская атака захлебывается. Потом от Черкез-Кермена подходят свежие немецкие части, и все начинается сызнова. С нашей стороны вводятся в бой два резервных взвода. Но этого явно мало. Майор Матусевич решает снять с подступов к хутору одну роту и контратаковать ею вражеский резерв… Бой продолжается более трех часов. Полностью выполнить свою задачу “разинцы” так и не смогли. Однако немцы понесли настолько чувствительные потери, что потом дней пять не предпринимали против нашей дивизии активных действий…»[17]

Глава 8
Лесными тропами

Однако хутор Мекензия оказался крепким орешком.

Последнюю атаку на него советские части предприняли утром 22 ноября. «Разинцы» наступали вместе со Вторым Перекопским полком морской пехоты. Противник сопротивлялся отчаянно. Морпехи смогли захватить дорогу от хутора к деревне Черкез-Кермен, но дальше не продвинулись. К середине дня боевые действия с обеих сторон прекратились. Хутор остался в руках у фрицев. «Чапаевцы» закрепились на высотах 319,6—278,4—175,8, расположенных на один километр западнее этого злополучного хутора.

Так закончился первый штурм Севастополя, который продолжался 25 суток. Практически никакого успеха оккупанты при нем не достигли. Им удалось потеснить защитников на 3–4 километра в первом секторе обороны восточнее рыбацкого поселка Балаклава и на 1–2 километра в третьем секторе СОР у деревень Дуванкой, Черкез-Кермен и хутора Мекензия.

Началась относительно мирная жизнь на рубежах обороны.

Они протянулись на 46 км по крымским долинам и горам, заросшим лесом, от берега моря у Балаклавы до реки Бельбек, мелкой и бурливой. Такую же протяженность имела и нейтральная полоса, с двух сторон обозначенная глубокими окопами, извилистыми ходами сообщения, пулеметными гнездами, участками с противотанковыми рвами, минными полями и ограждениями с колючей проволокой (часто «колючку» натягивали прямо по стволам деревьев в лесу). Она достигала ширины в 100–200 метров. Переходы через нее существовали. Совершенно незаметно – особенно ночью – мы, снайперы, а также наши полковые и дивизионные разведчики могли пересечь ее на Мекензиевых горах, то есть по высокому гребню Камышловского оврага (он простирался на несколько километров, начинаясь недалеко от большой деревни Дуванкой[18] и уходя на северо-запад, к хутору Мекензия) и по склонам Темной балки, соседней с оврагом, дно которого действительно заросло камышом.

Этими же переходами пользовались и немецкие разведывательные группы. Бывало, с боем к нам через лес прорывались десятка два автоматчиков, вооруженных пистолетами-пулеметами «МР-40», больше известных у нас под народным названием «шмайссер», хотя никакого отношения известный германский инженер Гуго Шмайссер к этому оружию

не имел, его производила фирма «ERMA». Нарвавшись на наше боевое охранение, они поспешно уходили. Приказа преследовать их мы не получали, но для тренировки могли вести прицельную стрельбу, пока фашисты не скроются за деревьями.

Так было и на сей раз. Пороховой дым еще стлался над горами, еще по балкам и урочищам перекатывалось эхо последних выстрелов, когда у окопов второй роты из чащи вышел седой, как лунь, человек в серой цивильной куртке и с котомкой за плечами. Он очень походил на лешего своей сгорбленной худой фигурой и кудлатой бородой, почти достигающей глаз. От неожиданности солдаты снайперского взвода чуть не застрелили его. Он вскинул вверх обе руки и дико заорал: «Я – свой!» В руках он держал раскрытый советский паспорт и какое-то удостоверение в коричневых корочках и с фиолетовой печатью.

Я, опустив винтовку, спросила его, кто он такой, что делает на боевых позициях 54-го полка и каким образом сумел пройти через вражеские дозоры. Старик ответил, будто это совсем не трудно, ибо немцы не заходят в лес далеко, боятся, а он – здешний лесник и обошел их по малозаметным тропам, которые ему одному знакомы. Тут он заплакал. Слезы покатились по белой бороде и стали падать на куртку, перетянутую охотничьим патронташем, правда, незаполненным. Не скрою, в первые минуты я растерялась. Уж очень странным показалось мне данное происшествие. Но Федор Седых почему-то сразу поверил старику. Он убедил меня пропустить лесника к нам, выслушать его рассказ.

Вскоре, за горячим завтраком, доставленным в окопы боевого охранения старшиной, мы обсуждали историю егеря Анастаса Вартанова. Она была весьма трагична, как и многие другие события этой адской войны. Группа фашистской разведки заскочила на лесной кордон № 2, опередив свои строевые части. Им чем-то не понравился сын Вартанова, его внук, да и вся семья лесника. Недолго думая, гитлеровцы расстреляли их возле дома. Сам Анастас, по счастью или по несчастью, с утра уехал в тот день в городское управление, дабы выписать накладные и получить овес и сено для прокорма лесных обитателей зимой.

Теперь, по словам лесника, на хуторе Мекензия разместился какой-то немецкий штаб. Возле дома, под деревьями стояли колесно-гусеничные бронетранспортеры с антеннами и пулеметами на крышах кабин, пушки с тягачами, легковые машины, мотоциклы с колясками. Туда приезжали люди, одетые не только в серо-зеленые мундиры, но и в черные короткие куртки и береты (то есть – танкисты).

Главным постояльцем являлся рослый человек с голубыми

глазами, лет сорока от роду. Егерь видел его в парадном кителе с витыми серебряными погонами и при ордене – черно-белом кресте под воротником мундира. Он обитал в комнате расстрелянного Вартанова-младшего и каждое утро обливался водой у колодца, растирался красным махровым полотенцем, энергично делал зарядку.

– Живут в свое удовольствие, – говорил Анастас, собирая ложкой остатки перловой каши на дне котелка. – А ведь должны бояться.

– Кого? – спросила я.

– Русских, – ответил Вартанов. – Мне говорили, у вас есть какие-то ружья с особыми прицелами.

– Да, есть.

– Надо стрелять. Я покажу место. Хутор будет виден очень хорошо. Между прочим, отсюда недалеко. Через лес, в обход, километров пять. За ночь дойдем свободно.

– Вы хотите идти с нами?

– Очень хочу. Если я не увижу этого, мне незачем жить на белом свете…

Намерение старого егеря покарать врагов за гибель семьи было мне понятно. Я находила это естественным и правомочным. Не может быть никакого прощения захватчикам за их зверские поступки, за бессмысленные убийства мирных жителей. Земля должна гореть у них под ногами. Их надо находить повсюду и уничтожать всеми способами. Анастас обратился за помощью к нам, сверхметким стрелкам, и мы выполним его просьбу, если сведения, сейчас сообщенные им, подтвердят в штабе Севастопольского оборонительного района. Ответ пришел через два дня. Вартанов рассказал мне правду.

Этот запрос отправляла не я, а помощник начальника штаба полка по разведке (или ПНШ-2) капитан Михаил Безродный. Он служил в 54-м полку, кажется, с июня 1941 года и командовал двумя взводами разведки: конным и пешим. От конной разведки теперь ничего не осталось, поскольку лошадей бросили в Одессе. Пешая, сократившись с 46 человек до 25, существовала. Мне и раньше, то есть при обороне Одессы, доводилось взаимодействовать с разведчиками, например, прикрывать их переходы через линию фронта за «языком». Но тогда батальоны нашего полка нередко воевали порознь, на разных участках фронта, и с офицерами полкового штаба я практически не сталкивалась. Теперь, когда «разинцы» собрались все вместе и на довольно тесных позициях, встречи с ними – по крайней мере, с капитаном Безродным – сделались более частыми и весьма полезными.

Капитан одобрил мой план вылазки к хутору Мекензия при том условии, что проводником группы выступит егерь Анастас Вартанов. Однако прежде надо было точно узнать, где пролегает маршрут, какова сейчас ситуация вокруг лесного кордона № 2, с чем там может столкнуться группа снайперов, если выйдет в рейд. На разведку через лес на Мекензиевых горах я пошла вместе с лесником.

Была у меня при этом и другая цель. Пока немцы вели свой первый штурм, следовало думать об отражении их атак на наши укрепления, действовать вместе со всеми, быть в общем строю. При стабилизации фронта наступало время, подходящее для индивидуальной снайперской «охоты». Но как ее начинать, если я совсем не знаю местности, не привыкла вести огонь в горах, покрытых густым лесом? И вообще, что такое этот лес, который стоит зеленой стеной и шумит под порывами буйного морского ветра?..

Рассвет только занимался.

Порыв ветра налетел внезапно. Кроны деревьев закачались, застучали голыми ветками. В рассеивающихся сумерках их можно было счесть ожившими лесными существами, а короткий перестук – их таинственным разговором. Я прислушалась и подняла голову. Над тропинкой склонялся причудливо изогнутый буро-серый ствол клена, называвшегося здесь «ложно-платановым». Несколько крупных оранжевых разлапистых листьев, немного похожих на человеческую ладонь, еще держались там наверху на длинных черенках. Вдруг один из них оторвался и, кружась в воздухе, лег на тропинку прямо у моих ног. Вартанов указал на него рукой: «Возьми. Это – к удаче».

Красивый кленовый лист совсем не подходил к осенней снайперской одежде – камуфляжной куртке грязновато-желтого цвета с коричневыми разводами. Я спрятала его в карман, туда, где лежал индивидуальный санитарный пакет и кусочек рафинада, бережно завернутый в фольгу вместе с щепоткой сухой чайной заварки. Сахар, если его разжевать с заваркой, хорошо подкрепляет силы при многочасовой засаде.

Какая засада ждет меня сейчас, я не знала. Просто шла за лесником по еле заметной охотничьей тропе и присматривалась к лесу. После неоглядных и пустынных одесских степей он представлялся мне идеальным местом для маскировки, но совершенно не идеальным – для меткой стрельбы. Куда полетит пуля, ведь она – не заяц, чтобы петлять между стволами. Как правильно вычислить расстояние до цели при оврагах, невидимых из-за разросшихся повсюду кустарников?

– От кривого клена до колодца – восемьдесят пять метров, –

тихо сказал старый егерь. – Запомни, оно тебе пригодится, детка…

Анастас словно бы прочитал мои мысли. Возможно, на рассвете в чуткой лесной тишине они передавались собеседникам, близким друг другу по духу, с необычайной легкостью. Хотя неделю назад я и не подозревала о существовании Вартанова, родившегося в Крыму в прошлом веке в семье обрусевших армян, сто лет верой и правдой служивших императорской семье Романовых, которые имели на полуострове обширные охотничьи угодья.

Вся жизнь Вартанова и его дружной семьи проходила на лесном кордоне № 2 «Хутор Мекензия». Там имелось целое хозяйство: жилой дом на четыре комнаты, летняя кухня, банька, дровяные и хозяйственные сараи, конюшня, теплицы, к которым примыкал огород. Трудился егерь от зари до зари, поскольку лес требует постоянной заботы, но считал себя человеком счастливым, удачливым. Дом – полная чаша, старший сын уже ему помогает, жена – добрая, работящая, младшие дети всегда присмотрены, одеты, обуты. Что же в тот ноябрьский день так не понравилось на его кордоне немцам, будь все они прокляты…

От клена с изогнутым стволом тропинка расходилась в две стороны. Если бы не Вартанов, я бы даже не заметила ее поворота направо. Заросли кустарника высотой под два метра, широко раскинулись тут и, подобно густой вуали, скрывали подлесок. Старый егерь указал на него рукой и назвал это растение: «держи-дерево», или «христова колючка». Согласно легенде, из его веток был сплетен терновый венок для Иисуса Христа. Произрастает оно по большей части в Средиземноморье и на севере Африки, но давно прижилось и в Крыму.

К ноябрю с «держи-дерева» опадают листья и во всей красе предстает его главное оружие – колючки. Великое множество зигзагообразных побегов, длинных и коротких, расходятся в разные стороны от ствола сероватого цвета и на них торчат колючки. Одни – прямые, как игла, другие – вроде рыболовных крючков, острые и изогнутые.

Я неловко повернулась, и такой зловредный отросток немедленно зацепился за рукав моей камуфляжной куртки. Острие вошло в ткань довольно глубоко. Пришлось ломать целую ветку, отчего сухой треск в утренней тишине прозвучал, как сигнал тревоги. С ближайшей акации сорвалась стайка синиц. Вартанов повернулся ко мне:

– Осторожнее, товарищ командир!

Вскоре мы увидели старинный водовод – ржавую трубу сантиметров двадцати в диаметре. Она вела к заброшенному

колодцу. На его присутствие указывал и «журавель», поднявший свой хобот к небу. Роща становилась гуще, деревья теснились друг к другу возле источника животворной влаги. Вдруг оттуда донесся хриплый вздох. Лесник замер как вкопанный. Я, не рассчитав расстояние, наткнулась на него.

В колодец – черную яму в земле, кое-как огороженную крупными камнями и наполовину закрытую досками, угодил дикий кабанчик, молодой, со светло-коричневой шерстью и с неотросшими еще клыками. Он не мог выбраться из западни сам, хотя и старался. Увидев нас, лесной житель сделал отчаянный рывок, но вылезти ему не удалось. Повернув голову, он посмотрел на лесника темно-карим печальным глазом и жалобно хрюкнул.

– Хочешь пристрелить? – спросил Анастас. – Свиные котлеты из свежачка, чем не солдатская радость…

– Нет, – ответила я, с любопытством разглядывая подсвинка. – Он мне нравится. Он маленький еще. Пусть живет.

Егерь как-то повеселел. Он подобрал длинную слегу недалеко от колодца, просунул ее под брюхо кабанчика, поднял его, перенес на землю и опустил. Спасенное животное очухалось не сразу. Перевернувшись с боку на бок, подсвинок взвизгнул, точно не верил в свое освобождение. Потом он вскочил на ноги, отряхнулся и, ломая валежник, пустился во весь дух прочь от проклятого места. Только лихо закрученный хвостик и замелькал в кустах.

Я не удержалась от смеха.

Охоту на зверей я не одобряла и не одобряю. Лесные жители кажутся мне беззащитными и несчастными существами перед людьми, вооруженными скорострельными ружьями. Другое дело в стародавние времена, когда князь один выходил с рогатиной против медведя. Этот поединок, на мой взгляд, был более честным и справедливым.

Судя по карте, которой снабдил меня капитан Безродный, за колодцем нейтральная полоса кончалась и начиналась территория, захваченная немцами. Мы присели отдохнуть. Пить воду из колодца, где только что купался подсвинок, не стоило. У меня имелась фляга, наполненная кипяченой водой. Сухой паек, выданный на ротной кухне, состоял из краюхи ржаного хлеба и двух полосок розоватого сала, обсыпанных крупной солью и размолотым черным перцем. Тем и удовольствовались. Вартанов, получивший такой же сухпай, стал рассказывать мне про крымский лес.

Егерь обожал его, знал отлично, и знание это было наследственным, перешедшим к нему от отца. Анастас говорил, что я поступила правильно, отпустив на волю кабанчика, и лес

отплатит мне добром, ибо в лесу, как в храме, нужно соблюдать его вековые обычаи и никогда не убивать зря, забавы ради. Я спросила егеря, легко ли найти дорогу в чаще и не заблудиться среди деревьев.

– Легко, – ответил старик. – Ведь они – как люди. У каждого свой характер. Деревья различаются по породам, по возрасту, по времени цветения и плодоношения. Я могу видеть их лица и фигуры. Они очень разные. Если захочешь, ты увидишь тоже…

Трудно было воспринимать всерьез эти рассуждения. Они походили на сказку, на легенду, но я не перебивала Вартанова. Пусть говорит, пусть научит меня лесной жизни. Пока я не понимала ничего и с некоторой растерянностью рассматривала толстые стволы вязов и кленов, обступивших колодец. Ненастное холодное утро добавило им мрачных красок. Не очень-то верилось, что я смогу прижиться здесь и читать загадочную лесную книгу…

К хутору Мекензия мы вышли с северо-западной стороны, когда солнце поднималось. Чтобы лучше увидеть место, пришлось взобраться на дерево. Довольно долго я наблюдала в бинокль размеренную жизнь тыла германской Одиннадцатой армии. По дороге между хутором и деревней Залинкой туда-сюда регулярно двигался немецкий транспорт и люди в куртках и шинелях мышиного цвета. Прекрасно чувствовали себя крымские татары с белыми повязками полицаев на рукавах. Они охраняли шлагбаум возле кордона и приветствовали фрицев, вытягиваясь по стойке «смирно».

Около двенадцати часов дня появилась полевая кухня, и соблазнительный запах мясного картофельного супа донесся к нам. Человек пятьдесят солдат с котелками собрались к кухне. Получив свои порции, они разошлись не сразу, переговаривались между собой, курили, ждали раздачи кофе. Нижним чинам немецкой армии полагался не настоящий кофе, а суррогатный, и запах у него особой приятностью не отличался.

После обеда из дома вышел тот самый голубоглазый офицер в витых серебряных погонах. Во вражеской униформе я уже разбиралась. Это был майор артиллерии, награжденный орденом «Рыцарский крест», а также посеребренным «Штурмовым знаком». Дверь дома, из которой он появился, отстояла от моего дерева метров на сто и точно напротив него, то есть со стороны немецкого тыла. Я отметила это на листе бумаги, прикрепленном к плоской полевой сумке, который назывался «Карточка огня».

Майор закурил сигару и вместе с ординарцем, державшим в руках какую-то папку, сел в легковую машину «Опель-капитан». Подпрыгивая на ухабах, машина поехала по дороге, но не в

деревню Залинкой, а к селению Черкез-Кермен. Там, согласно донесениям нашей разведки, располагалась штаб-квартира Одиннадцатой армии и жил ее командующий генерал-полковник Эрих фон Манштейн. Наверное, майор торопился на совещание к своему начальнику– генералу.

На бумаге я изобразила в условном виде всю усадьбу лесника: в виде квадрата – дом, в виде треугольников – скотный двор и сараи, извилистой толстой линией – проселочную дорогу, двумя черточками – шлагбаум на ней. Расстояния между ними указывала на глаз. В центре композиции очутился весьма приметный ориентир – беловатая, испещренная впадинками и трещинами слоистая глыба. Так выходят на поверхность породы известняка, что нередко бывает на склонах и вершинах крымских холмов и гор, относящихся к геологическому типу «куэста».

Ветер в горах – явление практически постоянное.

Я обратила внимание на то, что на деревьях, окружавших хутор, отклоняются тонкие ветки, сильно колышутся листья, над дорогой крутится белая пыль. Значит, скорость ветра умеренная: 4–6 метров в секунду. Недаром снайперская пословица гласит: «Ружье стреляет, ветер пули носит». Если мы выберем эту позицию, то ветер для нас будет боковым, дующим под углом 90 градусов. При подобных условиях и расстоянии до цели в 100 метров расчет снайпера простой: горизонтальная боковая поправка будет 3 сантиметра, в тысячных – 0,15. Правда, есть еще одно обстоятельство: при повышении местности над уровнем моря меняется атмосферное давление (понижается плотность воздуха). В этом случае дальность траектории и полета пули увеличивается. Однако Потапов писал в своей книге «Наставление метким стрелкам», что в горах высотой менее 500 метров – здесь же высота не превышала 310 метров – продольным ветром можно и пренебречь, а вот боковой надо учитывать обязательно, ибо он вызывает значительное отклонение пули от плоскости стрельбы.

Спустившись с дерева, я показала свое произведение Вартанову. Он очень удивился. Объяснять все нарисованное леснику не имело смысла, но с более точным вычислением дистанций егерь помог, указав расстояние от ворот усадьбы до известкового камня – 43 метра. Я спросила его про ветер и услышала рассказ о том, как в ноябре – декабре здесь дуют сильные ветра с севера и северо-востока, которые приносят дожди и туманы.

С подготовкой к операции решили не медлить, поскольку данные могли устареть. После моего доклада капитан Безродный предупредил меня, что в рейде к хутору Мекензия мне предстоит

управлять стрельбой всей группы потому, что во взводе много новичков. Баллистические таблицы они наизусть пока не выучили, замечательную книгу А. Потапова в глаза не видали, всех тонкостей ведения меткого огня в горах не знают. Между тем нападение будет внезапным, быстрым, и при нем каждая пуля должна попасть в цель, в том – залог успеха всей операции.

Состав группы определили сразу. В нее, само собой разумеется, попал Федор Седых, которому недавно по моему представлению присвоили звание младшего сержанта. Федор, человек храбрый, во многих боях проверенный, даже в баллистических таблицах кое-как разбирался. Его физическая сила и выносливость были выше всяческих похвал. Посоветовавшись, мы с ним из новичков взяли с собой Леонида Бурова. Бывший морпех проявлял большое старание в службе и в учебе. Видимо, хотел как-то сгладить впечатление, произведенное при первой встрече. Надо заметить, это ему удавалось. Способностями к меткой стрельбе он обладал. Третьим снайпером стал земляк Федора, тоже сибиряк Иван Перегудов. Он пришел в полк с маршевым пополнением еще в Одессе.

Капитан Безродный дал двух солдат из взвода пешей разведки. Они стреляли из всех видов ручного оружия, владели приемами рукопашного боя, не раз ходили к немцам в тыл. Я с ними знакома не была, но ПНШ-2 заверил меня в том, что это – его лучшие люди. В полковой разведке лучшие люди обычно слишком самостоятельны, и я просила капитана разъяснить им, что в рейде никаких глупостей не потерплю, они должны подчиняться мне беспрекословно. Сделал он это в присущей ему иронической манере: «Ребята, предупреждаю вас, старший сержант Людмила Павличенко – девушка серьезная и шуток не любит. Чуть что не так – и получите удар “финкой” в ногу…»

По приказу Безродного разведчикам выдали два новеньких автомата «ППШ-41» и ручной пулемет «ДП» с тремя запасными дисками. Я взяла с собой свою наградную «свету», снайперы – винтовки Мосина с прицелом «ПЕ». Долго думали, чем вооружить Вартанова. Он умел стрелять только из однозарядного ружья системы «Бердан-2» с продольно-скользящим затвором. Этих старинных «берданок» у нас на вооружении, естественно, не было, потому снабдили его обычной «трехлинейкой». Кроме оружия взяли в поход саперные лопатки, боевые ножи, или «финки», фляги с водой, сухой паек, боезапас в 200 патронов и по пять гранат каждому. У меня на поясном ремне, как всегда, находился пистолет «ТТ» с двумя магазинами – шестнадцать выстрелов. Впрочем, если в таком рейде придется пользоваться пистолетом – значит, дело приобрело плохой оборот…

Но пистолет не понадобился.

На рассвете мы подошли к хутору и заняли позиции, согласно разработанному плану, в тылу у гитлеровцев. Я вместе со старым егерем – напротив дома, вход в него держа на мушке; три снайпера – в пятнадцати шагах слева от нее; два разведчика – в пятнадцати шагах справа, их цель – середина поляны и камень-известняк, где останавливается полевая кухня. Ветер поднялся немного позже и дул порывами, усиливаясь до 8–9 метров в секунду. Направление его определилось: под углом 90 градусов к нашей позиции. Я сосчитала поправку для шкалы бокового барабанчика на трубке оптического прицела и показала подчиненным знак пальцами, чтобы они также отрегулировали прицелы на своих винтовках.

Немцы – солдаты очень дисциплинированные – собрались в нужном месте, в нужное время, в нужном количестве. Кухня подъехала в 11.37, приступила к раздаче пищи в 11.50.

Наблюдая за ними в бинокль, я ждала, когда они обступят кухню потеснее. На прицеле держала долговязого унтер-офицера с двумя поперечными полосками на погонах, то есть кандидата на офицерское звание. Он выделялся среди других, что-то громко говорил, рядовые его слушались. Наконец, унтер подошел к повару, разливавшему черпаком суп. Его голова в форменной суконной кепке оказалась точно между тремя линиями в окуляре моего прицела. Пожалуй, момент настал.

Командир всегда стреляет первым, и это – сигнал для остальных членов группы, которые ждут его с нетерпением и немедленно приступают к исполнению приказа, отданного таким необычным способом.

Мы открыли ураганный огонь с трех точек. Пули полетели в серо-зеленую толпу, стали кромсать ее на части, валить врагов на землю. Немцы не имели оружия и не могли ответить нам тотчас. Кроме того, многие уже в первые минуты нападения оказались убиты. В их числе – унтер-офицер и повар, получившие в голову горячий подарок от моей «светы».

Майор артиллерии выскочил из дома, услышав выстрелы и крики. Пуля пробила ему переносицу. Не зря же я столько времени посвятила изучению этой позиции. Старый егерь тоже стрелял, и довольно метко. Он уложил ординарца. Через поляну, покрытую трупами фашистов, мы бросились к дому. Я вытащила документы майора из кармана его кителя, срезала ножом-«финкой» один погон и металлический орден «Рыцарский крест», достала из черной кожаной кобуры у него на поясе офицерский пистолет «вальтер». Разведчики тем временем ворвались в здание, стреляя из автоматов. Они хотели забрать

штабные бумаги.

– Партизанен! – раздался крик оттуда.

Связист-ефрейтор больше ничего начальству сообщить не успел, так как получил пулю в грудь. Все, что лежало перед ним на столе: карты, приказы, донесения, книга кодов – досталось отважным бойцам 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. Убегая оттуда, они также прихватили с собой туго набитый ранец, висевший на стене, и сняли с груди у валявшегося у дверей часового пистолет-пулемет «МР-40».

Группа покинула место боя столь же стремительно, как и атаковала. Мы бежали через лес почти полтора километра. Уходили на юго-восток по охотничьей тропе, которую знал Вартанов. Он вел нас к нейтральной полосе, но днем ее переходить не следовало. У лесника имелась на примете дальняя заимка: деревянная хибарка, наполовину вросшая в землю недалеко от родника, среди высоких деревьев, с густым подлеском из «держи-дерева» и можжевельника колючего. Там мы повалились на землю от неимоверной усталости. Анастас, который в дом не заходил, а наблюдал за нашими действиями с поляны, благородно вызвался быть часовым. Остальные, улегшись на мягкой рыжей хвое под можжевельником, уснули непробудным солдатским сном.

Часа через три для меня словно прозвенел будильник. Я открыла глаза. В лесу что-то изменилось. Ветер утих, сильно похолодало. Температура воздуха не превышала плюс пяти градусов, и плотное облако, цветом сходное с молоком, медленно опускалось на склоны горы. Деревья, ожидая погружения в него, будто оцепенели, вытянулись вверх. Правду говорил мне старый егерь: они боятся осеннего тумана.

Вартанов вместе с Федором Седых хозяйничали у родника. Они вырыли углубление в земле и развели там небольшой костер. Его дым смешивался с туманом и потому опасным для группы не был. Над костром висел изрядного размера котелок, не наш, а взятый на заимке. Вода закипала. На плоском камне солдаты расставили кружки, фляги, хлеб, нарезанный толстыми ломтями, брикеты пищевого концентрата горохового супа-пюре, которые собирались растворить в кипятке.

Федор с улыбкой показал мне немецкий ранец, в суматохе ловко снятый разведчиками со стены в комнате дома. Добыча пришлась весьма кстати, поскольку содержала продукты, для рядовых защитников Севастополя совершенно недоступные. Я дала разрешение использовать их сейчас. Наверное, это был паек господина майора: консервные банки с сардинами в масле, несколько плиток шоколада, пачки с галетами, палка

сырокопченой колбасы, завернутая в фольгу, полулитровая фляга с коньяком. В предвкушении пира разведчики радостно потирали руки. Набег на вражеский штаб нынче представлялся им весьма удачным. Я, по их мнению, имела прямое отношение к этой удаче, и бойцы почтительно разговаривали со мной.

Пока готовился наш обед, я занялась собственными трофеями. Прежде всего, внимательно рассмотрела пистолет «вальтер». Оружие этой системы впервые оказалось в моих руках. У румынских офицеров мне как-то больше попадались довольно неуклюжие австрийские «штайры» образца 1912 года, легкие итальянские «беретты» образца 1934 года, мощные германские «люгер-парабеллумы» образца 1908 года, бельгийские револьверы «наганы» образца 1895 года, которые я вообще не люблю из-за сложностей в перезаряжании их патронного барабана.

«Вальтер Р38», безусловно, являлся одним из лучших изделий германской военной промышленности времен Второй мировой войны. Он был компактным, простым в обращении и уходе, пригодным для выполнения самых разных задач. Пистолет отличало наличие надежного предохранителя. Кроме того, он действовал при мягком нажатии на спуск. Его спусковой механизм допускал стрельбу самовзводом и с предварительным взведением курка. Как потом выяснилось, капитан Безродный тоже положительно относился к «вальтерам».

В документах фашистского офицера удалось кое-что разобрать. Например, его имя, фамилию, дату рождения, места сражений, где майор участвовал. Боевой путь, увенчанный лаврами, пролегал по территории Чехословакии, Франции, Польши. Красивая белокурая женщина, обняв двух мальчиков-подростков, смотрела прямо в объектив фотоаппарата и улыбалась. На обороте карточки чернели четкие буквы: «Mein Herz! Mit Liebe, Anna…» Ее письмо, достаточно длинное, лежало здесь же. Прочитать его я не могла, лишь увидела, что майор написал жене ответ, но отправить его не успел.

«Да, дорогой мой барон Клемент-Карл-Людвиг фон Штейнгель, здесь вам не Франция. Русские без боя своих главных городов не сдают. Так что напрасно вы сюда заявились с танками и пушками…»– подумала я и спрятала вражеские бумаги в свою полевую сумку.

Вартанов и Седых соорудили настоящий стол на плоском камне, открыли консервные банки с сардинами, нарезали колбасу, по алюминиевым мискам, найденным на заимке, разлили суп, а в солдатские кружки – коньяк, разделив его по-братски, на семь порций. Леонид Буров предупредительно подал мне кружку, и бойцы, ожидая моего слова, замолчали.

– Отлично сработали, ребята! Чтоб нам всегда так везло, – сказала я.

Коньяк обожжет горло и согреет внутренности, чужая еда обострит вкус, а походный суп из концентратов, сваренный на открытом огне, покажется самым аппетитным в кругу людей, недавно переживших вместе с тобой смертельную опасность. Есть в таком застолье удивительное чувство единения, и я ценю его высоко. Недаром наши предки, разгромив недругов, пировали на поле боя. Братнину – большую чашу, наполненную вином или брагой, – передавали по кругу, и каждый мог смочить уста сладким напитком победы.

Битый час слушая наши тихие разговоры о том, кто и как стрелял, куда бежал, что интересного видел в краткие минуты схватки, Вартанов молчал, но вдруг возвысил голос. Старый егерь торжественно просил принять его в ряды снайперского взвода, обучить искусству меткой стрельбы, дабы он мог, как мы, уничтожать врага на этих позициях рядом со своим домом, рядом с могилами своих близких. Он говорил, что отныне сердце его успокоилось, а потому в благодарность за это он научит нас, смелых, удачливых, молодых солдат, жить и охотиться в крымскому лесу.

Примерно такое же суждение я услышала от капитана Безродного, когда представила ему рапорт и наши трофеи: немецкие штабные бумаги, документы, найденные при убитом офицере, его орден и майорский погон. ПНШ-2 не скрывал удовлетворения добытыми нами сведениями. Пользуясь его хорошим настроением, я задала вопрос о леснике и рекомендовала принять его на постоянную службу, несмотря на непризывной возраст. Просьбу я подкрепила подарком – пистолетом барона фон Штейнгеля, что произвело нужное действие. Капитан, спрятав подарок в стол, обещал обсудить это дело с командиром полка майором Матусевичем.

В конце концов, добровольно вступившего в ряды РККА Анастаса Арташесовича Вартанова признали бойцом нашего взвода. Позже, в приказе по 54-му полку, нам объявили благодарность за храбрость и находчивость, проявленные при рейде в тыл противника. Всем снайперам – и мне в том числе – записали на личный счет по семь уничтоженных фашистов. Хотя кто их теперь мог сосчитать, тех солдат и унтер-офицеров в серо-зеленой униформе, оставшихся лежать возле расстрелянной полевой кухни? По моей оценке, их было не менее шестидесяти человек: убитых, тяжелораненых (в живот) и легкораненых…

В начале декабря 1941 года в Севастопольском оборонительном районе стояла хмурая, ненастная погода с

легкими заморозками по ночам. Это не мешало защитникам города трудиться над усовершенствованием полевых укреплений, которые пострадали в период первого штурма. Долговременные огневые точки отремонтировали, оборудовали их проводной телефонной связью, окопы и ходы сообщения углубили. За работами на передовых рубежах нашей 25-й Чапаевской дивизии наблюдало даже высшее командование. У нас часто бывал генерал-майор Петров, вице-адмирал Октябрьский, члены Военного совета Приморской армии и Черноморского флота.

«Среди густой зелени кустарника спускаемся в ход сообщения, и я веду своих начальников к траншее первой линии обороны, – вспоминал впоследствии наш комдив Т.К. Коломиец. – Извилистый ход почти незаметен сверху. Он проложен под раскидистыми кустами. Лишь кое-где понадобилось перекрыть ход бревнами, замаскировать камнями. Неподалеку от траншеи – развилка. В нише стоит телефонный аппарат. Табличка указывает путь к ближайшему медпункту… Вот и траншея. Нагибаться не нужно – она отрыта в рост человека. Боец из дежурной смены докладывает, что на его участке наблюдения противник ведет себя спокойно. Из траншеи тянется ход в направлении нейтральной полосы, тщательно замаскированный привязанными к колышкам ветками вечнозеленых кустов можжевельника.

– Там – парный окоп, – объясняю я. – Они вынесены у нас вперед на пять-шесть метров. Такие окопы сокращают потери при артобстрелах. Противник бьет по линии траншей, а наши люди впереди. И наблюдать оттуда удобнее.

…В окопе два бойца. Над ними козырек. На подкладках из дерева разложены гранаты и запасные пулеметные диски. На колышке, вбитом в стенку, висит баклажка с водой…»[19]

Появились у нас и ротные, довольно вместительные землянки, вырытые на расстоянии 400–500 метров от передовой. Там устанавливали по две-три печки-«буржуйки» и длинные скамейки вдоль стен, укрепленных досками. Получалось что-то вроде клуба. По вечерам туда собирались солдаты, свободные от несения службы. Там проводили собрания, комсомольские и партийные, политинформации для личного состава, встречи командиров.

Улучшению фронтового быта во многом способствовал ввод в строй банно-прачечного комбината на Северной стороне. Здание обнаружили интенданты и с помощью местного населения отремонтировали его. Теперь походы в баню бойцов с передовой сделались регулярными. При этом им меняли белье, и бич окопной жизни – вши, повального распространения в войсках при обороне Севастополя, к счастью, не получил.

Затишье и переход к позиционной войне требовали от снайперов изменения тактики. Они становились более важными участниками противостояния с фрицами. Непрерывное наблюдение за нейтральной полосой, ведение разведки, охота за вражескими солдатами и офицерами на их передовой линии – вот чем нам предстояло теперь заниматься. Для начала следовало досконально изучить огневой рубеж, отведенный нашему первому батальону, пространство перед ним, в том числе – нейтральную полосу – и те позиции, что устроили для себя фашисты из 132-й пехотной дивизии вермахта.

Находились мы на северном склоне Камышловского оврага, примерно на километр-полтора западнее высоты 278,4. Длинный пологий склон имел причудливую поверхность: небольшие впадины, взгорья, известковые камни. Лес покрывал его неровно, в нем встречались как обширные поляны, так и труднопроходимые чащобы, а еще – завалы из упавших и разбитых снарядами деревьев. Здесь произрастали основные крымские породы: дуб скальный, вяз гладкий, клен Стевена, яблоня лесная, акация белая, бузина черная (между прочим, довольно большое дерево, до шести метров высотой), можжевельник (и дерево, и кустарник). Все эти познания я почерпнула из рассказов Вартанова, который сопровождал меня и Федора Седых, моего снайпера-наблюдателя, в путешествиях по нейтральной полосе и прилегающих к ней некоторых участков на территории, занятой немцами. Мы искали места, подходящие для снайперских засад: закрытых, открытых, основных, запасных, ложных, позиций-«подскока», отводных (то есть предназначенных для быстрого отхода).

Разветвленные и глубокие ходы сообщения, прорытые в каменистой почве полуострова советскими саперами, а также простыми пехотинцами, выходили прямо к нейтральной полосе. Они помогали нам незаметно попасть на нее даже при свете дня, хотя лучшее время для сверхметкого стрелка – полтора часа после полуночи. С собой мы брали малые саперные лопатки, иногда – кирку, топор, большие ножи. Для устройства закрытой позиции использовали складные металлические каркасы, броневые щитки, фальшивые пни, изготовленные из подручных материалов, в частности – из обрезанных автомобильных шин, оклеенных корой. На ложных позициях нашлось место «кукле» – манекену, одетому в каску и шинель, – и зеркальцу, укрепленному на расщепленном деревянном колышке.

Однако были места, которые мне особенно нравились.

Например, глубокий окоп в зарослях можжевельника, где земля, усыпанная несколькими слоями сизовато-зеленой хвои, не

только мягкая, теплая, но и хранит приятный запах. Он совершенно невыносим для разного рода лесных паразитов. Следовательно, тут нет комаров, муравьев, жучков-короедов, ос, мух и прочих врагов снайпера, мешающих ему сосредоточиться и часами сохранять неподвижность.

За беловато-серой известковой глыбой, хорошо прикрывающей позицию слева, лежал поваленный ветром и полусгнивший от старости большой дуб скальный. Плющ диковинно оплетал его толстые могучие ветви, раскинутые в разные стороны. Вороненый ствол ружья, просунутый между бугристыми побегами, неопытному наблюдателю, конечно, казался сучком. Среди веток можно было устроить винтовку очень удобно и также удобно лежать, опираясь на дерево, когда земля в лесу – сырая.

«Держи-дерево» с противными колючками я полюбила, точно прекрасное, удивительное растение. Заросли его – а эти тонкие невысокие деревца всегда растут группами – создавали эффект тюлевой занавески, наброшенной на подножие вязов, кленов, акаций. Все хорошо различимые очертания исчезали. Очень быстро исчезал среди них и дым от выстрела…

Для лесной охоты моя именная «СВТ-40» не подходила.

Тщательно вычистив ее (с промыванием канала ствола водным раствором кальцинированной соды) и смазав ружейным маслом, я завернула подарок генерал-майора Петрова в мешковину, затем уложила в чехол и повесила на стену в своей землянке. Пусть «света» отдохнет и станет на некоторое время оружием парадным. Рабочей винтовкой будет безотказная, надежная «треха». У нее и выстрел потише, и кучность получше, и прицел «ПЕ» имеет четырехкратное увеличение.

С винтовкой Мосина за плечами, имея на поясном ремне патронную сумку, пистолет «ТТ», нож-«финку» в металлических ножнах, флягу, малую саперную лопатку в чехле и две гранаты, я с Федором Седых после полуночи отправлялась на нейтральную полосу, в одну из наших «лисьих нор» (так мы называли свои обустроенные снайперские посты или засады). Дорогу находили по зарубкам на стволах деревьев, по особам знакам, оставленным заранее. Но местность при этом надо было знать наизусть, как стихи Пушкина в школе.

На позиции мы обычно проводили несколько часов, наблюдая в бинокли за передним краем фрицев. Изменения, происходившие там: появление отдельных солдат и офицеров, шанцевые работы по укреплению или созданию новых пулеметных гнезд, проезд техники, смена караулов, прибытие походной кухни, приход ординарца к штабной землянке, прокладка телефонного кабеля

между разными участками, работа саперов на новом минном поле и другие тому подобные вещи, – все это мы записывали, наносили на карту и затем докладывали командиру нашего батальона лейтенанту Дромину.

Надо сказать, что в начале декабря 1941 года немцы вели себя на передовой довольно беззаботно. Они ходили по своим позициям во весь рост. Вероятно, думали, что снайперов русские не имеют и, стало быть, нейтральная полоса шириной в 150–200 метров является непреодолимым препятствием для метких пуль. Это мы прекратили почти сразу, уничтожив в течение двух дней двенадцать человек: 10 солдат и 2 офицера. Ответом нам был сумасшедший минометный обстрел. Палили фашисты час-два, из легких минометов «5sm leGrWr.36», которые у них имелись в каждом взводе пехоты. Из одной «лисьей норы» мы тотчас перебирались в другую, оборудованную в глубине леса, и оттуда наблюдали, как мины весом в 910 грамм рвутся у нашего прежнего убежища среди деревьев, вспыхивая маленькими оранжевыми шарами и разбрасывая вокруг десятки мелких осколков. Я называла таковое действие противника «концертом немецкой классической музыки».

Но бывало, что во вражеский тыл я отправлялась одна. Сделать это можно было лишь на одном и очень небольшом участке нейтральной полосы, где лес превращался в непроходимую чащу. Старый егерь показал мне там едва заметную тропку, закрытую высокими кустами шиповника и грабинника. Через подлесок приходилось пробираться то ползком, то согнувшись в три погибели, то срезая ножом клонящиеся к земле ветви. Зато тропа выводила к грунтовой дороге, пролегавшей примерно в полукилометре от передовой линии немцев. Как потом выяснилось, эту дорогу очень любили солдаты 132-й пехотной дивизии вермахта. Она связывала (судя по документам, впоследствии изъятым у погибших) командные пункты двух ее полков: 436-го и 438-го.

Позицию для стрельбы я выбрала за поворотом дороги, обочины которой заросли шиповником. Под кустарниками сделала неглубокий окоп, бруствер выложила из камней, укрыла его дерном. Земля здесь была рыхлая, потому работа спорилась и много времени не заняла. Кроме того, я применила прием, известный еще со времени обучения в Снайперской школе Осоавиахима: закопала флягу, до половины наполненную водой, и в ее горловину вставила одним концом резиновую трубку, другой же конец прикладывала к уху. Ведь через грунт хорошо передаются звуки шагов, передвижения техники, шанцевых работ.

Чтобы распознать такие звуки, точнее – тени звуков,

сверхметкому стрелку следует, образно говоря, «обратиться в слух», то есть забыть про все окружающее и сконцентрировать свое внимание до высочайшей степени, что требует большой затраты энергии. Не меньшей отреченности от собственного бытия требует и заповедный лес. Надо раствориться в его пространстве, стать безмолвным, неподвижным, словно бы древовидным существом. Это Вартанов мог ощущать его кожей, дышать в одном с ним ритме, отлично понимать все его знаки и явления. Мне, коренной горожанке, достигнуть подобного состояния было нелегко. Требовалось бешеное усилие воли…

Шум мотоциклетного мотора я услышала через трубку задолго до появления на дороге самого мотоциклиста, достала из внутреннего кармана ватника патрон с «тяжелой» пулей и заложила его в канал ствола. Солдат в черной кожаной куртке остановился у куста шиповника, чтобы полакомиться его темно-красными плодами. Шиповник вообще-то лучше собирать глубокой осенью, высушивать и употреблять в виде чая. Возможно, фриц о том не знал. Он увлекся, собирая подмороженные ягоды в ладонь и пытаясь раскусить их.

Выстрел в тишине раннего и холодного зимнего утра прозвучал громко, однако дорога в тот момент была пуста, и мне ничего не угрожало. Я быстро вытащила из куртки его документы, сняла с плеча убитого пухлую от бумаг полевую сумку, висевшую на длинном ремне. Также мне достался пистолет-пулемет «РМ-40» и два запасных рожка к нему. Никаких других вещей, кроме пачки сигарет и зажигалки, при мотоциклисте не обнаружилось. Его машина – одноцилиндровый легкий «DKWRT125» – стояла на обочине. Технику врага нужно обязательно выводить из строя. Пришлось выстрелить в мотор. В бак стрелять не решилась, поскольку огонь привлек бы внимание противника к дороге, а мне еще как-то выбираться отсюда.

Попадание в цель – лишь половина дела для снайпера-одиночки. Вторая половина, не менее важная, – благополучно вернуться на позиции своей воинской части. В августе 1941-го я писала сестре о том, что собираюсь довести свой счет до тысячи гитлеровцев. Но для уничтожения тысячного фашиста-головореза надо 999 раз остаться в живых после меткого выстрела по противнику, который желает во что бы то ни стало расправиться с тобой.

Конечно, хотелось бы неотступно следовать установленному мной правилу: ни одного дня без убитых врагов. Но, увы, не всегда это получалось.

Во-первых, фрицы сделались много осторожнее. Они стали, как и мы, закапываться глубоко в землю. Во-вторых, противник

усилил наблюдение за нейтральной полосой. По ночам фашисты часто пускали осветительные ракеты, днем вели беспокоящий пулеметный и минометный огонь. Немецкие разведывательные группы принялись действовать на этой же территории, и если обнаруживали наши засады, то разрушали их или минировали. На противопехотной мине, скрытно установленной у поваленного дуба, подорвалась 11 декабря наша снайперская пара. Так погибли Леонид Буров и другой боец моего взвода, тоже поступивший в 54-й полк из морской пехоты.

Впрочем, первая половина декабря 1941 года на передовых рубежах Севастопольского оборонительного района прошла относительно спокойно.

При хорошей погоде налеты совершала авиация, как наша, так и немецкая. Корабли Черноморского флота: крейсеры «Красный Крым» и «Красный Кавказ», лидер эсминцев «Харьков», эсминцы «Железняков», «Способный» и «Незаможник» – из дальнобойных орудий регулярно вели огонь по вражеским тылам. Мы радовались, когда над нашей головой с шелестом пролетали их снаряды калибра 180 мм и 102 мм. Бывало, советские части силой до одной-двух рот проводили разведку боем на некоторых участках фронта. Точно так же поступали и фрицы. Например, 8 декабря сильная канонада послышалась гораздо западнее позиций нашего батальона, за Камышловским железнодорожным мостом, не так давно взорванным. Это бойцы 8-й бригады морской пехоты при мощной поддержке артиллерии сначала выбили противника с занимаемых им позиций, но на следующий день, когда фрицы ввели в дело свою штурмовую авиацию и танки, отступили.

Глава 9
Второй штурм

На 16 декабря у нас намечалось торжественное мероприятие.

Комдив генерал-майор Коломиец на командном пункте 54-го полка, расположенном в Камышловском овраге у деревни Камышлы, собирался вручать правительственные награды десяти отличившимся при обороне Одессы моим однополчанам. Я в тот день вернулась со снайперской вахты в лесу довольно поздно и сразу легла спать. Но лейтенант Дромин приказал мне отправиться туда, чтобы от всего личного состава второй роты поздравить награжденных. Кроме меня, там присутствовали представители и других наших подразделений, наверное, человек сорок.

Первым выступил Т.К. Коломиец. Он говорил о том, что подвиги командиров и бойцов Красной армии наша великая Родина всегда отмечает, и призвал сражаться у стен Севастополя так же храбро, как под Одессой. Вторым выступал командир полка майор Матусевич. Он заверил генерала, что «разинцы» оправдают честь, им сейчас оказанную. Третьим, как положено, взял слово военком нашего полка батальонный комиссар Мальцев. Он говорил о коммунистах и комсомольцах, показывающих пример мужества и стойкости в бою.

Затем перешли к вручению наград. Таким образом, я воочию наблюдала торжество доблестного сержанта пулеметной роты Нины Ониловой, получившей орден Красного Знамени, а когда подошла моя очередь, произнесла, обращаясь к ней, приличествующую данному случаю речь, правда, очень короткую.

День выдался ясным, солнечным, с небольшим морозом. Зимний вечер догорал быстро. Вернувшись на позиции второй роты, я села на поваленное дерево и закурила трубку[20]. Ее подарил мне Анастас Вартанов после удачного нашего набега на хутор Мекензия. Она была единственной ценной вещью, оставшейся у него после разорения дома немцами. Старинная турецкая трубка, сделанная из корня грушевого дерева и с янтарным мундштуком, действительно смотрелась необычно. Выходило, что это – тоже награда, но от простого человека.

Я легко научилась пользоваться ею: правильно набивать, не спеша раскуривать и поддерживать медленное тление сухих крошек табака в деревянной, до блеска отполированной чашке из темно-коричневого дерева. Чашка приятно согревала руку. Мундштук как будто смягчал крепость дыма и продлевал

удовольствие для курильщика, что невольно располагало к размышлениям.

Раз уж сегодня товарищи командиры вспоминали сражения за Одессу, то и мои мысли вернулись к тем недавним событиям. Первые уроки в трудной и опасной школе войны прошли мы все с большой пользой для себя, повзрослели, поумнели, закалили характер, привыкли спокойно смотреть смерти в глаза и умело обманывать ее. Без таких навыков нет настоящего солдата.

Нам ли с Ниной Ониловой меряться числом уничтоженных врагов? В штабе 25-й стрелковой дивизии ей насчитали 500 фашистов, отправленных на тот свет. У меня к середине декабря 1941 года было чуть больше двухсот. Но самое главное – они перестали воевать, топтать нашу землю, убивать наших соотечественников. Может быть, их внезапная гибель вразумила других захватчиков, пришедших сюда в надежде на легкую и быструю добычу…

– Впервые вижу девушку с трубкой, – раздался за моей спиной приятный баритон.

Я оглянулась. К поваленному дереву подходил младший лейтенант. Где-то я его уже видела. Не в 54-м полку, но, вполне вероятно, в 287-м или в 31-м, тоже состоявших в нашей дивизии и воевавших в Одессе. Это был рослый, стройный, широкоплечий человек с голубыми глазами и темно-русыми волосами, лет тридцати пяти от роду. Он сел на поваленное дерево рядом со мной, достал из кармана шинели портсигар и открыл его. Там лежали папиросы «Казбек» из офицерского пайка. Младший лейтенант предложил их мне. Поколебавшись, я взяла одну. Он тоже взял папиросу, затем щелкнул зажигалкой. Мы закурили.

– Чем заправляете трубку? – спросил офицер.

– Махоркой, – ответила я.

– А не крепко?

– Крепко. Но я привыкла.

– Забавно, – продолжал он. – Красивые девушки обыкновенно не курят трубок.

– Значит, я – некрасивая и необыкновенная.

– Про то, что вы – необыкновенная, знает весь пятьдесят четвертый полк, Людмила Михайловна, – уважительно произнес он, поглядывая на меня. – Но вопрос о женской красоте достаточно сложен. Каким быть нашему идеалу, диктует время, мода, обычай. Например, я считаю, что вы – красивая…

При этом нашем первом разговоре он вел себя сдержанно, вежливо, деликатно. Сразу представился: Киценко Алексей Аркадьевич из города Донецка, призван в армию в июне 1941 года, воевал в рядах 287-го полка, имея средне-техническое

образование (техник-электрик), был сержантом, затем старшим сержантом, а офицером стал недавно, 30 ноября сего года, окончив ускоренные курсы среднего командного состава при штабе Приморской армии. Причина его знакомства со мной была очень проста. Киценко назначили командиром нашей второй роты, и теперь он обходил ее боевые порядки, дабы познакомиться с личным составом и изучить оборонительные сооружения, которые предстояло защищать.

Говорил Алексей Аркадьевич складно, грамматически правильно и даже остроумно. Свое повествование он закончил смешным рассказом о выпускных экзаменах на офицерских курсах. Его приятель при сборке пистолета «ТТ» так разволновался, что потерял какую-то деталь. Пистолет он собрал, но тот более не разбирался и не стрелял. После длительных консультаций комиссия вынесла вердикт, что экзамен сдан: знание личного оружия налицо, а дальнейшее – уже не в ее компетенции.

Короче говоря, он произвел хорошее впечатление. Я надеялась, что оно не исчезнет при дальнейшей совместной службе. К тому могу добавить, что мужчины этого типа: рослые, статные, голубоглазые блондины – у меня обычно вызывали симпатию. Про себя я их называла «викингами», смелыми воинами далеких северных морей…

Откуда было нам знать, что этим тихим вечером оккупанты завершают подготовку ко второму штурму Севастополя, подвозя последние из 645 орудий полевой и 252 орудий противотанковой артиллерии. Кроме того, они уже расставили за нейтральной полосой 378 минометов разных калибров, и теперь на один километр фронта у них приходится 27 боевых стволов, а у нас – только 9. На штурмовку советских позиций собираются более двухсот бомбардировщиков и истребителей, а у нас есть всего девяносто самолетов.

За гребнями Мекензиевых гор, поросших кудрявыми лесами, строились в боевые порядки три германские пехотные дивизии: 22, 24 и 132-я. Они готовились ударить в стык между третьим и четвертым секторами севастопольской обороны, то есть на узком участке «хутор Мекензия – гора Азиз-Оба», чтобы прорваться к Северной стороне самой большой бухты Главной военно-морской базы Черноморского флота. Если фашисты выйдут на ее берега, то городу, полностью окруженному с суши, уже не устоять. Подвоз морем – а этот путь теперь оставался единственным – маршевого пополнения, боеприпасов, оружия, продовольствия тогда прекратится.

Ураганный артиллерийский и минометный огонь по

позициям защитников города фрицы открыли в 6 часов утра 10 минут 17 декабря 1941 года. Земля задрожала. Грохот, вой, свист снарядов и мин оглушали и казались нестерпимыми. Мы, спрятавшись в наших глубоких земляных убежищах, ожидали конца этой какофонии. Боезапас у противника, даже такого расчетливого, как немцы, безграничным быть не может. Артналет действительно продолжался около двадцати минут. Затем вражеская пехота перешла в наступление по всему фронту. В небе появились двухмоторные «юнкерсы» и «хейнкели». Они бомбили не только город, но и передовой рубеж советских войск.

Об этом мне довелось написать уже после войны:

«…Главный удар враг рассчитывал нанести теперь в другом направлении, из района Дуванкой через долину реки Бельбек, деревню Камышлы на северо-восточную оконечность Северной бухты. Захватчики намеревались рассечь фронт обороны, окружить части четвертого сектора и выйти к Севастополю. В район горы Азиз-Оба, севернее Мекензиевых гор, гитлеровцы стягивали основные силы своей Одиннадцатой армии. Кроме того, для обеспечения успешных боевых действий там накапливались вспомогательные резервы… Противник предполагал закончить эту операцию через четыре дня, к 21 декабря.

Используя природные условия местности, на отдельных участках фронта фашистским автоматчикам удалось проникнуть в тыл нашей обороны. Они рассчитывали на окружение советских подразделений. Маневр гитлеровцев не удался. Наши истребительные группы, состоявшие в основном из коммунистов и комсомольцев, локализовали действия противника. Вражеские автоматчики были окружены и уничтожены.

Первый день второго штурма не принес гитлеровцам успеха. В воздушных боях и от огня зенитной артиллерии они потеряли девять самолетов. Были большие потери танков и живой силы. Противник наталкивался на всё возрастающее сопротивление стрелковых частей и подразделений морской пехоты, которые навязывали ему тяжелый, затяжной бой.

Среди частей Приморской армии славно воевали бойцы артиллерийского полка, возглавляемого подполковником Богдановым. Прежде они героически сражались за Одессу.

Артиллеристы-богдановцы всегда стояли вблизи от переднего края, а бывали случаи, когда им приходилось отбиваться и от атакующей пехоты врага. В тяжелые минуты больших наступлений Богданов сам выходил на нейтральную зону и корректировал огонь своего полка. Бесстрашие и мужество были главными правилами артиллеристов.

Бои шли не только на суше, но и на море

Отважно сражались в эти дни моряки крейсера «Красный Крым», которым командовал капитан второго ранга Зубков. Его экипаж – артиллеристы, машинисты, электрики, торпедисты – самоотверженно отражали яростные налеты фашистских бомбардировщиков. Плавучая крепость прикрывала советские суда, которые шли в Севастопольскую бухту, вела губительный огонь по вражеской пехоте и технике. Комендоры корабля не знали устали. Они наносили смертельные удары, ошеломляли противника внезапностью нападения.

Однажды в самый разгар боя вражеский снаряд разорвался у орудия старшины 2-й статьи Михайленко. Командир орудия и часть номеров расчета были ранены. Но выстрелы не смолкали. Старшину заменил матрос. Несмотря на потери, корабельная артиллерия действовала безотказно.

Многих героев севастопольской обороны знали в городе по именам. Популярным было имя командира тральщика Дмитрия Андреевича Глухова. Катер его первым вышел тралить акустические мины. Вылавливать их было очень опасно. Эти мины потому и назывались акустическими, что взрывались от незначительных звуковых колебаний… Не страшась опасности, тральщик Глухова обезвреживал эти мины. Экипажу смельчаков потребовалось всего несколько часов, чтобы полностью расчистить пути подхода кораблей в бухту.

Вспоминается и другой подвиг этой команды. Караван тяжело груженных советских транспортов шел в Севастополь. Охрану его несло звено катеров под командованием Глухова. Фашистские воздушные разведчики обнаружили корабли и нацелили на них свою бомбардировочную авиацию. Со свистом летели вниз бомбы, вздымая огромные столбы воды. Много раз они пробовали атаковать транспорты, но огонь наших катеров отгонял самолеты. Советские транспорты невредимыми дошли до места назначения.

Славных защитников Севастополя вдохновляли первые победы Советской армии под Москвой.

Стремясь уменьшить значение наших побед и восстановить как-то миф о «непобедимости» своей армии, гитлеровское командование поставило перед своими войсками, стоявшими под Севастополем, задачу: взять город, не считаясь ни с какими потерями.

21 декабря – срок, назначенный фашистами для вступления в город. Взятие Севастополя они хотели приурочить к полугодовщине войны с Советским Союзом. Враг наступал. Для Севастополя создалось чрезвычайно трудное положение. Решалась судьба его дальнейшей обороны. В Ставку Верховного

главнокомандования 20 декабря было послано донесение о серьезной обстановке. В ответе Ставки, последовавшем четыре часа спустя, сообщалось, что командующему Черноморским флотом приказано послать в Севастополь часть морской пехоты, маршевое пополнение и снаряды…»[21]

Из воинских соединений 25-й Чапаевской дивизии утром 17 декабря, в первый день штурма, особенно трудно пришлось бойцам и командирам 287-го стрелкового полка, которые занимали позиции у горы Яйла-Баш и у южной оконечности Камышловского оврага. На них наступала немецкая пехота в количестве нескольких батальонов и при поддержке десяти танков. Вскоре рукопашный бой шел уже в траншеях 5-й роты второго батальона этого полка. В нем отличился младший политрук Голубничий. Он заколол штыком шесть фашистов, был ранен, но остался в строю.

Однако к середине дня бойцам 287-го полка пришлось отступить к деревне Камышлы, в пятом часу вечера они уже находились на 800 метров восточнее деревни, а 9-я рота так и вовсе попала в окружение и героически отбивалась от атак гитлеровских автоматчиков. К концу дня полк отошел еще дальше – к северо-восточным скатам Камышловского оврага.

Немалый по силе удар выдержали и солдаты 2-го Перекопского полка морской пехоты, входившего в нашу дивизию. Бросаясь в штыковые атаки, они сдерживали наступление фрицев, но вынуждены были постепенно отходить и закрепились только на позициях у западных скатов высоты 264,1. Оторваться от противника им помогли артиллеристы 69-го полка. Они стреляли из орудий калибра 76 мм прямой наводкой и уничтожили десять вражеских танков.

Эти яростные схватки происходили примерно на километр левее от расположения 54-го полка. «Разинцы» тоже вели перестрелку с гитлеровцами, но такого отчаянного вражеского напора не испытывали. Правда, несколько раз пехотные цепи немцев выходили на нейтральную полосу, расчищенную от кустарников и деревьев. Однако встреченные плотным пулеметным, автоматным и ружейным огнем, поддержанным минометами, залегали и затем откатывались назад.

Два дня гремела канонада на Мекензиевых горах. Опрокинуть наш фронт, добиться определяющего перевеса над защитниками Севастополя фашистам не удавалось. Русские бросались в контратаки и отбивали обратно занятые германцами свои огневые рубежи.

На участке первого батальона утром 19 декабря стояла тишина. Но вдруг враг начал интенсивный обстрел из пушек и

минометов большого калибра. Дело привычное, и мы спрятались в наши землянки «в три наката». Затем боевое охранение сообщило о появлении немецкой техники. На поляну, лязгая гусеницами, выползала самоходка «StuG III» с короткой, точно обрубленной пушкой, и бронетранспортер «Sd.Kfz.250/1», который непрерывно вел огонь из пулемета, установленного за броневым щитком на крыше кабины. Сразу за боевыми машинами двигалось около двух батальонов стрелков и автоматчиков. Самоходку взяла на прицел наша противотанковая батарея. Разделаться же с колесно-гусеничным бронетранспортером предстояло пехоте.

По плану комбата Дромина при общем наступлении немцев на позиции первого батальона бойцам снайперского взвода следовало находиться рядом с пулеметчиками и вместе с ними отбивать атаки противника, работая по офицерам и унтер-офицерам. Мне разрешалось занять заранее подготовленный скрытый окоп на нейтральной полосе, чтобы из засады вести огонь по флангу наступающих, подавить пулеметные гнезда и расчеты минометов.

В данный момент пулеметное гнездо само приближалось ко мне со скоростью примерно 25 км в час. Приземистая и не очень большая по размеру, весом почти в шесть тонн броневая машина «Sd.Kfz.250/1» бежевого цвета, раскрашенная коричневыми и зелеными пятнами, поворачивалась левым боком, непрерывно осыпая пулями пространство перед окопами первого батальона. На боку у нее отчетливо виднелся черно-белый крест и бортовой номер «323», что означало: 3-й бронетранспортер 2-го взвода 3-й роты. Расстояние сокращалось. Автомобиль подъезжал к давно пристрелянному ориентиру – низко обломанному стволу молодого вяза. Я заглянула в окуляр оптического прицела «ПЕ» на моей «трехлинейке».

Предстояло в течение минуты решить задачку по баллистике.

Во-первых, бронетранспортер имел довольно высокие борта, и следовательно, головы пулеметчиков, так бесстрашно работавших у «MG-34», находились над землей на расстоянии более двух метров. Мой окоп, сильно углубленный в землю, имел бруствер высотой сантиметров 20, и «снайперка» лежала на нем. Между линией прицеливания и горизонтом оружия образовался угол в тридцать пять градусов, называемый «углом места цели», и сейчас он был положительным. Стало быть, прицел надо устанавливать с понижением.

Во-вторых, бронетранспортер передвигался. Это означало, что необходимо «упреждение», то есть ствол оружия надо перемещать по направлению движения цели и впереди нее, соответственно ее

скорости. Сосчитать «упреждение» на дистанции 200 метров легко. Пуля из «трехлинейки» долетит до нее за 0,25 секунды. За это время немецкий броневик пройдет четыре метра. Применив в расчетах понятие «одной тысячной», я повернула боковой барабанчик на металлической трубке прицела на несколько делений, затем мягко нажала указательным пальцем на спусковой крючок. Винтовка привычно толкнула прикладом в плечо, из дула блеснула мгновенная вспышка.

На том стрельба из пулемета на крыше «Sd.Kfz.250/1» закончилась.

Солдаты повалились на дно бронетранспортера. Каски их не спасли. Русские пули прилетели снизу и поразили их в глазницы. Очень глупо поступил унтер-офицер – командир экипажа броневика. Удивленный, он поднялся из кабины в кузов, чтобы посмотреть, отчего замолчал пулемет. Ведь стрельбу противник вел только с фронта, а спереди машину защищали броневые листы толщиной около полутора сантиметров. Подумать о снайпере он не успел: моя пуля пробила ему висок.

Но те, кто внимательно наблюдал за этой атакой с командного пункта немецкого разведывательного батальона, конечно, догадались.

Буквально через минуту на рощицу, где я находилась, обрушились залпы немецких минометов «Gr.W» калибра 81 мм. Запасное, более глубокое и хорошо оборудованное укрытие у меня тут было. Трижды перекатившись через левый бок, я почти добралась до него. Однако не мина, а тяжелый снаряд вдруг разорвал воздух, поднял вверх комья земли, ветки, обломки деревьев, опавшую листву. Словно горячая лапа огромного зверя толкнула меня в правое плечо, острая боль пронзила правую лопатку – и дальше наступила темнота.

Очнулась я от холода.

Шинель и маскхалат на правом плече и спине превратились в лохмотья. Каска с разорванным ремешком валялась рядом. Деревянное ложе винтовки сломалось, ствол ее изогнулся, оптический прицел вообще отсутствовал. Самое плохое заключалось в том, что крона акации, расщепленной снарядом, упала и прижала меня к земле, не давая возможности подняться. Боль сконцентрировалась между позвоночником и правой лопаткой. Но достать до раны, перевязать ее самостоятельно я не могла. Только чувствовала, что кровь уходит. От нее на спине мокла нательная рубаха и гимнастерка.

Приближались сумерки. В лесу было очень тихо. Где-то перекатывалось эхо дальней канонады. Но здесь бой, вероятно, закончился. Чем он закончился? Где теперь мои однополчане?

Куда удалось дойти фрицам? Будут ли меня искать?..

В мозгу, отуманенном болью, большой потерей крови и все усиливающимся холодом, слова распадались на слоги, утрачивали смысл, исчезали. На смену им приходили видения. Сначала неясные и смутные. Потом – другие, имевшие очертания, фигуры, лица. Но я готовилась к смерти и думала, что сейчас должна увидеть тех, кого потеряла за несколько месяцев войны. Однако ко мне обращалась мама Елена Трофимовна, ласково называемая в нашей семье Ленусей, мой добрый друг и советчик, ныне обитающая в далекой Удмуртии. Появилось и суровое лицо отца. «Беловы так просто не уходят!» – его фраза не прозвучала, а как будто отпечаталась в мозгу. Вот и сын Ростислав, мой дорогой и любимый Моржик, очень выросший за те полгода, что мы не виделись, не ребенком он стал, но угловатым подростком. Он протянул мне руку: «Мамуля!» Рука была теплой. Я ощутила ее прикосновение и с трудом открыла глаза.

Голые ветви деревьев, искалеченные артиллерийским обстрелом, чернели на фоне серого зимнего неба. Последний луч заходящего солнца все-таки пробился через их печальную путаницу и упал на сияющие доспехи викинга. Яркие блики вспыхнули на его шлеме с поднятым забралом.

Но это было последнее явление затуманенного сознания. На самом деле ко мне склонялся младший лейтенант Алексей Киценко, одетый в шинель, в каске, немного сдвинутой на затылок, с автоматом, закинутым за плечо. Он что-то говорил, и я услышала его слова:

– Люся, не умирай!.. Люся, я прошу тебя! Люся, ну пожалуйста!..

Как командир второй роты сумел найти меня в этом лесу, просто не представляю. Вслед за ним появились солдаты. Они разобрали обломки акации. Алексей поднял меня на руки и вынес из рощи к окопам. Там наш санинструктор Елена Палий, разрезав мою шинель и гимнастерку, туго перебинтовала рану, чем и остановила кровотечение. Киценко попросил у комполка его легковую машину. На ней за двадцать минут меня довезли от склона Камышловского оврага до Инкермана, где в штольнях располагался дивизионный медсанбат № 47, а также – походно-полевые госпитали № 316, 76, 356.

За три дня второго штурма туда попали примерно три тысячи раненых бойцов и командиров Приморской армии. Но этот огромный подземный медико-санитарный центр и был рассчитан на помощь такому количеству людей. Там находилось два отлично оборудованных операционных зала, перевязочные комнаты, изоляторы, разные медицинские кабинеты

(физеотерапевтический, зубоврачебный и т. п.), палаты для излечения больных.

Раненых в приемном покое сортировали быстро, и я попала в операционную, где одновременно производили операции на четырех столах для раненых в живот и грудь. Мне повезло. Извлекал осколок из спины и накладывал три шва на мою рану хирург нашего дивизионного медсанбата Владимир Федорович Пишел-Гаек, превосходный врач и замечательный человек. Так как потеря крови была большой и общее состояние достаточно тяжелым, то он намеревался отправить меня на Большую землю. Поздним вечером 19 декабря от Каменной пристани в Южной бухте отходил транспорт «Чехов», на него уже погрузили более четырехсот тяжелораненых солдат и офицеров, прооперированных в штольнях.

Случись такое, мы с Алексеем Киценко больше никогда бы не увиделись. Вполне возможно, что и моя военная карьера тогда сложилась бы по-другому. Но командир второй роты дождался конца операции, проводил меня в палату и затем поговорил с хирургом. Он упросил его не отправлять старшего сержанта Павличенко из Севастополя, обещая, что кровь для меня – и даже не для меня – охотно сдадут красноармейцы не только второй роты, но и всего первого батальона 54-го стрелкового полка. Для начала младший лейтенант предложил хирургу сейчас взять эту самую кровь у него.

Предложение насчет красноармейцев из роты и батальона было маловероятным. Никто не отпустил бы бойцов с переднего края в тыл, пока фашисты ведут свое наступление. Однако, по-видимому, Алексей Киценко обладал даром убеждения, и Пишел-Гаек ему поверил. Какие особые слова нашел Алексей для разговора с доктором, мне неизвестно. Может быть, их подсказывала ему любовь. Врач понял это и изменил свое решение. Я осталась в госпитале на две с половиной недели, в течение которых младший лейтенант несколько раз навестил меня.

Наши короткие встречи проходили очень сердечно.

Командир роты являлся ко мне с разными подарками: то с плиткой трофейного бельгийского шоколада, найденной в сумке убитого немецкого офицера, то с маленьким флаконом духов «Красная Москва» (в осажденном Севастополе еще работали некоторые магазины), то с полудюжиной батистовых носовых платков, обшитых кружевами (презент от прекрасных севастопольских женщин). Он подробно и увлекательно рассказывал о фронтовой жизни родного нашего 54-го имени Степана Разина стрелкового полка.

Например, 20 декабря большая группа вражеских автоматчиков под прикрытием танков пробилась в советский тыл на стыке 54-го полка, 3-го и 2-го Перекопского полков морской пехоты, но ее уничтожили с помощью вовремя подоспевших сюда морпехов из 7-й бригады. Немцы не успокоились, и в ночь на 22 декабря батальон фрицев опять прорвался на стыке у «разинцев» и морпехов из 3-го полка. Прорыв закрыли с помощью дивизионного резерва, присланного генерал-майором Коломийцем. Это была рота моряков в бескозырках (хотя стоял мороз) из Перекопского полка. Кроме того, они привезли с собой… матрасы. Но оставили их на позициях и пошли в атаку. Немцы открыли бешеный огонь, а моряки все равно продвигались вперед и немцев в конце концов разбили. На поле осталось 300 убитых гитлеровцев, а также их оружие: 11 станковых пулеметов, 7 ручных пулеметов, 2 миномета и 300 винтовок. «Разинцы» тоже участвовали в этом славном деле, бросались в штыковые атаки. На подмогу им командующий Приморской армией прислал еще и три танкетки. Правда, они никакой пользы не принесли: застряли в лесу среди поваленных деревьев, их пришлось потом вытаскивать на буксире.

Зато блестяще проявили себя 22 декабря солдаты и офицеры из дивизиона корпусного 265-го артполка. Они, оставшись без пехотного прикрытия, повели огонь из пушек и гаубиц прямой наводкой с дистанции 300–400 метров по массе гитлеровцев, рвущихся напролом, и задержали врага.

Фашисты 24 декабря возобновили наступление на позиции 54-го полка, положение стало очень трудным, однако наши выстояли. В то же время из штаба армии пришел приказ: собирать оружие, оставшееся на поле боя, как свое, так и вражеское. Вечером 29 декабря два батальона немцев внезапно атаковали наши позиции северо-восточнее хутора Мекензия. Эта атака тоже была отбита с помощью полковой артиллерии.

Планы командующего 11-й армией вермахта генерал-полковника Эриха фон Манштейна, который хотел встретить новый, 1942 год, в Севастополе, не осуществились. Жаль, что мне не удалось внести свою посильную лепту в деяния защитников города и навек уложить на крымскую землю десяток-другой поборников «европейской цивилизации».

Я не могла рассказать Алексею Куценко ничего интересного. О моих метких выстрелах по бронетранспортеру, артналете, последовавшем за ними, он знал и так, иначе бы не искал меня в лесу. Странные видения тяжелораненого снайпера едва ли имели для него какую-нибудь ценность. Никогда я бы не призналась ему в своих фантазиях, до сих пор удивляющих меня совпадением с

реальностью. В ушах звучали его слова: «Люся, не умирай!» – и на мои глаза невольно наворачивались слезы, хотя я – человек далеко не сентиментальный.

Все остальное произошло как-то само собой.

После выписки из госпиталя Алексей привез меня на позиции нашего первого батальона прямо в свою командирскую землянку. Он украсил ее: на стол, сбитый из свежеоструганных досок и накрытый холстяной скатертью, поставил гильзу от 45-мм снаряда с зимним букетом из зеленых побегов можжевельника и ветки клена с чудом сохранившимися на ней желто-красными листьями. В подвальном помещении, освещенном тусклым светом аккумуляторной лампочки, они пылали, как два фонаря. Была и обеденная сервировка: оловянные тарелки с тонко нарезанным черным хлебом и колбасой, открытая банка тушенки, вареная картошка в котелке, фляга с водкой.

– Сегодня – особый день, Люся, – весьма торжественно сказал он, наклонился к вазе, сорвал один лист, похожий на человеческую ладонь, и протянул мне. – Маленький сувенир для тебя, единственная моя. Ныне делаю тебе предложение руки и сердца.

Я ответила согласием. Не скрою, события разворачивались слишком быстро, но на войне особенно долго думать не приходится. Сегодня мы живы, а завтра… О том, что может произойти завтра, не знает никто. Была у меня единственная просьба, и Киценко она поначалу удивила. Я сказала, что моего первого мужа тоже звали Алексеем. Я не желаю вспоминать об этом человеке, и младшего лейтенанта буду называть по-другому: «Леня». Он рассмеялся, обнял меня и разрешил: «Называй, как хочешь, родная!»

Мы с ним действительно подали рапорт командованию с просьбой оформить наши отношения установленным образом. Рапорт подписали и комбат лейтенант Дромин, и комполка майор Матусевич. Эту бумагу, заверенную полковой печатью, приняли к исполнению в штабе 25-й Чапаевской дивизии. Однополчане намекали нам на свадебные торжества, но скорее в шутку, чем всерьез. Второй штурм севастопольцы отбили, однако понесли большие потери – 23 тысячи убитых, раненых, пропавших без вести. В некоторых ротах нашего полка осталось по 60–70 бойцов. Туго пришлось, например, сражавшейся не так далеко от нас в четвертом секторе обороны у горы Азиз-Оба и деревни Аранчи 8-й бригаде морской пехоты. При начале второго штурма в ней состояло примерно три с половиной тысячи человек, а к 31 декабря насчитывалось чуть более пятисот. Не свадебный веселый пир тут больше соответствовал ситуации, но – печальная тризна…

Супруг мой Алексей Аркадьевич Киценко был старше на одиннадцать лет. Семейная жизнь у него, как и у меня, поначалу складывалась не особенно удачно. По настоянию своей властной матери он женился рано и на женщине, которую она для него выбрала. Затем последовал скандальный развод, сопровождавшийся разными неприятными деталями. Тем не менее к тридцати шести годам его характер, добрый и мягкий от природы, устоялся, и уже ничего не могло сбить младшего лейтенанта с избранного им пути. Как командир, он пользовался непререкаемым авторитетом у подчиненных. Как муж, он всегда заботился обо мне и оберегал от всяческих напастей, насколько это возможно на передовой линии фронта. С ним я впервые почувствовала, что такое любовь, взаимная и всепоглощающая, и была совершенно счастлива в те дни.

Наверное, блиндаж с земляными стенами и низкой крышей из трех рядов бревен мало походил на уютное семейное гнездышко. Но мы жили в нем припеваючи, с тем комфортом, какой мог себе позволить фронтовой офицер и его жена. Отсюда я уходила в лес на охоту за врагами, сюда же возвращалась, зная, что в любое время суток для меня на печке-буржуйке готов бак с горячей водой, кружка со сладким чаем, свежая нательная рубаха, нары, застеленные байковым одеялом, что ординарец командира второй роты получит на кухне и принесет нам обед или ужин.

Медовый месяц сугубо положительно отразился на стрельбе из снайперской винтовки. Пули летали очень хорошо – и только по заданной им траектории – и как будто сами находили цель. Иногда мне казалось, что заколдованный лес одобрил мое замужество и помогает мне, толкая самоуверенных фрицев то на заснеженную поляну (проверить установку мин), то на дорогу (соединить разорванный телефонный провод), то на самое высокое дерево (корректировать огонь артиллерии). Из выстуженной январским ветром чащи любовь вела меня обратно. Противник часто сопровождал мой переход через нейтральную полосу обычным своим «концертом немецкой классической музыки» в исполнении минометов. Я просила помощи у наших пулеметчиков, окликая их или поднимая над кустарниками малую саперную лопатку. Они начинали перестрелку, и так я выбиралась из леса живой.

К моим личным успехам рядовые снайперского взвода относились правильно: старались брать пример, быстрее осваивать разные приемы маскировки, совершенствовать владение оружием. Значительную часть первоначального обучения бойцов, поступавших к нам из маршевых рот, доставляемых из Новороссийска, теперь брал на себя Федор

Седых. За храбрость и отличие при втором штурме он получил воинское звание «сержант». Помогал ему рядовой Анастас Вартанов, давно изучивший «снайперку» и с выдумкой применявший свои охотничьи навыки против оккупантов. Тех новичков, кто проявлял способности к меткой стрельбе, я для наглядного обучения иногда брала с собой в лес в качестве снайперов-наблюдателей. Ведь тонкое ремесло проще понять, работая рядом с мастером.

Что солдаты говорили обо мне, я знаю.

Во-первых, они считали, будто я – заговоренная, и заговорила меня от смерти какая-то бабка-знахарка на хуторе под Одессой, которую я спасла от румын. Во-вторых, утверждали, будто в лесу меня никто обнаружить не может, поскольку там за мной ходит, ничуть того не боясь, сам хозяин леса – леший. Это он заслоняет меня своим огромным древесным телом от врагов и руками-корягами притягивает к себе пули и осколки, направленные в мою сторону. Третья легенда (по-моему, все их сочинил старый егерь) касалась моих способностей. Я-де у лешего научилась чутко слышать происходящее на километр вокруг, видеть ночью, как днем, передвигаться по лесным тропкам абсолютно бесшумно, прятаться там, где никто бы не смог. Оттого и прозвище у меня в полку такое странное – «РЫСЬ».

Глава 10
Поединок

С первых чисел января 1942 года на фронте наступило относительное затишье.

Артиллерийские перестрелки между советскими и немецко-фашистскими войсками продолжались. Тут работали и дальнобойные орудия калибра 305 мм, например, с береговых бронебашенных батарей № 30 и № 35, и гаубицы калибра 152 мм, и пушки 122 мм артполков 134-го и 265-го, базировавшихся в нашем третьем секторе обороны, и корабельные орудия крейсеров и эсминцев, привозивших в Севастополь пополнения, боезапас, продовольствие, технику. При хорошей погоде активно действовала авиация. Она бомбила вражеские тылы, вела воздушную разведку и корректировку огня береговой артиллерии, прикрывала Главную военно-морскую базу от налетов фашистов и даже… разбрасывала листовки над окопами немецких и румынских полков.

Бывало, сухопутные части производили разведку боем на разных участках фронта для изучения переднего края противника, его огневых средств, опорных пунктов и узлов сопротивления. Такие схватки длительностью и ожесточением не отличались, но представление о том, что и как делается у фрицев, давали.

Однако случались и печальные истории.

В четверг, 8 января 1941 года, начальник штаба Приморской армии генерал-майор Н.И. Крылов выехал на легковом автомобиле в третий сектор, чтобы осмотреть расположение боевых подразделений. Его сопровождал адъютант командующего армией старший лейтенант Кохаров. Они посетили штаб 79-й стрелковой бригады и уже двигались по проселочной дороге к нам, в 25-ю дивизию. Вдруг генерал остановил машину. Ему захотелось взглянуть с небольшого взгорья на живописный отрог Камышловского оврага, в конце декабря бывший местом упорных сражений. Через минуту сзади него разорвалась мина, затем вторая – сбоку, третья – впереди. Кохаров был убит сразу. Крылов получил три ранения осколками мин. Его на том же автомобиле срочно доставили в госпиталь, где он перенес несколько операций. К счастью, генерал-майор остался жив и вернулся в строй.

Дело в том, что Камышловский овраг, по дну которого протекал извилистый ручей, местами заросший камышом,

местами скрытый яблоневыми садами, сейчас являлся нейтральной территорией. Два его склона: более пологий северный и крутой лесистый южный, – образовывали между собой глубокую впадину. Гребень южного склона кое-где поднимался до высоты более трехсот метров над уровнем моря. Этот гребень занимали «чапаевцы»: наш 54-й полк – на два километра севернее хутора Мекензия; на полтора километра севернее от нас – 2-й Перекопский полк морской пехоты; за ним – 287-й стрелковый полк (почти у высоты 198,4). На северном же склоне стояли части 50-й пехотной Бранденбургской дивизии немцев. Они могли с коротких дистанций обстреливать из минометов и пулеметов и дно оврага, и южный склон его, и наши позиции на гребне. Мы, естественно, отвечали им. Так что за возмутительное нападение на начальника штаба Приморской армии фрицы получили от нас немало горячих «подарков».

Красивый горный пейзаж, сильно заинтересовавший генерала, дополнял мост.

Он назывался Камышловским и соединял два высоких склона этого оврага. Его построили в давнее царское время, когда от Москвы до Севастополя протянули железнодорожную дорогу и по ней стали ходить товарные и пассажирские поезда. При обороне города мост оказался не нужен ни русским, ни германцам. Его взорвали. Теперь над серыми бетонными опорами в беспорядке громоздились перекрученные, изломанные, разбитые металлические конструкции. Центральная часть довольно длинного моста обрушилась вниз, уцелело лишь по два-три пролета с той и с другой стороны. Великолепное инженерное сооружение превратилось в руины, свидетельствующие о беспощадной и бессмысленной силе войны.

Иногда я разглядывала его в бинокль.

Ясно, что разрушенный мост представлял собой выгодную с военной точки зрения позицию. Он господствовал над местностью. С одной его стороны – назову ее северной – на расстоянии 600–800 метров отлично просматривались передовые позиции и тылы наших войск. С другой – соответственно, южной – немецкие. Среди его железных обломков, вознесенных над оврагом, вполне можно было бы найти место, подходящее для снайперской засады. Я раздумывала над этим. Привязанность к крымскому лесу мешала мне быстро принять решение. К деревьям я привыкла, а нагромождение искореженного металла следовало еще изучать и осваивать. К тому же мост находился в зоне ответственности 79-й бригады, километра на четыре к северо-западу от нашего полка.

В данном случае интересно то, что профессионалы думают и

оценивают обстоятельства примерно одинаково…

В тот день с утра мы с Федором Седых проводили в нашем взводе занятие по материальной части винтовки «СВТ-40» (три тысячи штук их доставили в Севастополь в конце декабря прошлого года, нам выдали восемь и к ним – столько же прицелов «ПУ» с кронштейнами). Как известно, самозарядная винтовка Токарева имеет довольно сложное устройство. Даже неполная ее разборка требует хороших навыков, тщательности, аккуратности, и я бы даже сказала, осторожности.

Занятие мы построили таким образом, что я рассказывала бойцам о деталях, из которых состоит оружие, сержант Седых медленно показывал, как оно разбирается. Начали, само собой разумеется, с отделения коробчатого магазина на десять патронов. Следующая операция: отделение крышки ствола. Федор отжал хвост защелки вверх и положил винтовку на стол прицелом вверх так, чтобы скоба упиралась в край ствола. Дальше он левой рукой продвинул крышку за заднюю часть вперед до отказа, большой палец правой руки упер в головку направляющего стержня, не касаясь им крышки, и, поднимая передний конец крышки вверх, отделил его от ствольной коробки. Показалась возвратная пружина. Ее нужно было освободить от упора головки стержня в заднюю стенку ствольной коробки и затем тоже отделить. Количество разложенных на столе деталей, крупных, мелких, очень мелких, постепенно увеличивалось. Вместе с тем росло и беспокойство наших солдат. Но они еще не знали, что для полной разборки «СВТ-40» нужно провести 14 операций, и последняя из них – отделение ударника от затвора.

Чувствовалось, что занятие легким не будет.

Мне совсем не хотелось отвлекаться от него, однако ординарец, появившийся в блиндаже, передал приказ майора Матусевича: командиру взвода немедленно прибыть на командный пункт полка. Там, кроме майора, находился еще один офицер – среднего роста и крепкого телосложения, лет 38-ми от роду, одетый в черную морскую униформу с четырьмя золотыми нашивками на рукавах. Матусевич представил меня ему: старший сержант Людмила Михайловна Павличенко, командир взвода второй роты первого батальона, – затем его мне: командир 79-й морской стрелковой бригады полковник Алексей Степанович Потапов. Полковник бросил на меня внимательный взгляд:

– Говорят, будто вы, Людмила, – лучший снайпер Чапаевской дивизии. Я видел вашу фотографию на дивизионной доске Почета.

– Ее туда поместили недавно, товарищ полковник.

– Дело у меня к вам серьезное. На нашем участке обороны,

кажется, появился отличный немецкий стрелок. За два дня – пять убитых, из них два – командиры, в том числе комбат второго батальона. Все попадания – в голову.

– Его засада обнаружена? – спросила я.

– Полагаем, бьет он с разбитого железнодорожного моста.

– С моста?! – не удержалась я от восклицания.

– Значит, вам знакомо это место? – удивился Потапов.

– Не то чтобы знакомо, товарищ полковник. Но я думала о нем.

– И каковы ваши соображения? – Потапов жестом пригласил меня к столу, где лежала карта-«трехверстка», изображающая здешнюю местность и расположение на ней воинских частей третьего сектора обороны. Карандашом полковник указал на Камышловский овраг и тонкую черную линию, пересекающую его наиболее узкую часть на северо-западе.

– Очень выгодная позиция, – сказала я. – Особенно, если найти место на уцелевшем пролете и спрятаться среди разбитых металлических конструкций. Стрелять прицельно можно на дистанции шестьсот-восемьсот метров. Передний край и ближние тылы Пятидесятой пехотной дивизии фрицев – как на ладони. С той стороны, вероятно, так же хорошо видны огневые рубежи вашей бригады. Вот он и стрелял в свое удовольствие.

– Вы можете прекратить эти упражнения?

– Могу, – твердо произнесла я. – Если, конечно, товарищ майор меня отпустит.

– Нет вопросов, – Николай Михайлович Матусевич, слушавший наш разговор, весело улыбнулся. – Для морской пехоты – все, что угодно.

– Кроме того, нужен снайпер-наблюдатель. Лучше всего – сержант Федор Седых, мой постоянный и опытный напарник.

– Все ясно, договорились, – Матусевич кивнул. – Сегодня же будет приказ по полку о командировке старшего сержанта Павличенко и сержанта Седых в распоряжение командира семьдесят девятой бригады…

За ужином мы с мужем, как обычно, обсуждали последние дела на службе. Появление немецкого снайпера Алексей Киценко считал событием закономерным. На недавнем совещании командиров рот и батальонов третьего сектора, где ему довелось побывать, говорили о новых приемах в тактике гитлеровцев. При первом штурме они надеялись взломать оборону города с ходу. Получили отпор в ноябре 1941 года, но надежд на скорую победу не оставили, начали усиливать штурмовые части, готовить их ко второму штурму. Неудача с нападением, предпринятым в декабре, заметно охладила пыл завоевателей, заставила их

серьезно рассмотреть обстановку. «Севастополь оказался первоклассной крепостью», – сообщил в своем рапорте фюреру генерал-полковник Эрих фон Манштейн, командующий германскими войсками на полуострове.

Если есть крепость, то нужна правильная ее осада. Позиционная война – лучшее время для работы сверхметких стрелков, и в январе 1942 года они у фрицев появились в немалом количестве. С их деятельностью советские части уже сталкивались на других участках фронта. Некоторых удалось нейтрализовать. Их солдатские документы свидетельствовали, что в Крым немецкое командование переводило снайперов из дивизий, базирующихся в Польше и Франции. Также попадались новички, закончившие курсы краткосрочного обучения в тылу самой Одиннадцатой армии.

Кто будет моим противником, мы загадывать не стали. Супруг просил меня быть осторожной и внимательной. Он одобрил мой выбор снайпера-наблюдателя. Сержант Федор Седых, по его мнению, лучше других бойцов моего взвода подходил к роли помощника в этом поединке, который не будет ни простым, ни легким, ни скоротечным. Ведь известно место только одной засады немца, да и то – неточно. Сколько у него таких заранее подготовленных позиций, нам пока неведомо.

Утром полковник Потапов прислал за нами машину.

Мы с Федором, нагруженные снайперским снаряжением, с вещмешками за спиной, с винтовками Мосина на плече, в шинелях и шапках-ушанках, устроились на заднем сиденье «эмки» и поехали в расположение 79-й морской стрелковой бригады. После второго штурма гитлеровцам удалось потеснить защитников города, и теперь морпехи занимали рубежи на гребне южного склона Камышловского оврага от высоты 195,2 и дальше, на восточных скатах высоты 145,4, восточнее и севернее высоты 124,0 и ближе к полотну железной дороги, к реке Бельбек и одноименному с ней татарскому селению. Местность здесь имела знакомый нам рельеф: взгорья, холмы, глубокие балки с крутыми склонами, поросшими густым кустарником и кое-где – лесом, долины между ними с виноградниками и садами, с небольшими населенными пунктами. Участок обороны 79-й бригады пролегал здесь, имея примерно четыре километра в длину и два с половиной километра в глубину.

Бойцы и командиры этого воинского соединения появились в Севастополе не так давно. Отряд кораблей Черноморского флота доставил их сюда из Новороссийска 21 декабря прошлого года. Бригады прибыла в количестве четырех тысяч человек, с полным вооружением, и сразу получила направление на самый трудный

участок фронта – на Мекензиевы горы. Прямо после высадки с кораблей морская пехота пошла в бой и уже 22 декабря смелой атакой сбила фашистов с ранее занятых ими высот 192,0 и 104,5, чем в немалой степени способствовала отражению второго немецкого штурма. Однако потери 79-я бригада понесла большие: к 31 декабря в ее рядах осталось менее трети прежнего состава.

Теперь бригада принимала пополнение, восстанавливала разрушенную в ожесточенных боях линию обороны. Мы увидели первую сплошную траншею, проходившую по переднему краю. В боевых порядках трех ее стрелковых батальонов находились минометы калибра 50 мм и 82 мм, станковые и ручные пулеметы. Также имелись окопы, хорошо оборудованные огневые точки, сборные железобетонные долговременные укрепления с амбразурами. Ходы сообщения глубиной до двух метров тянулись на несколько километров.

Командный пункт 79-й морской стрелковой бригады располагался довольно далеко от переднего края обороны, на километр южнее от лесного кордона № 1 «Мекензиевы горы», в небольшом белом домике у шоссе. Мы сначала приехали туда и представились полковнику Потапову и военкому бригады полковому комиссару Слесареву, потом в сопровождении двух офицеров третьего батальона отправились к высоте 124,0. Она находилась ближе всего к Камышловскому мосту.

С первого взгляда мне стало ясно, что устроить снайперскую засаду на южной его оконечности невозможно, поскольку она сильно пострадала от взрыва. Всего один пролет моста тут уцелел, да и то – неполностью. Совсем другая картина была на вражеской стороне, на северном конце моста. Там сохранилось три пролета. Стояли они довольно крепко, хотя и были окружены согнутыми металлическими балками, перекрученными прутьями, вздыбившимися вверх рельсами, обгоревшими и расщепленными шпалами. Спрятаться в этом железно-деревянном хаосе было проще простого. Я не сомневалась, что фриц стрелял именно оттуда. Но придет ли он снова на позицию, где уже дважды вел удачную охоту?

С подробным рапортом я отправилась к Потапову и закончила свой доклад этим вопросом. Полковник выслушал меня внимательно. Он долго раздумывал, потом спросил:

– А вы бы сами пришли на такую позицию?

– Наверное, пришла бы. Уж очень хорошее место. Прямо-таки мечта снайпера.

– Если это – мечта, то как вы сможете победить врага?

– Старым русским способом: хитростью, упрямством и терпением, – ответила я.

В составе 79-й бригады находилась саперная рота численностью до ста человек. Саперы помогли нам с Федором устроить засаду. Они ночью на нейтральной полосе среди зарослей можжевельника и орешника быстро и качественно прорыли по моему чертежу траншею глубиной до 80 см и длиной до десяти метров перед первой линией обороны третьего батальона. Траншея приводила в глубокий и большой окоп. Над ним мы установили раздвижной металлический каркас, забросали его ветками и снегом. Так же замаскировали и траншею, дабы сверху она казалась обычной канавой. Кроме того, мы заготовили «куклу», то есть манекен на палке, наряженный в шинель и каску, с винтовкой, привязанной к его спине для пущей достоверности.

Два дня я изучала взорванный мост в бинокль. Мест, которые идеально подходили для размещения человека с винтовкой, нашлось всего два. С Федором мы по очереди наблюдали за ними, и особенно внимательно – в предрассветные часы. Зловредный немец все не появлялся. Я уже начала опасаться, не прикончили ли его наши где-нибудь в лесу, куда он отправился в поисках новой добычи. Седых отвечал мне в том духе, что фашисты, будучи людьми крайне расчетливыми, отказаться от моста с таким замечательным видом на передовые рубежи и ближайшие тылы 79-й морской стрелковой бригады просто не могут. Стрелок появится. Важно вовремя его заметить.

Я дремала, сидя на корточках и привалившись плечом к стенке окопа. Зимняя форменная одежда: теплое белье, гимнастерка, стеганые ватные безрукавка и штаны, шинель, белый маскхалат – не позволяли замерзнуть, но и согревали не слишком хорошо. Вдруг сержант коснулся пальцем моего плеча и потом показал на мост. Я быстро достала бинокль из футляра, висевшего на груди, и приложила к глазам. Январская ночь понемногу отступала. Мост вырисовывался в предрассветной дымке. Темная фигура человека, перебирающегося через искореженные балки, возникла на фоне светлеющего неба и тотчас пропала.

Мы с Федором обменялись взглядами. Он опустил большой палец вниз. Я кивнула головой, соглашаясь со своим снайпером-наблюдателем: объект прибыл на место боя. Теперь надо дать ему возможность осмотреться, установить ружье, зарядить его, найти знакомые ориентиры на пространстве, где он успел освоиться раньше. Но едва ли фриц обнаружит нашу засаду. Мы потрудились на славу, выполнив абсолютно все правила маскировки, преподаваемые в киевской школе Осоавиахима.

Дальнейший план действий мы согласовали заранее, еще до

выхода в окоп. Сержант, выбравшись из него через траншею, окажется около нашего переднего края, возьмет «куклу» и будет ждать моего сигнала, когда я закончу подготовку к выстрелу. Подготовка несложная, давно знакомая. Это будет стрельба снизу вверх, с поправкой на «угол места цели».

Прошло полчаса.

Пятница 23 января 1942 года начиналась как день сугубо тихий. На сухопутных рубежах обороны Севастополя ни одна из сторон боевых действий не вела. Молчали пушки, минометы, пулеметы. Не поднялись в небо бомбардировщики, штурмовики, истребители. Война как будто затаилась. В эти минуты и часы – а они теперь выпадали нередко – чудилось, что смертоубийство закончено, что мирная жизнь возвращается, и наше ремесло востребовано больше не будет. К сожалению, пока верить в это было опасно.

Прислушиваясь к необычной тишине, я приложила два пальца к губам и свистнула. Седых отозвался таким же коротким свистом. Я не спускала глаз с моста и знала, что Федор, прячась в траншее, уже потащил «куклу» на нейтральную полосу. Издали казалось, будто советский часовой, покинув окоп, осматривает местность перед ним. Клюнет ли немец на старинную уловку, применявшуюся еще на фронтах Первой мировой войны?

Выстрел с моста прозвучал глухо, точно кто-то ударил железным прутом по деревянной доске. Короткая вспышка блеснула именно там, где я и предполагала. Честно говоря, я бы тоже выбрала этот закуток. Слева позицию надежно прикрывала металлическая балка. Ружье удобно лежало на согнутом пруте, сам стрелок сидел на пятке правой ноги, коленом упирающейся в разбитую шпалу, левый локоть поставив на левое колено. Наконец ты, сволочь фашистская, мне попался, а то больно зябко тут сидеть! В окуляр оптического прицела я увидела его голову. Фриц передернул затвор винтовки, подобрал гильзу, сунул ее в карман и выглянул из своего укрытия. Правильно говорил Дорогой Учитель: «Никогда не думай, что твой выстрел – последний, не любопытствуй зря!»

Задержав дыхание, я плавно нажала на спусковой крючок.

С высоты пяти метров немец упал на чуть подтопленное водой из ручья, густо заросшее камышом дно Камышловского оврага. Следом за ним свалилась и его винтовка. К моему удивлению, работал он не со снайперским германским карабином «Zf.Kar.98k», а с ружьем системы Мосина, имевшим прицел «ПЕ», конечно же трофейным. Много отличного, совершенно исправного нашего оружия (которое мы, красноармейцы – «разинцы», получить тогда не могли) досталось захватчикам в

первые месяцы войны.

Федор, взяв в руки автомат «ППШ-41», остался в окопе: прикрывать мой бросок к пораженному в переносицу врагу. За четверть часа где бегом, где ползком я преодолела камышовые заросли и очутилась возле трупа. Не люблю смотреть на лица мертвых врагов и уж тем более – потом вспоминать о них.

Счет пошел на минуты.

Я быстро обыскала гитлеровца, одетого в маскхалат поверх утепленного кителя. Вот его солдатская книжка, вот погоны, обшитые серебряным галуном, вот красная с черно-белой окантовкой орденская ленточка из второй петли на кителе, вот и знак ордена «Железный крест». Ножом-«финкой», острым, как бритва, я срезала эти вещи. Капитан Безродный будет доволен. Он ценит подобные сувениры и говорит, что они прекрасно дополняют его отчеты о службе разведки в поле.

Кроме того, женщине – будем откровенны – никогда не помешает запас из бинтов и ваты. Они у фрица есть. Большой пакет – во внутреннем кармане правой полы, пакет поменьше, на пять метров бинта – в правом нагрудном кармане кителя. Есть и подарок для любимого моего супруга – плоская фляга с коньяком, портсигар с сигаретами. В металлическом цилиндре, предназначенном для ношения противогаза, на самом деле никакого противогаза нет. Там снайперский сухой паек, видимо, на сутки: четыре пачки галет, две плитки шоколада в фольге, банка сардин в масле с ключом для открывания, припаянным к крышке.

Закинув за плечо «трехлинейку» с оптическим прицелом, ныне фашисту совсем не нужную, я вернулась к своему окопу. Федор Седых ждал меня с нетерпением. Он помог мне перевалиться через бруствер обратно в окоп и спросил, улыбаясь:

– Кого на сей раз пристукнули, товарищ старший сержант?

– Важная птица. Смотри, какие у него регалии, – я достала из кармана чужой орден.

– Ну, самое главное, – ответил Федор, – морячкам-то нашим станет спокойнее.

– Заметь, кругом тишина. Значит, один на охоту ходил, был в себе уверен, – я достала немецкую солдатскую книжку и прочитала вслух. – Гельмут Боммель, сто двадцать первый пехотный полк пятидесятой пехотной Бранденбургской дивизии, обер-фельдфебель. Ладно, уходим отсюда, пока они его не хватились…

Седых взял у меня обе винтовки: мою и трофейную, – и мы с ним быстро поползли по траншее к передовой линии третьего батальона 79-й бригады. Солдаты из боевого охранения нас

встречали. Помахал нам рукой и пулеметчик, которому было поручено прикрывать гостей-снайперов в случае их обнаружения противником. Едва мы очутились между высоких земляных стен в ходе сообщения, как над Камышловским мостом засвистели мины, затрещали пулеметные очереди. Немцы очнулись и поливали огненным дождем нейтральную полосу. Наши им ответили. Тихо и умиротворенно начиналась пятница 23 января, а все-таки война свое отыграла…

Полковник Потапов, сидя за столом, долго рассматривал солдатскую книжку Гельмута Боммеля, приложенный к ней русский перевод и орден «Железный крест». Мы с Федором стояли перед ним, вытянувшись по стойке «смирно».

– Кто из вас снял снайпера? – спросил Потапов, почему-то глядя на сержанта Седых, мужчину рослого, сильного, с добродушной физиономией.

– Я, товарищ полковник, – мой ответ прозвучал четко и громко.

– Как это удалось?

– Привычное дело, товарищ полковник, – ответила я.

– Я тут прочитал, – неспешно продолжал беседу командир 79-й бригады. – Этот Боммель сюда переведен недавно, до того воевал в Польше, Бельгии и Франции, служил снайпером-инструктором в Берлине. У него на счету двести пятнадцать уничтоженных солдат и офицеров. А у вас сколько, Людмила Михайловна?

– Двести двадцать семь.

– Стало быть, поединок шел на равных?

– Так точно, товарищ полковник.

– У него два ордена. А у вас, товарищ старший сержант, есть правительственные награды?

– Никак нет, товарищ полковник.

В комнате воцарилась тишина. Алексей Степанович задумчиво меня разглядывал, точно видел в первый раз. Я же при таких объяснениях с начальством всегда старалась помалкивать. Полугодовое пребывание в Вооруженных Силах привело меня к мысли о том, что длительные разговоры со старшим командным составом ничего хорошего младшему командному составу не приносят. Потому я смотрела не на полковника, а на цветной плакат над его головой, изображающий строгую молодую женщину в красной косынке: «Т-с! Враг подслушивает!»

– Собирайтесь, товарищи сержанты! – вдруг нарушил молчание Потапов. – Сейчас поедем в штаб Приморской армии. С рапортом о вашем подвиге…

Алексей Степанович пользовался большим уважением у

командования Приморской армии. Военную службу он начинал рядовым в 3-й Крымской стрелковой дивизии, потом стал офицером, закончил в 1939 году Краснознаменные высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», преподавал в Военно-морском училище береговой обороны имени ЛКСМУ. Великая Отечественная война открыла в нем талант военачальника. Вверенная ему 79-я морская бригада покрыла себя неувядаемой славой в боях за Севастополь, ее бойцы и командиры показывали образцы массового героизма. Потапов имел репутацию командира строгого, но справедливого. Своих подчиненных полковник представлял к наградам регулярно, считая, что те, кто под Севастополем отбивается от Одиннадцатой армии, имеющей двукратное численное превосходство над защитниками города, вполне заслуживали и медалей, и орденов, и внеочередного присвоения воинских званий.

Само собой разумеется, обмена мнениями между полковником Потаповым и генерал-майором Петровым мы с Федором не слышали. Когда они закончили свой довольно энергичный разговор, адъютант командующего Приморской армией пригласил нас зайти в кабинет. Иван Ефимович улыбнулся мне как старой знакомой, спросил про отца и, пожав руку, сказал с улыбкой:

– Значит, фрица обманула, дочка?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– То есть все их приемы уже знаешь?

– Ничего сложного в них нет, Иван Ефимович.

– Молодец! Горжусь твоим подвигом и поздравляю. Сдается мне, я виноват перед тобой, Людмила. Но ничего, скоро исправлюсь…

Сержанту Седых он тоже пожал руку и похвалил его за отвагу, проявленную в схватке с известным германским снайпером. Командующий также выразил надежду, что бойцы 54-го имени Степана Разина стрелкового полка на этом не остановятся, будут уничтожать врагов социалистического Отечества до полной победы. Этот положительный опыт, сказал командарм, нужно распространять по всем подразделениям СОР и для того нас с Федором сфотографируют, чтобы выпустить «Боевые листки» с подробным рассказом о столкновении советских воинов с фашистским убийцей у Камышловского моста.

В тот момент мы этим словам значения не придали. Очень хотелось после двухдневной вахты в холодном окопе вернуться в родную роту, улечься на лежанку в блиндаже, согретом огнем печки-буржуйки, и выпить горячего чаю с сахаром (впрочем, теперь у нас имелся шоколад) и ломтем ржаного хлеба,

испеченного в штольнях Севастополя. Отцы-командиры отпустили нас восвояси и были так добры, что на машине доставили до командного пункта первого батальона нашего полка. Оттуда мы с сержантом Седых бодро зашагали по лесной тропе, придерживая брезентовые ремни наших «снайперок», закинутых за плечи.

Однако утром следующего дня наш с мужем завтрак прервало появление незнакомого старшего политрука. Он представился: редактор многотиражной газеты Приморской армии «За Родину!» Николай Курочкин – и сообщил, что я должна ему рассказать о том, как веду борьбу с немецкими оккупантами. Он же должен – по распоряжению генерал-майора Петрова – написать об этом интересный очерк в очередной номер газеты. Чем больше я ему расскажу, тем лучше будет очерк. Кроме того, сейчас сюда придет фотокорреспондент, который будет снимать меня для иллюстрации этого очерка. Действительно, бойкий юноша (фамилию не помню) с фотоаппаратом «лейка» перешагнул порог нашего фронтового жилища и с ходу заявил, что я – очень фотогеничная.

Возникло сильное желание немедленно выставить вон двух молодых нахалов. Пусть «Анка-пулеметчица» из первой роты дает интервью и фотографируется, снайпер же не должен привлекать к себе внимания. Главное условие его успешной работы – скрытность. А газета «За Родину!» имеет тираж в несколько тысяч экземпляров, и кому в руки они попадают, мне неизвестно. Между тем, согласно приказу наркома обороны СССР, информация о правилах обучения сверхметкой стрельбе, типах снайперских винтовок, оптике, способах маскировки, методах воздействия на противника широкому разглашению не подлежит. Она предназначена ТОЛЬКО для специалистов. Возможно, я в резкой форме и объяснила бы журналистам данное обстоятельство, но тут в наш блиндаж пришли новые гости: военный комиссар 54-го полка Мальцев вместе с военным комиссаром первого батальона Новиковым. Такой чести мы с Леней раньше никогда не удостаивались, и мне стало ясно, что мой удачный выстрел на Камышловском мосту вызвал какие-то особые последствия. Хорошо это или плохо, покажет время. Утром 24 января 1942 года в присутствии двух военкомов я коротко отвечала на вопросы Курочкина, затем со своей парадной винтовкой «СВТ-40» позировала фотографу в анфас, в профиль, стоя, а также лежа в ближайшем кустарнике со «светой» у плеча, держа ее «по-пулеметному», то есть левой рукой за приклад.

Впоследствии мои встречи с представителями прессы продолжались.

У меня побывали корреспонденты городской газеты «Маяк Коммуны», газеты Черноморского флота «Красный Черноморец», газеты Крымского обкома партии «Красный Крым». Военный кинооператор Владислав Микоша провел на позициях нашей второй роты полдня, снимая разные сюжеты. Особенно он досаждал мне потому, что искал, как он выразился, «удачные ракурсы» и, в конце концов, заставил меня забраться с винтовкой «СВТ-40» на дерево и сделать вид, будто я целюсь из нее во врага. Напрасно я говорила ему, что в Севастополе с деревьев не стреляю, и это будет обман зрителей. «Киношник» упрямо стоял на своем. Чтобы отделаться от него, пришлось с ружьем залезть на старую яблоню, которая росла возле большой «клубной» землянки в пятистах метрах от переднего края обороны.

Впрочем, у пишущей братии получалось еще заковыристее.

Корреспонденты не пожалели красок для Гельмута Боммеля: толстый, как жаба, водянистые глаза, желтые волосы, тяжелая челюсть. Я, конечно, ничего подобного им не рассказывала, поскольку не запоминаю внешность тех, в кого стреляю. Они не существуют для меня, это просто мишени. Некоторые мои однополчане говорят о холодной ненависти к захватчикам. Но даже такое определение я считаю слишком сильным, больше подходящим для агитационных листовок. Сверхметкий стрелок не думает об этом. Он выходит на огневую позицию со спокойным сердцем и твердым, глубоким убеждением в свой правоте. Иначе он рискует промахнуться и пасть жертвой в дуэли с жестоким и злобным врагом.

С личным снайперским счетом фашиста литераторы тоже не церемонились: указывали и 300 убитых, и 400, и 500, хотя для начала 1942 года это – абсолютно нереальное количество. Репортерам в голову не приходило, что война Германии с европейскими странами протекала быстро, без позиционной борьбы. Только в ней снайпер имеет возможность значительно увеличить число своих побед. В Советском же Союзе боевые действия шли всего полгода, причем гитлеровцы в основном наступали. Большую роль тут играли танки, авиация. В сверхметких стрелках фрицы тогда не особенно нуждались. Да и нашим было не до снайперских винтовок. По-настоящему результативно снайперы могут работать при длительных осадах, блокадах городов, что и происходило под Одессой, Севастополем, Ленинградом, потом – под Сталинградом.

К моему удивлению, поединок на взорванном железнодорожном мосту почему-то не вдохновлял корреспондентов. Может быть, стоило свозить их к Камышловскому оврагу, показать необычность этого места и

объяснить, что Гельмут Боммель выбрал его правильно, но в силу традиционной немецкой самоуверенности не ожидал скорого ответа? Только зачем тратить время на людей несведущих, но убежденных в своей правоте…

Они все равно напишут по-своему. Например, следующее:

«Так, не шелохнувшись, лежали они сутки. Утром, когда просветлело, Люда увидела, как, прячась за макет коряги, снайпер передвигается едва заметными толчками. Все ближе и ближе к ней. Она двинулась навстречу, держа винтовку перед собой, не отрывая глаз от оптического прицела. Секунда приобрела новую, почти бесконечную протяженность. Вдруг в прицел Люда уловила водянистые глаза, желтые волосы, тяжелую челюсть. Вражеский снайпер смотрел на нее, глаза их встретились. Напряженное лицо исказила гримаса, он понял – женщина! Мгновение решало жизнь – она спустила курок. На спасительную секунду Люда опередила врага. Она выждала. Немецкие автоматчики молчали. Только тогда она поползла к снайперу. Он так и застыл, целясь в нее. Люда вынула снайперскую книжку гитлеровца, прочла «Дюнкерк». Рядом стояла цифра, еще цифры. Более четырехсот французов и англичан приняли смерть от его руки…»[22]

Потом, поразмыслив здраво, я пришла к выводу, что репортеры, сочиняя ахинею после бесед со мной, все-таки способствуют пропаганде снайперского движения в Севастопольском оборонительном районе. Основной принцип работы сверхметкого стрелка на войне изложен правильно: умело замаскироваться, терпеливо ждать, когда противник совершит ошибку, тотчас воспользоваться ею и произвести выстрел точно в цель. Никаких сведений об обращении со специальным стрелковым оружием и оптическими приборами, ни слова о том, как рассчитать траекторию полета пули в разных геогрфических и погодных условиях, о непреложных законах баллистики и прочих сугубо военных знаниях, позволяющих обычному человеку стать снайпером. Тот, кто заинтересуется нашим ремеслом, узнает подробности, попав на двух-трехнедельные курсы по обучению метких стрелков, которые уже создают для рядовых пехотинцев при штабах некоторых дивизий.

Выдумки журналистов – лишь одна из составных частей пропаганды.

Для большей убедительности людям нужен живой герой. Кажется, на эту роль в политотделе Приморской армии, возглавляемом полковым комиссаром Л.П. Бочаровым, теперь выбрали меня. По крайней мере, так мне показалось, когда из штаба полка в наш с Алексеем блиндаж доставили приказ:

2 февраля 1942 года командиру взвода старшему сержанту Павличенко Л.М. отправиться с переднего края в город и принять участие в конференции женщин-активисток Севастопольской обороны, которая будет проходить в Доме учителя. На конференции запланировано мое выступление длительностью до пятнадцати минут, посвященное работе снайперов.

Прочитав приказ, я растерялась. Наши лесные засады обострили мое зрение и слух, но приучили к молчанию, к соблюдению тишины. Обращение с подчиненными во взводе также не требовало ораторских навыков. А тут доклад на пятнадцать минут. Это же сколько слов произнести надо! Да еще перед большой аудиторией, в шумном зале, при свете ламп!

Однако драгоценный мой супруг, человек находчивый, постарался меня успокоить и воодушевить. Леня говорил, что давно пора мне побывать в тылу, в прекрасном городе Севастополе, встряхнуться, себя показать, на других посмотреть. Обычно фронтовикам это здорово поднимает настроение. Тем более до выступления – три дня, за такой отрезок времени можно и десять докладов приготовить.

– Но где парадное обмундирование взять? – спросила я его.

– Ерунда! Я сейчас старшине позвоню. Пусть на полковом складе поищет, – ответил командир второй роты.

О форменном платье из ткани цвета «хаки» с отложным воротником, поясом и прорезными карманами, положенном женщинам-военнослужащим, не приходилось даже мечтать. Максимум, что смог раздобыть старшина, – юбка, новая гимнастерка с парадными малиновыми петлицами и относительно новые сапоги, на которые ушло полкоробки черного гуталина. Две пары трикотажных чулок телесного цвета я хранила в солдатском вещмешке, как невероятное довоенное сокровище, и они наконец пригодились.

Утром 2 февраля на легковой машине командира полка мы поехали в город.

Мы – это я и старший сержант первой роты пулеметчица Нина Онилова. Увидев меня в машине, Нина удивилась. Она считала себя признанной героиней, а вот за какие подвиги направили на эту конференцию меня, ей было непонятно. Но будучи человеком простого и доброго нрава, она через десять минут уже весело болтала со мной. Онилова не в первый раз участвовала в подобных мероприятиях и потому всю дорогу оживленно рассказывала, как надо держаться на трибуне, как читать доклад, как отвечать на вопросы участников конференции, если таковые возникнут. Она не давала мне сосредоточиться. Ну, прямо как в песне: «Так-так-так» говорит пулеметчик, «так-так-

так» говорит пулемет!» Я ведь не считала себя оратором и тезисы выступления по совету мужа записала на бумаге. Хорошо бы ничего не перепутать, говорить убедительно и нашу, малознакомую штатским людям, профессию представить в лучшем виде…

На конференцию собралось довольно много народа. Прибыли женщины с разных предприятий, школ, больниц. Среди их разноцветных платьев и блузок по-особому строго смотрелись форменные гимнастерки военнослужащих: связисток, санинструкторов, врачей из медсанбатов и походно-полевых госпиталей. Нина со своим орденом Красного Знамени на груди пользовалась большой популярностью. С ней многие здоровались, расспрашивали о делах на переднем крае, обменивалась веселыми репликами. Меня никто не знал, и я скромно заняла место у окна, чтобы еще раз перечитать свои записи.

Доклад с обзором основных событий на фронте сделал на конференции командующий Приморской армией генерал-майор Петров. Женщины встретили его долгими аплодисментами. Ивана Ефимовича действительно любили в Севастополе за тот огромный вклад, что он внес в оборону Главной военно-морской базы. После его доклада прозвучали и другие выступления, яркие, содержательные и не очень. Женщины рассказывали о своей работе, о своих чувствах и мыслях, связанных с родным городом. Мне все казалось интересным. Раньше я не представляла себе, каково учить детей в школе, расположенной в бомбоубежище, по двенадцать часов в сутки стоять у станка, штампуя корпуса ручных гранат, днем работать в швейной мастерской, изготавливая комплекты белья для армии, а вечером идти в подземный госпиталь и ухаживать за ранеными бойцами.

Женщины Севастополя на производстве заменили мужчин, ушедших на войну, и справлялись с работой ничуть не хуже. Как не вспомнить об Анастасии Чаус, моей сверстнице, трудившейся на спецкомбинате № 1. При бомбежке ее тяжело ранило, девушка потеряла левую руку, но осталась в городе, вскоре вышла на работу, освоила специальность штамповщицы и с одной рукой выполняла норму на 200 процентов.

Быт севастопольцев был трудным. Существовали карточки, и по ним выдавали хлеб: рабочим, инженерно-техническим работникам оборонных предприятий – 800 г; служащим, пенсионерам – 600 г; иждивенцам – 300 г. Очень выручали жителей города рыбаки. Они выходили в море под артобстрелом, пробирались через минные поля и вылавливали и доставляли в столовые и магазины десятки центнеров рыбы, в основном хамсы и камбалы.

О трудностях участницы конференции тоже говорили, но как-то вскользь. Они словно бы остались за стенами Дома учителя. Не ради их обсуждения собрались здесь женщины разных возрастов и профессий. Они хотели передать друг другу нечто иное. Может быть, святую веру в победу над фашистами, может быть, силу духа, может быть, надежду на скорее изменение ситуации в любимом городе. Иногда это звучало примерно так: «Я, маленькая единица, именуемая тылом, делаю все, что умею, хочу сделать еще больше. Отдав всех четырех сыновей на борьбу с врагом, я не пощажу себя и пойду на любой участок…» (учительница средней школы № 14 Александра Сергеевна Федоринчик).

После столь страстных речей сухой рапорт о количестве уничтоженных гитлеровцев прозвучал бы просто нелепо. Я отложила в сторону листок с заранее подготовленными тезисами и стала говорить о том, что лежало на сердце, что волновало до глубины души…

Глава 11
На безымянной высоте

Севастопольская зима переменчива.

Два дня назад небо закрывали низкие облака, падал снег, трещал мороз, было минус пятнадцать градусов. Сегодня все по-другому: снег растаял, на небе сияет солнце, температура воздуха плюсовая. На пологих склонах крымских возвышенностей вновь видна трава, буро-желтая и пожухлая, яркой зеленью на ее фоне горят кусты можжевельника, устремленные вверх кипарисы, невысокие деревца туи.

Я рассматривала в бинокль панораму Балаклавской долины, устроившись у амбразуры пулеметного ДЗОТа недалеко от деревни Верхний Чоргунь[23]. Вдали виднелась серая лента шоссе Севастополь – Ялта, ближе ко мне – неширокая речка Черная, вьющаяся среди холмов, поля с ровными шпалерами виноградников, скаты красивой горы Гасфорта, покрытые кое-где дубовыми рощами, а также – разломанная снарядами белая стена вокруг Итальянского кладбища и крыша его часовни, напоминающая детский игрушечный кубик своими прямыми и короткими стенами.

Во время второго штурма здесь пролегала передовая линия второго сектора обороны с окопами, дерево-земляными огневыми сооружениями, минометными площадками и глубокими траншеями. От атак противника ее героически защищали бойцы и командиры 7-й бригады морской пехоты, 31-го и 514-го стрелковых полков. Гора и возвышенности рядом с ней несколько раз переходили из рук в руки. В конце концов, потеснив наших, там закрепились немцы.

Группа фашистских снайперов заняла высоту, на карте именуемую Безымянной. С расстояния в 500 метров они начали прицельно обстреливать проселочную дорогу от деревни Камары до деревни Шули, которая проходила по тылам второго сектора обороны и играла важную роль в снабжении наших войск продовольствием, вооружением и боеприпасами.

Их последнее наглое действие: убили и тяжело ранили больше половины личного состава батареи противотанковых пушек калибра 45 мм и запряжек к ним из 24 лошадей, перевозивших эти орудия по дороге. Все попытки подавить врагов артиллерией и минометами ни к чему не приводили. Снайперы меняли позиции на высоте и возобновляли обстрел.

Так что здесь, вдали от родной Чапаевской дивизии, я

оказалась неслучайно.

После нескольких наших удачных походов на нейтральную полосу и в тыл врага командование Приморской армии сочло, что в первом батальоне 54-го полка сложилась смелая и хорошо обученная группа сверхметких стрелков и ее можно использовать не только в третьем секторе обороны, но и на других участках севастопольского фронта. Мы стали «гастролировать» по всему переднему краю обороны, выполняя задания особой сложности. На сей раз нам поручили провести операцию на высоте Безымянная в районе горы Гасфорта и Итальянского кладбища.

Сначала в штабе армии произошла моя встреча с комендантом второго сектора полковником Николаем Филипповичем Скутельником, командиром 386-й стрелковой дивизии, в чьей зоне ответственности находился этот участок, и начальником штаба дивизии подполковником Добровым. Затем я поехала в деревню Верхний Чоргунь, чтобы осмотреть местность и применительно к ней разработать план операции снайперской группы по захвату высоты и уничтожения гитлеровцев.

Гора Гасфорта, названная в честь героя первой обороны Севастополя полковника В.Г. Гасфорта, командира Казанского пехотного полка, который сражался здесь в 1854–1855 годах против союзных англо-франко-итальяно-турецких сил, находилась примерно на пятнадцатом километре шоссе Севастополь – Ялта и сама по себе была невысока – всего 217,2 метра над уровнем моря. Но ее окружали более мелкие возвышенности, впадины между ними, перемежающиеся ровными полянами. Итальянское кладбище занимало часть горы Гасфорта. На нем действительно в 1882 году по разрешению русского правительства перезахоронили останки итальянцев: более двух тысяч солдат и офицеров Сардинского корпуса, погибших в боях и умерших здесь от эпидемии холеры.

Сильно пересеченная местность давала надежду на успех рейда. Однако требовалось провести тщательную разведку и изучение сил противника, его оборонительной системы. Об этом я сказала полковнику Скутельнику. Он согласился со мной и пообещал, что воинские части второго сектора окажут снайперам необходимую помощь.

Я вернулась в расположение второй роты и собрала командиров отделений своего взвода в нашем с Алексеем блиндаже. Надо было что-то придумать. Белым днем нам на эту высоту Безымянную не подняться. Мы – внизу, немцы – наверху, они легко нас обнаружат, а затем перестреляют, как зайцев. При том наблюдении, которое постоянно вели за ними люди 386-й дивизии, места снайперских засад не просматривались. Вероятно,

фрицы устроили там не один десяток замаскированных гнезд для сверхметких стрелков.

В ту пору командиром первого отделения, как и прежде, являлся сержант Федор Седых, второго отделения – младший сержант Владимир Волчков, переведенный во взвод из третьей роты по приказу лейтенанта Дромина, как стрелок, показавший отличные результаты при уничтожении немецкого батальона, прорвавшегося в наш тыл при втором штурме, а именно – 22 декабря. Третье отделение у нас существовало пока номинально, вместе с ефрейтором Анастасом Вартановым в нем числилось пять человек, и мы ждали прибытия маршевого пополнения из Новороссийска. Первым я предоставила слово старому егерю, поскольку среди нас он был самым младшим по званию. Анастас высказал сожаление, что местность Балаклавской долины ему не так знакома, как кордон № 2 на Мекензиевых горах, а то бы он провел нас туда охотничьими тропами.

Карта-трехверстка второго сектора обороны, выданная мне в штабе 386-й дивизии, на которой я сделала дополнительные отметки, побывав в селе Верхний Чоргунь, лежала перед нами на столе. Своим рассказом я постаралась дополнить информацию о высоте Безымянной. Но многое, в частности – расстояния, оставалось неизвестным, так как подойти к объекту будущей атаки близко мне не удалось. Пространство перед ним простреливалось.

Мы довольно долго рассматривали эту карту. Теперь уже не помню, кто из сержантов обратил внимание на то, что западный склон, густо заросшей можжевельником, собачьим шиповником, бузиной и «держи-деревом», имеет много неровностей. Используя их для маскировки, можно ночью подобраться к подножию высоты, затем, срезав несколько веток в этих кустах, поднять их выше, «посадить» там, а самим спрятаться за глыбами известняковой породы, в нескольких местах выходящей здесь на поверхность земли. Что сделают фрицы, обнаружив новые кусты, выросшие за ночь на пустом склоне? Конечно, откроют по ним стрельбу, и мы увидим, сколько их и откуда они ведут огонь.

– А зачем срезать ветви кустов на горе? – спросил Федор. – Давайте сделаем их заранее и принесем туда. Это безопаснее, да и выглядеть они будут натурально…

Изготовление кустов я поручила Вартанову. Уж он-то знал крымские лесные растения наизусть и быстро соорудил шесть макетов с ветвями можжевельника длиной до сорока сантиметров, темно-зелеными колючими листьями и круглыми сизоватыми плодами. Кое-что из этих украшений ему даже пришлось прикрутить проволокой. Но в целом изделия

смотрелись вполне достоверно и надежно крепились к острым штырям, с помощью которых мы собирались их «посадить» на склоне.

В состав группы, кроме меня, вошло семь человек.

Алексей Киценко, будучи командиром роты, проверял каждого из них. Он хотел, чтобы мы не погибли в неравном бою, а вернулись с победой, поскольку она вполне достижима. Ведь опыт, полученный в предыдущих рейдах, научил нас всех осторожности, боевой взаимовыручке, точности в исполнении команд. Мои суждения о качествах бойцов обычно совпадали с мнением младшего лейтенанта. Потому мы с ним сразу и единогласно выбрали Федора Седых (чему он очень обрадовался), Владимира Волчкова (его я знала хуже, но Алексей уверил меня в полной надежности младшего сержанта), Анастаса Вартанова (сомневались не в храбрости, а в его силе и выносливости, ведь егерю недавно исполнилось 50 лет). Остальные участники рейда служили в снайперском взводе примерно три месяца (срок изрядный при севастопольских боях и потерях) и стреляли отлично.

О снаряжении группы надо сказать особо. От шинелей и ушанок мы отказались в пользу ватных курток и штанов, касок и пилоток. Поверх них надели осенние камуфляжные куртки с капюшонами горчичного цвета с темно-коричневыми разводами и такие же брюки, довольно просторные, заправлявшиеся в сапоги. На поясе – четыре кожаные патронные сумки, три гранаты, кобура с пистолетом «ТТ», нож-«финка» в металлических ножнах, малая саперная лопатка в чехле, фляга с водой, тоже в чехле, через плечо – водонепроницаемая продуктовая сумка с сухим пайком на три дня (черный хлеб, сало, банка тушенки). Кроме того, с собой взяли бинокли, фонарики на батарейках, ракетницу. Вопрос о вооружении долго не обсуждался: четыре винтовки Мосина с прицелом «ПЕ», четыре «СВТ-40» с прицелом «ПУ» и по двести патронов к ним, три автомата «ППШ-41» с двумя запасными магазинами-дисками. Любимый нами ручной пулемет Дегтярева на сей раз решили не брать. Вместо него в мешок упаковали макеты кустов, аккуратно связанные веревками.

Прощаться долго я не люблю. Долгое прощание печалит сердце, особенно – на войне.

Леня крепко обнял меня в блиндаже, поцеловал. Шаг через порог, и мы с ним уже не супруги, а однополчане. Вместе с другими бойцами вышли к командному пункту батальона, где группу ждала грузовая машина – «полуторка», ведь ехать далеко, на другой край Севастопольского оборонительного района. Последнее рукопожатие и добрые пожелания снайперам от

командира роты, последний его взгляд и последнее слово: «Возвращайтесь!»

Первый день ушел на досконального изучение местности. Ничего утешительного мы тут не обнаружили. В зарослях не укрыться, они располагались довольно далеко от высоты Безымянной. Немцы контролируют все пространство, периодически открывают по долине огонь из пулеметов и минометов. Наши отвечают, но боеприпасы им приходится экономить. По моей просьбе пулеметчики 7-й бригады морской пехоты обещали этой ночью, часа в три, начать обстрел высоты и продолжать его минут 20–30, чтобы прикрыть наше движение по склону вверх. Хорошо бы еще попросить (но у кого?) темную ночь, умеренный ветер и температуру воздуха не менее пяти градусов тепла…

Ночь наступила, и действительно – безлунная, безветренная, теплая.

Начав движение в три часа утра, под треск пулеметных очередей, раздававшихся с советских рубежей, мы доползли почти до вершины, и фрицы нас не заметили. На расстоянии семидесяти метров от их окопов мы воткнули в землю наши макеты кустов и отступили от них метров на тридцать вниз, к серо-белым камням известняка, за которыми рос шиповник.

При первом же луче рассвета гитлеровцы открыли бешеную стрельбу из автоматов и пулеметов по изделиям старого егеря Вартанова. Они превратили их буквально в ошметки, в мелкие кусочки дерева, коры, листьев. Они изрыли пулями землю вокруг них в диаметре двух-трех метров и не успокоились, пока пыль там не поднялась столбом. Когда наступила тишина, фашисты вылезли из окопов и стали в бинокли разглядывать склон высоты. Наверное, хотели увидеть тела русских снайперов, уничтоженных столь быстро.

Их огневые точки мы легко засекли при стрельбе. Теперь оставалось прицелиться так, чтобы ни одна наша пуля не пролетела мимо. Расстояние не превышало ста метров. Цель находилась гораздо выше горизонта оружия, следовательно, угол места цели приближался к 50 градусам. По законам баллистики в таких условиях восходящая ветвь траектории пули начинает выпрямляться, земное притяжение все меньше и меньше смещает пулю в горизонтальном направлении. Кроме того, в разреженной горной атмосфере пуля испытывает меньшее сопротивление воздуха.

Все это учтено в специальных таблицах, которые мои подчиненные, не кончавшие снайперских школ, знать не могли. Однако на то у командира и голова на плечах. Еще при выходе на

рубеж я им приказала прицел уменьшить, сделать поправку в его делениях минус ½, при заряженных патронах калибра 7,62 × 53R с «легкими» пулями образца 1908 года.

Как водится, мой выстрел был первым.

Затем громыхнуло еще семь, после чего, через десяток секунд, пока мы перезаряжали свои «трехлинейки» – снова восемь. Но звук их в значительной мере заглушила канонада. Дальнобойная артиллерия противника работала, нанося удары по городским кварталам. Наши артиллеристы начали отвечать, чтобы подавить вражеские батареи. В небе загудели моторы, и появились самолеты с красными звездами на крыльях. Они ушли в сторону Алушты. Несколько мощных орудийных залпов донеслось с моря. Огонь вел, кажется, лидер эсминцев «Харьков», стоявший после разгрузки в Южной бухте.

Такое шумовое прикрытие помогло затушевать истинную картину боя. Фрицы попадали: кто-то – прямо на дно окопов, кто-то – на бруствер, кто-то даже покатился вниз по склону. Промахов у нас не случилось. Погибли все пятнадцать гитлеровцев. Боевое охранение противника перестало существовать.

– Вперед, ребята! – крикнула я, показав на вершину Безымянной.

Задыхаясь, мы преодолели семьдесят метров крутого подъема и спрыгнули во вражеские окопы. Нам досталась прекрасно оборудованная позиция с глубокими ходами сообщения, укрепленными досками и бревнами, с пулеметными гнездами и траншеями, подводящими к ним, с четырьмя блиндажами, врытыми в землю на два с половиной метра. Оружия тут валялось много: винтовки, в том числе – снайперские, автоматы, гранаты, разложенные на уступах в окопах, три пулемета «MG-34» с заправленными в них лентами. Вид с высоты на окрестности открывался просто восхитительный, не зря фрицы так яростно боролись за нее, не хотели отсюда уходить.

Мы пустили вверх красную ракету, чтобы дать нашим сигнал: Безымянная захвачена. Нам ответили одной зеленой: поздравляем, вы – молодцы. Вскоре по проселочной дороге от деревни Камары до деревни Шули началось интенсивное движение. Штаб второго сектора проводил перегруппировку войск, приступил к подвозу боеприпасов и продовольствия.

Нам же следовало оглядеться.

Если раньше снайперы, произведя неожиданную атаку на немцев, поспешно уходили, то теперь предстояло остаться на завоеванных рубежах до приказа командования. Позиция позволяла с успехом вести оборонительные действия. Только надо все изучить, понять, какие у нее сильные стороны, какие –

слабые, собственными шагами измерить длину ходов сообщения, приспособиться к чужим окопам, отрытым в твердом крымском грунте, посмотреть, куда направлены пулеметы, каков у них сектор обстрела и т. д. и т. п.

Вскоре добрались и до блиндажей. Тут произошла еще одна схватка. На пороге самого дальнего земляного убежища на нас бросился ефрейтор с пистолетом «вальтер». Пришлось его застрелить. Дальше, за дверью, прятался унтер-офицер, и в дело пошла «финка», которой отлично владел Владимир Волчков. Мы очутились в подземном помещении небольшого размера, но обустроенного тщательно, похожего на жилье офицера или на штаб. На столе стояла довольно большая, почти в полметра высотой армейская ранцевая радиостанция «Torn.Fu.b1» с приемопередатчиком и ящиком для батарей, ее штыревая антенна прошивала крышу блиндажа, выходя на поверхность.

На столе лежали наушники и толстая тетрадь, заполненная записями. Красные буквы на левой панели рации гласили: «Feind hoert mit», то есть «Враг подслушивает». Значит, это не только позиция снайперов, но скорее всего – наблюдательный пункт корректировщиков, а также – немецкой разведки.

Исправная радиостанция являлась ценным трофеем. Но воспользоваться ею мы не могли, в группе не было радистов или людей, хоть немного знакомых со средствами связи. Оставалось отключить радиостанцию от батарей и приготовить к транспортировке. Решили взять ее с собой, когда будем возвращаться, хотя вес она имела немалый – до сорока килограмм.

Трупы мы обыскали. Целый ворох документов оказался у меня в руках: солдатские книжки, письма, фотографии, принадлежавшие двенадцати рядовым, ефрейтору, унтер-офицеру и одному фельдфебелю 170-й пехотной дивизии. Фельдфебель имел награду – «Железный крест» 2-й степени, цветную ленточку, пришитую к петлице кителя. Теперь все это попадет к капитану Безродному, далее – к переводчику. Письма никогда не дойдут до адресатов в германских городах…

Пир победителей состоялся в виде завтрака с немецкими сосисками и русским черным хлебом. Нашлись и консервы с сардинами в масле, столь любимые сержантом Седых. Из штабного блиндажа в конце концов извлекли деревянный ящик с двенадцатью полулитровыми бутылками рома (фрицы спрятали его под столом), и я задумалась о том, как их использовать. Одну распили за завтраком. Остальные решили разлить по алюминиевым немецким флягам и отнести однополчанам. Правда, по вкусу трофейный ром сильно напоминал нашу

деревенскую сивуху.

После бессонной ночи снайперы нуждались в отдыхе. Я назначила двух часовых и отправилась в офицерский блиндаж. Не снимая ватника, улеглась на лежанке и даже не заметила, как уснула. Ближе к вечеру меня разбудил часовой, наблюдавший за восточным склоном Безымянной, обращенной к вражескому фронту:

– Товарищ старший сержант, к нам – гости!

Вдали появилась группа немецких автоматчиков, наверное, человек двадцать. Они поднимались по узкой тропинке, которая пересекала заросли орешника. В бинокль было видно, что солдаты идут спокойно, не оглядываясь, покуривая сигареты, разговаривая между собой. Оружие они держали не наизготовку, а несли за плечами. Все свидетельствовало о том, что противник пока не догадался о захвате своего наблюдательного пункта. Автоматчики выдвинулись к Безымянной скорее для проверки, чем для настоящего боя.

Теперь предстояло стрелять сверху вниз на той же дистанции. Как и стрельба снизу вверх, это тоже весьма сложная по исполнению вещь, связанная с регулировкой оптического прицела. При стрельбе сверху вниз плотность воздуха повышается, но одновременно повышается и скорость пули. Ее «тянет» вниз сила тяжести. Средняя точка попадания повышается, причем – существенно. Потому приходится понижать (то есть уменьшать) прицел или ниже брать точку прицеливания.

Расчеты я сделала и отдала команду подчиненным. Мы выждали, пока автоматчики выйдут на дистанцию в сто метров, затем открыли огонь. Отряд справился с задачей не менее точно, чем при стрельбе снизу вверх. Мы спровадили на тот свет всех немцев с автоматами, и очень быстро. Получилось, что восемь сверхметких стрелков уничтожили за один день примерно 35 человек. Совсем неплохо. В течение следующих четырех суток снайперы действовали также умело. Нам удавалось отбиваться от атак противника, используя выгоды своего положения на высоте Безымянной. Один раз фрицы предприняли артналет. Мы переждали его в блиндажах, так основательно устроенных доблестными солдатами фюрера.

Сколько их теперь лежало на склонах высоты с простреленными головами, я сосчитать затруднялась. Некоторые остались в густых зарослях можжевельника и шиповника, некоторые скатились в лощинки между взгорьями, некоторых наступавшим удалось унести. Но их явно было больше сотни.

На смену снайперскому отряду командование прислало стрелковую роту. Красноармейцы взошли на высоту под нашим

прикрытием. Мы передали им объект в целости и сохранности и, пожелав удачи, поехали на той же «полуторке» к себе в 25-ю дивизию.

Торжественной встречи нам никто не устраивал. На огневых рубежах Севастопольского оборонительного района бойцы и командиры советских частей совершали подвиги каждый день. Подвигом являлась даже самое обычное исполнение своих служебных обязанностей под регулярными вражескими бомбежками и артиллерийскими обстрелами, работа на предприятиях, укрытых глубоко в штольнях Инкермана.

Рапорт о рейде на Безымянную высоту я написала и сдала капитану Безродному вместе с немецкими документами, радиостанцией и другими интересными предметами (например, фляга с ромом). Количество их помощника начштаба по разведке сильно удивило. Мы с ним еще поговорили об этой истории, и я спросила его, нельзя ли представить участников рейда к правительственным наградам, ведь снайперы проявили изрядное мужество, стойкость и превосходную выучку. Безродный загадочно улыбнулся.

– Такие планы у командования имеются, – ответил он.

Капитан не обманул. В начале марта мне вручили Диплом снайпера-истребителя от Военного совета Приморской армии, который удостоверял, что старший сержант ПавлЮченко (такую они допустили ошибку в написании моей фамилии) уничтожила 257 фашистов. Диплом подписали командующий армией генерал-майор Петров, а также члены Военного совета дивизионный комиссар Чухнов и бригадный комиссар Кузнецов. Это было первое официальное признание моих скромных достижений. Кроме того, в апреле мы с Федором Седых и Владимиром Волчковым получили медали «За боевые заслуги».

С мужем я потом долго обсуждала наш поход, но больше с той точки зрения, кто из снайперов как в нем себя проявил. Военное поведение моих подчиненных было безукоризненное, и в данном обстоятельстве я видела объяснение тому, что мы выполнили приказ, не потеряв ни одного человека. Для меня, как командира, сие являлось важнейшим показателем успеха. Очень горько на войне терять соратников, особенно – проверенных в боях. Думала тогда и сейчас думаю, что война при всей жестокости своей есть лучший способ узнать человека. Те, кто под Севастополем находился рядом со мной, люди – высочайших достоинств. Только потом судьба у каждого из них сложилась по-разному.

Глава 12
Весна сорок второго года

Награду за высоту Безымянную мы все– таки получили: увольнение в город.

Нам с Алексеем Киценко советовали посетить музей, который открылся 23 февраля в помещении картинной галереи на улице Фрунзе. Медленно мы ходили там по залам и рассматривали экспонаты. Это было настоящее путешествие в историю: от первой обороны 1854–1855 годов до эпохи Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны, затем – события и герои второй обороны. Среди фотографий и документов я нашла сведения о Чапаевской дивизии, о пулеметчице Нине Ониловой и даже… о себе. В отдельном зале организаторы выставили оружие и боеприпасы, изготовленные для Приморской армии на севастопольских предприятиях, разместили портреты ударников производства. Кроме того, экспонировались и трофеи: немецкое вооружение, обломки самолетов, сбитых над городом, письма оккупантов и их дневники, знамена фашистских полков, захваченные в бою, приказы гитлеровцев местному населению, где слово «расстрел» встречалось чаще всего.

Несмотря на боевые действия, жители Севастополя постоянно проводили работы по восстановлению разрушенного хозяйства, и город не выглядел заброшенным, грязным, покинутым людьми. Работали магазины, поликлиники, бани, парикмахерские, разные мастерские, ходили трамваи. Теперь открыли новый музей, который охотно посещали все: сами севастопольцы, люди, недавно прибывшие сюда с Большой земли, отпускники из воинских частей. Отношение к фронтовикам было очень сердечным. Чистильщик сапог предложил нам бесплатное обслуживание, женщины, которые встретились на площади Коммуны у кинотеатра «Ударник», – стирку и глажку одежды. А ведь вода в городе отпускалась строго по нормам…

С зимой мы расставались без сожаления.

Она прошла в битвах и тревогах, но укрепила защитников в мысли о том, что бешеный натиск гитлеровцев выдержать они способны. Однако от весны ждали какого-то облегчения. Вот зазеленеют леса на Мекензиевых горах, и листва надежно укроет от противника блиндажи, окопы, ходы сообщения, огневые точки, тогда и потери уменьшатся. С моря подует теплый южный ветер, и не так холодно будет нести боевое охранение по ночам. Упадут

дожди, пусть и не очень обильные, но воды в горных родниках все-таки станет больше. Сквозь тучи все чаще будет выглядывать солнце, и все мы будем думать, что это солнце нашей Победы.

Утро 3 марта 1942 года выдалось таким погожим, таким теплым, что усидеть в блиндаже было положительно невозможно. Мы с Алексеем собрались завтракать на свежем воздухе, под чириканье неистребимых севастопольских воробьев. Обнимая меня за плечи, супруг сидел рядом со мной на поваленном дереве и рассказывал какую-то смешную историю, приключившуюся с ним в детстве. Вражеский артналет на позиции 54-го полка начался внезапно. Огонь вели дальнобойные орудия. Первые снаряды разорвались далеко в тылу, второй залп вышел с недолетом, но третий…

– Ты не устала? – только и успел спросить меня Киценко, как третий снаряд разорвался у нас за спиной. Десятки осколков просвистели в воздухе. Получилось, что младший лейтенант прикрыл от них меня, но сам ранения не избежал. В первую минуту мне показалось, что оно – нетяжелое. Алексей схватился за правое плечо, застонал. Но потом кровь обильно потекла по рукаву его гимнастерки, рука повисла плетью и бледность начала покрывать лицо раненого.

– Леня, держись! Леня, сейчас я тебя перевяжу! – я разорвала санпакет и начала торопливо обматывать его плечи бинтом. Белая марля ложилась первым, вторым, третьим слоем, но кровь проступала через них, поскольку раны оказались глубокими.

На помощь прибежал Федор Седых. Мы уложили командира на одеяло и бегом понесли к медпункту. По счастью, ротный санинструктор Елена Палий находилась на месте и повозка, запряженная парой лошадей, – тоже. Устроив командира роты на скамье, мы быстро поехали в Инкерман, в дивизионный медсанбат, к нашему хирургу Пишелу-Гаеку. Там без промедления Леню взяли на операцию, а я осталась ждать ее окончания.

В сердце жила надежда на чудо. В эти полтора часа я размышляла о многом, вспоминая свою первую встречу с ним, лес на закате дня, когда младший лейтенант нашел меня под расколотым деревом, его объяснение в любви, нашу счастливую семейную жизнь. Не было у меня ближе и роднее человека, чем Алексей Аркадьевич. При сложных обстоятельствах он сохранял бодрость духа, при неудачах не отчаивался, при удачах не обольщался. Но главное – умел вовремя находить самые нужные слова, и я верила ему больше, чем себе.

Замечательный наш врач Владимир Федорович Пишел-Гаек вышел из операционной с мрачным лицом, сжал мою ладонь и

тихо сказал:

– Людмила, держись. Надежды на излечение мало. Пришлось отнять ему правую руку, она держалась на одном сухожилии. Гораздо хуже то, что семь осколков попало в спину. Три я извлек, но остальные…

Что произошло дальше, не помню. Очнулась в какой-то комнате на узкой госпитальной койке. Молоденькая медсестра в белом халате и косынке подала мне стакан с жидкостью, имевшей сильный запах валерьянки, и попросила выпить его до дна. Я исполнила ее просьбу, все еще пребывая в странном, сумеречном состоянии. Машинально положила руку на кобуру с пистолетом «ТТ» и поняла, что его нет на месте. Девушка испуганно взглянула на меня и начала объяснять: мол, оружие мне обязательно вернут, но позже.

– Мой пистолет! Немедленно! – я рывком поднялась с постели.

– Люда! Люда! Остановись! – оказывается, Пишел-Гаек стоял недалеко. – Что ты собираешься делать? Зачем тебе пистолет?

– Это мое табельное оружие. Оно всегда должно быть при мне.

– Ты прежде всего успокойся.

– Думаете, хочу покончить жизнь самоубийством? – я, наверное, говорила слишком громко. – Нет, этого не будет! Этого они не дождутся. Фрицы сейчас дорого заплатят за его смерть. Я сведу с ними счеты…

Короче говоря, после небольшого скандала «тотошу» отдали, и я, ласково погладив рубчатую рукоять, вложила тяжелый пистолет в кобуру, застегнула ее на петельку. Комбат Дромин разрешил мне остаться в госпитале, возле тяжелораненого мужа. Ночью Алексей то бредил, то терял сознание, то приходил в себя, с трудом улыбался и говорил мне что-то ободряющее. К середине дня 4 марта все было кончено. Он умер у меня на руках.

Похороны состоялись на следующий день на Братском кладбище. Присутствовали все офицеры 54-го полка, свободные от дежурств, командир полка майор Матусевич, военком Мальцев, многие бойцы из второй роты и весь мой взвод полностью. Матусевич сказал короткую, но яркую и красочную речь. Потом с младшим лейтенантом Киценко попрощались его подчиненные. Когда гроб опускали в могилу, раздались залпы прощального салюта из винтовок и автоматов. Офицеры салютовали выстрелами из пистолетов, но я так и не смогла достать свой «ТТ». Мальцев спросил меня, почему я не салютую. Честное слово, иногда наши политработники проявляют удивительную душевную черствость, и отвечать им искренне

невозможно. Вероятно, мои слова прозвучали дерзко:

– Не артистка я, чтобы в воздух стрелять. Мой салют будет по фашистам. Обещаю уложить не меньше сотни, а то и больше…

Конечно, истина заключалась в другом. Я не хотела смириться с уходом любимого мужа. Он пока оставался рядом, я чувствовала это. Израненное тело Лени легло в севастопольскую землю, но добрая, отзывчивая душа пока не находила приюта. Не следовало мне прощаться с ним выстрелами из оружия, которое мы оба одинаково любили. Оно давно стало для меня священной вещью. Страна и армия дали его мне для защиты, для нападения, для веры в собственные силы в тот момент, когда потребуется сделать последний выбор: или мгновенная смерть, или долгий позор.

Однако моя жизнь после похорон Алексея Киценко изменилась.

Вернувшись в наше земляное жилище, я провела в нем три бессонные ночи. Затем попыталась взять в руки снайперскую винтовку и поняла, что не могу ее держать: так сильно у меня дрожали руки. Пришлось отправиться в медсанбат, к врачу-невропатологу. Он поставил диагноз: реактивный невроз – и предложил провести две недели в госпитале, регулярно принимая настойку из корня валерианы и какое-то лекарство с раствором брома. В лечебном заведении, расположенном в штольнях Инкермана, было тихо, спокойно и… очень скучно. Но ко мне приходили Федор Седых, теперь получивший звание старшего сержанта, и Володя Волчков, ставший сержантом. На ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ со дня смерти нашего командира роты мы решили поехать на Братское кладбище, навестить Алексея.

Кладбище находилось в четвертом секторе обороны. Из нашего третьего сектора туда вели три дороги, одна из них – асфальтированная. Немцы не раз бомбили ее, но наши саперы снова и снова приводили в порядок эту важную транспортную магистраль, поскольку на территории кладбища располагался штаб коменданта четвертого сектора и одновременно – командира 95-й стрелковой дивизии полковника Александра Григорьевича Капитохина. Армейские автомашины туда ходили часто, найти попутную не составило труда.

Братское кладбище, обнесенное довольно высокой стеной из крымбальского камня с чугунными воротами и привратными пирамидальными башнями, издали походило на крепость. Здесь обрели покой тысячи участников первой обороны города, среди них – 30 генералов и адмиралов. Защитников Севастополя хоронили на нем не только во время боевых действий, но – согласно указу государя императора и по их завещанию – много

лет после, до 1912 года. Этот великолепный воинский мемориал украшал храм во имя Святого Николая-чудотворца, тоже пирамидальный и с чудными мозаиками внутри. Нынче храм стоял без креста, с проломленной крышей. Раньше наши держали на нем пост корректировки артиллерийского огня. Фашисты, узнав о том, прямым попаданием снаряда разрушили старинную церковь.

Захоронения советских солдат и офицеров находились у северо-восточной стены кладбища, за холмом. Мы вошли в некрополь через южные ворота и начали медленно подниматься по центральной его аллее к пирамидальному храму, что стоял на холме. Восемь дней назад у меня не было ни сил, ни времени, чтобы рассматривать роскошные памятники из белого и черного мрамора, гранита и диорита, расположенные по обеим сторонам аллеи. Теперь мы никуда не спешили и остановились в самом начале аллеи, у красивой беломраморной колонны с каннелюрами, увенчанной бюстом человека в шинели, надетой поверх мундира. Ниже бюста двуглавый орел, высеченный из мрамора, держал в лапах круглый щит с надписью: «Хрулеву – Россия». Генерал Хрулев, герой первой обороны, лично водил в атаки пехотинцев Забалканского, Севского и Суздальского полков при защите Малахова кургана. Солдаты штыковым ударом не раз обращали французов и англичан в бегство.

Этим погожим мартовским днем мраморный Хрулев с вершины колонны грустно смотрел на посетителей кладбища. За его памятником в братских могилах лежали тысячи и тысячи защитников города, чьи имена неизвестны. Но к ним создатели памятника обращали такую надпись: «Сомкните теснее ряды свои, храбрецы беспримерные, и героя Севастопольской битвы окружите дружески в вашей семейной могиле!»

Мы пошли по аллее дальше. Надгробия здесь создавали, наверное, лучшие скульпторы, архитекторы, художники. Они использовали для своих творений мрамор, гранит, литье с причудливыми орнаментами. Вопреки разрушительной силе времени металл сохранил имена, чины, должности, даты рождения и смерти героев первой обороны.

Ничего подобного пока не существовало на площадке за церковью Святого Николая, отведенной под захоронения второй обороны. Аккуратно насыпанные холмики земли с фанерными звездами тянулись вдоль серой стены. Могила младшего лейтенанта 54-го стрелкового полка Алексея Аркадьевича Киценко все-таки от них отличалась. Звезду и столбик под ней густо покрыли красной краской, надпись сделали более пространной: «Родился 08.10.1905, умер от ран 04.03.1942 года».

Рядом лежал обрубок дерева. Мы сели на него, рассматривая весь печальный ряд. Кое-где земля уже высохла и осыпалась, отчего холмики утратили прежние очертания, но кое-где она еще траурно чернела.

Я положила на могилу зеленые ветки можжевельника, потом достала из брезентовой противогазовой сумки краюху хлеба и раскрошила его у столбика со звездой, чтобы птицы сюда прилетали чаще. Федор вытащил флягу с разведенным спиртом, налил его в металлический стаканчик и тоже поставил к звезде. После этого мы сами выпили по глотку этого обычного фронтового напитка и надолго задумались.

«Покойся с миром!» – я могла бы повторить слова, часто встречавшиеся на старинных памятниках Братского кладбища. Скрепя сердце, я прощалась с моим возлюбленным. Надо вернуться на огневые рубежи и снова приступить к солдатскому делу с хладнокровием, терпением, железной выдержкой.

В полку меня ждала почта. Письма прислали сестра Валентина, мать, отец, сын. Я села писать ответы на их послания:

«Дорогая, любимая Ленуся!

За девять месяцев впервые я получила от вас письма (2 – Валюшкиных, твои, Моржинки и папы). Сегодня пишу каждому из вас. Ленуся, разве можно передать всю мою радость! Тебе трудно, но, роднуся, ты у нас в тылу, это самое главное. Ленуся, ты не можешь себе представить, что такое война современная. Как, моя роднуся, я переживала из-за тебя! На днях вышлю тебе справку, что я – в армии, это улучшит немного материально. Теперь разреши о себе. Я – старший сержант, снайпер, мой счет 257. На днях получила грамоту от Военсовета армии и Диплом. Представлена к боевому ордену Ленина. Вот и все. Правда, на армейской Доске почета была первой. Вот, Ленуся, и все, ну а эпизоды потом, после войны. Сейчас не время заниматься мемуарами. За это время, то есть с 6/VIII и до сих пор все время на передовой огневой. Сейчас я – инструктор снайперского дела. Посылаю тебе вырезку из газеты и свою карточку. По-моему, больше не надо. Твоя дура-Люда становится еще дурней от радости, что ты, моя роднуся, у нас в глубоком тылу. Ленуся, мне ничего не надо, у нас все есть. Ведь нас кормит народ. У меня, роднусь, большое несчастье, 5/III похоронила Леню. Его уже со мной нет. Ничего, Ленусь, буду воевать сама. Трудно смириться, но им горжусь. Это был прекрасный человек, каких мало. Три раза он спас, мамуля, меня, спасти на войне – это спасти по-настоящему. Ну, Ленусь, об этом пока что говорить, точнее, писать не буду. Сия вещь еще больная…»[24]

Трогательным было письмо сына. Он сообщал новости своей

школьной жизни. За диктант по русскому языку у него «отлично», за устный ответ по арифметике – «хорошо» Но больше всего ему нравится учебник «Родная речь» и в нем – рассказ про полководца Александра Васильевича Суворова. Так повелось издавна: русские всегда побеждают врагов Отечества. Несколько раз перечитав короткие предложения на разлинованном листе бумаги, заполненном каллиграфическим почерком Моржика, я задумалась. Надо что-то рассказать десятилетнему мальчику о той войне, которая идет сейчас на территории родной страны. Это небывалая, невиданная по своей беспощадности война, развязанная на уничтожение нашего народа. Не напугать бы маленького человечка, не внушить бы ему страх, неподобающий будущему солдату…

На рубежах обороны под Севастополем по-прежнему царило относительное затишье. Но снайперы работали с полной нагрузкой, и командование СОР, отдавая должное их вкладу в борьбу с оккупантами, решило провести слет сверхметких стрелков для обмена опытом. Мы собрались 16 марта 1942 года, в понедельник.

Красный кумачовый транспарант висел над сценой. Белые большие буквы на нем гласили: «Привет снайперам – стахановцам фронта!» Под транспарантом на сцене за столом сидели важные персоны: командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, член Военного совета флота дивизионный комиссар И.И. Азаров, член Военного совета армии бригадный комиссар М.Г. Кузнецов. Они слушали доклад о развитии снайперского движения в Севастопольском оборонительном районе, который делал исполняющий обязанности начальника штаба Приморской армии генерал-майор В.Ф. Воробьев.

Доклад был честный, правильно рисующий ситуацию. Начал его Воробьев несколько поэтически. Генерал сказал, что пришла весна, и ночи, увы, сделались короткими. Это плохо для защитников города, так как его снабжение осуществляется в основном по морю, на судах Черноморского пароходства и кораблях Черноморского флота. Они приходят в Севастополь ночью, разгружаются у пристаней Южной бухты, незамеченные вражеской воздушной разведкой. Теперь таких возможностей будет меньше, и при господстве фашистской авиации в воздухе следует ожидать новых трудностей с подвозом боеприпасов, вооружения, продовольствия, людского пополнения.

Противник же готовит третий штурм Главной военно-морской базы. По данным разведки, численность Одиннадцатой германской армии возросла и достигает примерно двухсот тысяч

человек, то есть в два раза больше, чем число советских бойцов и командиров на позициях у города. К своим огневым рубежам фрицы постоянно транспортируют новые орудия и минометы. Количество их может приблизиться к внушительной цифре в две тысячи стволов. А у нас – всего 600 исправных единиц артиллерии. В Крым перебазируется Восьмой воздушный корпус под командованием известного аса – генерала фон Рихтгофена, и у немцев в распоряжении будет около семисот самолетов против наших девяноста боевых машин.

Обращаясь к аудитории, которую составляли человек сто пятьдесят, то есть лучшие из лучших солдат севастопольской пехоты, имевшие на боевом счету не менее сорока уничтоженных вражеских солдат и офицеров, генерал-майор Воробьев говорил откровенно:

– Фрицев стало больше. Значит, их надо убивать в большем количестве, чтобы хоть как-то уравнять шансы атакующих и отбивающих атаки. По нашей статистике обычному солдату требуется 8—10 патронов для нейтрализации одного противника, а снайперу – только 1–2 патрона… Дорогие товарищи, имейте в виду, что боеприпасов теперь будет поступать меньше, а потому их надо экономить и тратить с большей результативностью. Командование Севастопольского оборонительного района призывает вас не только по-стахановски, ударно самим работать на огневых позициях, но и учить меткой стрельбе других бойцов. Пусть каждый из вас подберет себе группу из десяти-пятнадцати подопечных и за короткий срок обучит их. Мы со своей стороны обещаем снабдить их винтовками с оптическим прицелом…

От имени снайперов на слете первой выступала я, так как имела самый большой счет уничтоженных гитлеровцев – 257. Сказала о том, что нам дали почетное звание стахановцев фронта, и это звание надо оправдывать высокими результатами в стрельбе, надо брать новые обязательства, и лично я обязуюсь довести свой счет до трехсот фашистов.

Второе место в негласном соревновании занимал главстаршина 7-й бригады морской пехоты, командир взвода автоматчиков Ной Адамия со счетом в 165 человек. По происхождению грузин, он окончил перед войной Одесское военно-морское училище, служил на Черноморском флоте. Волнуясь, Ной говорил с сильным кавказским акцентом, очень темпераментно. Он доложил присутствующим, что уже обучил основам меткой стрельбы около восьмидесяти бойцов, но намерен и дальше продолжать эту работу. Впоследствии он довел свой счет до 200 фашистов и пропал без вести в боях на Херсонесском маяке в начале июля 1942 года. Потом ему

посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Ефрейтор из 456-го полка НКВД, ныне входившего в состав 109-й стрелковой дивизии, бывший пограничник Иван Левкин смог рассказать о 88 убитых им врагах. Его однополчанин и тоже ефрейтор Иван Богатырь – о 75. Иван особенно отличился потом, при последнем штурме Севастополя, когда, будучи раненным, он в течение пяти часов на огневом рубеже возле поселка Балаклава отбивал атаки противника из пулемета. За этот подвиг ему было присвоено звание героя Советского Союза.

Снайперы – молчуны и бойцы-одиночки, говорить хорошо они не умеют. Выступления других участников слета прозвучали несколько однообразно. Они сообщали о своих достижениях, брали на себя повышенные обязательства, рассказывали кое-что о собственных методах маскировки на местности, борьбы с немецкими меткими стрелками, ухода за оружием в условиях крымской зимы и весны. Сверхметкие стрелки как будто боялись переступить некий порог в обращениях к начальству. Генерал-майор Петров, лучше вице-адмирала Октябрьского знавший положение на сухопутных рубежах обороны, решил перевести разговор на другие, более конкретные темы.

– Товарищи снайперы! Как истинные патриоты вы готовы бить оккупантов всегда, везде, повсюду. Но какие просьбы и пожелания вы имеете? Чем командование Севастопольского оборонительного района может вам помочь в вашей нужной для фронта работе? Говорите честно, открыто, не стесняясь. Для того мы и собрали слет, чтобы обсуждать не только успехи, но и трудности…

С таким пожеланием, вызвавшим оживление в зале, снайперы ушли на обед. Интендантская служба не ударила в грязь лицом и угостила их овощным салатом, ухой из свежевыловленной кефали, гуляшом и компотом. Естественно, сто фронтовых грамм водки к этому меню прилагались. Так что дальнейший разговор получился более деловым. Снайперы начали рассказывать о своей окопной жизни без утайки.

Например, огорчало их то, что не ко времени выдают им маскировочные средства: в октябре – зеленый халат, когда уже нужен коричневый, а бронированные щитки, способствующие их защите на позициях, зачастую валяются без употребления на армейских складах… Хорошо бы снабдить сверхметких стрелков простейшими баллистическими таблицами, которые не пугали бы начинающих своим научным видом, и при выходе в рейд – сухим пайком с какими-нибудь кислыми соками, утоляющими жажду лучше, чем простая вода… Также есть у снайпера мечта – единоначалие, поскольку в некоторых военных частях им

распоряжаются все, кому не лень. Выходит, что люди, обученные сложному ремеслу, роют блиндажи и траншеи, стоят в боевом охранении, работают ездовыми и даже… поварами, поскольку это – их первая военно-учетная специальность… При наступлении не надо отправлять снайпера в атаку вместе со строевым составом роты, ведь на его винтовке даже нет штыка… Лучше быть ему на заранее выбранном, скрытом рубеже и оттуда вести огонь по пулеметным гнездам противника… Неужели непонятно, что снайпер нуждается в отдыхе больше, чем обычный пехотинец? Раз в неделю дайте ему увольнение на сутки, пусть хотя бы отоспится где-нибудь в тылу, сердешный…

Генерал-майор Петров, не торопясь, заносил в блокнот все предложения.

Потом выступил с завершающей речью и ответил многим, сказав, что для претворения в жизнь просьб и пожеланий потребуется работа разного рода. Выдать сухой паек, отпустить в увольнение – очень просто. Но отредактировать баллистические таблицы, заново отпечатать их – задача, для решения которой нужна не одна неделя. Заставить отдельных военачальников понять, что снайпер – специалист особого рода, тоже сразу не удастся. Однако попробовать можно. Кстати говоря, снайперский слет, устроенный сегодня, – один из способов поднять престиж этой воинской профессии в глазах всей Приморской армии.

Закончилась наша встреча несколько необычно и даже весело. Перед снайперами выступила с концертом фронтовая бригада Всесоюзного гастрольно-концертного объединения. Звучала классическая музыка в исполнении струнных инструментов, народная – в исполнении дуэта баянистов, популярные песни, стихи советских поэтов, юмористические рассказы, а под конец всех удивил своими фокусами артист С. Бобровский…

Весь март, апрель и май 1942 года наши войска и войска противника пребывали на своих прежних рубежах, больших изменений тут не происходило. Снайперы, почувствовав заботу и внимание со стороны командования СОР, работали с большим энтузиазмом. В газете «Красный Черноморец», которую регулярно доставляли нам на позиции, в рубрике «На подступах к Севастополю» ежедневно публиковались отчеты об их достижениях, так же как и о количестве вражеских самолетов, сбитых зенитчиками и летчиками 6-го гвардейского истребительного полка.

Вот мои записи той поры: за 31 марта советские снайперы уничтожили 32 немецких солдата и офицера; за 3 апреля – 18; за 4 апреля – 26; за 6 апреля – 25; за 7 апреля – 26; за 8 апреля – 66;

за 9 апреля – 56; за 10 апреля – 108; за 11 апреля – 53; за 14 апреля – 55; за 15 апреля – 50; за 18 апреля – 83; за 19 апреля – 65. Всего за 30 дней апреля снайперы отправили на тот свет 1492 фашиста. А за первые десять дней мая – 1019…

Севастопольцы не унывали и с надеждой смотрели в будущее.

К майским праздникам жители навели порядок в своем разоренном полугодовой осадой городе. По призыву Городского комитета обороны они устроили несколько субботников: расчистили дворы, сожгли мусор, собравшийся на улицах за зиму, засыпали землей и камнями воронки от снарядов и бомб, разобрали завалы, закрыли досками и фанерой выбитые окна на первых этажах домов, покрасили заборы и скамейки в скверах и парках, побелили стволы деревьев, починили дороги и тротуары.

Согласно приказу генерал-майора Петрова, снайперы теперь получали увольнение раз в неделю на сутки, и я часто приезжала в Севастополь, видела, с каким старанием люди его восстанавливают. Чистотой и опрятностью он стал походить на тот, довоенный прекрасный южный город, отличавшийся от прочих какой-то особой военно-морской щеголеватостью. Моим любимым местом для прогулок был Приморский бульвар. Оттуда открывался чудесный вид на бухту и далее – на открытое море. Дорожки на бульваре расчистили от обломков деревьев, разбитых бомбами, посыпали свежим морским песком, на клумбах посадили цветы: маргаритки, незабудки, виолу, – отремонтировали деревянные скамейки и павильоны. Дивно смотрелся каменный мостик с драконами и знаменитый памятник затопленным кораблям недалеко от зацементированного пирса.

Приехав в город, фронтовики также имели возможность сходить в баню, посетить столовую, парикмахерскую, часовую мастерскую, фотоателье и на Главпочтамте отправить телеграмму родным. Работал кинотеатр, где днем устраивали три сеанса и демонстрировали советские довоенные художественные фильмы, а также – кинохронику.

Все это очень обнадеживало. Несмотря на частые бомбежки и артобстрелы (к ним, как ни странно, мы привыкли), у нас в полку поговаривали о том, что к Севастополю скоро двинутся советские воинские части, которые будут наступать со стороны Керченского полуострова. Приморская армия тоже нанесет удар по врагу, и таким образом фрицы, попав в клещи, будут разбиты, осада с города снята.

Надо сказать, что основания для таких предположений существовали. Еще в январе 1942 года наши войска (6 стрелковых дивизий, 2 бригады и 2 полка, всего до 42 тыс. чел.) высадились на востоке полуострова, оттеснили немцев на сто километров,

освободили Керчь и Феодосию, создав Крымский фронт. Ему противостояли части Одиннадцатой германской армии (до 25 тыс. чел.).

Однако в дальнейшем события развернулись совсем не так, как ожидали доблестные защитники Севастополя. Ранним утром 8 мая 1942 года фашисты перешли в наступление на Керченском полуострове. Они не имели численного превосходства, но сосредоточили силы на одном, довольно узком участке фронта, и добились успеха. В этом была немалая вина командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова и представителя Ставки армейского комиссара первого ранга Л.З. Мехлиса, которые вовремя не разгадали замыслов врага, не вели должным образом разведку, а затем и вообще утратили оперативное управление войсками. Части 51-й и 47-й армий начали беспорядочное отступление на восток, к Керченскому проливу. К середине мая гитлеровцы заняли Керчь, потом весь Керченский полуостров. Наши потери были большими: несколько десятков тысяч человек убитыми, ранеными, попавшими в плен. Немцам достались немалые трофеи: более трехсот танков, четыреста самолетов, почти три с половиной тысячи орудий и минометов.

Разгром Крымского фронта означал, что третий штурм Севастополя неизбежен.

Скоро мы почувствовали это на себе. С 20 мая вражеская авиация приступила к массированным налетам на Главную военно-морскую базу Черноморского флота. Ежедневно в небо поднимались сотни «юнкерсов» и «мессершмиттов». Они обрушивали на город тысячи бомб. Машины с черными крестами на крыльях находились над Севастополем постоянно. Одна группа бомбардировщиков сменяла другую. Советская авиация (примерно сто боевых самолетов) не могла противостоять им. Летчики и так работали на пределе своих возможностей, совершая по шесть-семь вылетов в день. Их аэродром на Херсонесском маяке находился под обстрелом дальнобойной немецкой артиллерии, от разрывов крупнокалиберных снарядов там горели самолеты, гибли люди.

Сам город превратился в огромный костер, сплошное море огня и дыма. Тому способствовала сильная жара: до 40 градусов по Цельсию, – и полное отсутствие воды из-за разбитого немцами водопровода. Кроме того, за несколько дней фашисты разбомбили все крупные, ранее уцелевшие здания. Городские кварталы, особенно – центральные, прилегающие к берегам бухт, стали руинами. Одни дома рухнули на месте, другие обгорели и стояли, как огромные почерневшие коробки без крыш и окон.

У нас, на рубежах третьего сектора обороны, тоже было горячо.

Пожалуй, самым губительным был огонь тяжелых минометов, а их, согласно позднейшим исследованиям, фрицы расставили по фронту в количестве 20 стволов на один километр. Артиллерийских орудий привезли еще больше: из расчета 37 стволов на один километр. Эта мощная огневая обработка нашего переднего края продолжалась со 2 до 6 июня 1942 года. Однако больших потерь в людях 25-я Чапаевская дивизия не понесла, так как ее бойцы и командиры прятались в глубоких блиндажах и специальных укрытиях, которые мы называли «лисьими норами».

Но, вероятно, в штабе Одиннадцатой армии полагали, будто после такой акции русские будут если не уничтожены, то деморализованы и сопротивления наступающим частям вермахта не окажут. Фрицы, как всегда, ошиблись.

Третий штурм города начался 7 июня 1942 года в четыре часа утра. Ураганный обстрел артиллерии и массированный налет авиации продолжался около шестидесяти минут. Можно было подумать, что в окрестностях Севастополя произошло извержение вулкана. Столбы дыма, гарь от пожаров, поднятая взрывами вверх земля – все это образовало над нашими позициями огромное черное облако. Яркое летнее солнце едва виднелось сквозь него. Рев авиационных моторов, грохот разрывов сопровождал вражескую огневую подготовку и звучал какой-то немыслимой, безумной какофонией.

Около пяти часов утра германская пехота при поддержке танков и самоходных орудий пошла в наступление на передний край защитников города.

Давно не видела я – со времени одесской обороны – подобной картины.

Жаркий июньский день только начался. Легкий ветерок уносил клочья черного дыма, земля и пыль понемногу оседали. В тишине, наступившей после адского грохота, в долине реки Бельбек двигались вперед, урча моторами, танки. За ними густыми цепями. выпрямившись во весь рост, шагали солдаты, раздетые до пояса. Там были и группы стрелков и с винтовками Маузера, и группы автоматчиков, вооруженные пистолетами-пулеметами «МР-40». Расстояние между нами, «разинцами», по приказу командиров занявшими окопы, и фашистами сокращалось, но пока не превышало 600 метров.

– Психическая атака? – спросил Федор Седых, который стоял рядом со мной в снайперском окопе, замаскированном разломанным на несколько кусков стволом дуба.

– Осмелели, сволочи, – я, приложив к глазам бинокль,

рассматривала шеренги.

Оптика показывала серые, искаженные гримасами лица, крепко сбитые, еще не загорелые тела. Хорошо кормленные, отлично обученные, неистощенные тяготами длительной осады, настоящие «имперские немцы» были недавно переведены под Севастополь из Донбасса, из состава германской Семнадцатой армии. Об этом доносила наша разведка, ходившая через линию фронта за «языками». Теперь отборные солдаты Адольфа Гитлера – передо мной. Они шагали, спотыкаясь о камни, переговариваясь, задевая друг друга плечами, иногда перебрасывая с руки на руку винтовки. В их поведении я видела некую странность и вскоре поняла, что фрицы – нетрезвы.

Вчера вечером, прикидывая, каким может быть расклад сил при фронтальном наступлении врага на нашем участке, я решила, что взять с собой на огневой рубеж снайперы должны «СВТ-40». В моем взводе их уже насчитывалось двенадцать штук. Сама я проверила и снова почистила свою именную самозарядную винтовку Токарева. Пришло время услышать ее громкий голос. Он все равно потеряется в треске пулеметных очередей, в залпах минометов и полковых орудий калибра 45 мм и 76 мм.

Наш окоп находился на правом фланге, впереди основной линии, по соседству с пулеметчиками. Часть взвода располагалась на левом фланге, несколько человек – вместе с пехотинцами в общей траншее. Задача снайперов – быстро выбить из шеренг офицеров и унтер-офицеров, затем перенести огонь на пулеметные гнезда противника и его минометные расчеты.

Фашисты маршировали к нам, и мы взялись за свои винтовки, лежавшие на бруствере. Я присоединила к «свете» коробчатый магазин, сняла кожаные колпачки с окуляра оптического прицела и заглянула в него, чтобы узнать дистанцию. Простейшим снайперским правилам я давно научила новобранцев и требовала, чтобы они запомнили их, как «дважды два»: если выравнивающая, или горизонтальная, нить прицела закрывает фигуру двигающегося человека до колен, – это 250 метров; если до пояса, это – 400 метров; если до плеч, это – 600 метров; если полностью, это – 750 метров. Конечно, существовали и другие, более точные способы определения расстояния от стрелка до цели по базе оптических прицелов «ПЕ» и «ПУ», но тогда следовало составлять уравнение, и многим красноармейцам такие математические действия просто не по плечу. Ничего, сегодня они справятся, ибо самое главное – слушать командира.

Теперь взводом командовал старший сержант Федор Седых, а я с середины мая сего года числилась инструктором снайперского дела при штабе 54-го полка. Задачи были прежними: заниматься

обучением меткой стрельбе недавно прибывших красноармейцев, следить за состоянием их оружия, принимать новое, пристреливать его, консультировать командиров подразделений по тактике снайперской войны, раз в две недели собирать сверхметких стрелков для обмена опытом и учебных стрельб, готовить снайперские рейды на нейтральную полосу и в тыл противника, которые так хорошо у нас получались в период стабилизации фронта. Но с этого дня о рейдах, кажется, придется забыть. Оккупанты начали штурм, и судя по тому, что сейчас происходит в долине реки Бельбек, намерения у них серьезные.

В окуляр прицела попал человек, шагающий на левом фланге шеренги с пистолетом в руке. Ясно, что это – офицер, самая подходящая мишень для фронтового снайпера. Расстояние уже изменилось и достигает 500 метров. Пусть подойдет поближе. Его голова – уже в перекрестье прицела. Моя правая рука свободно лежит на шейке приклада, указательный палец – на спусковом крючке. Небольшое усилие, гремит выстрел, винтовка отдает в плечо, а человек с пистолетом падает.

Как будто услышав сигнал, огонь открыла наша артиллерия: 69-й и 99-й гаубичные артполки, дивизионы 905, 52 и 134-го гаубичных артполков. Артиллеристы подбили сразу несколько танков, затем нанесли удар по пехотным шеренгам. Вместе с ними начинали громить врага и крупнокалиберные орудия батарей береговой обороны. Снова черный дым поднялся к небу, но сей раз артналет устроили русские, и от атакующей колонны ничего не осталось. Первый приступ немцам не удался. Зря они рассчитывали, что защитники Севастополя потеряют присутствие духа от действия их самолетов и пушек.

На поле горело четыре вражеских танка, остальные уползли на исходные позиции. Тела убитых полураздетых солдат белели среди пожухлой травы и тех черных прогалин, где она выгорела от взрывов. Но тишина длилась недолго. Появились «Юнкерсы–87», или так называемые «лаптежники». Они сбросили на наши позиции несколько десятков бомб и, пикируя, поливали «разинцев» огнем из крыльевых пулеметов. Бойцы попрятались в «лисьи норы». Примерно через час, приведя в порядок отступившие части и пополнив их новыми подразделениями, командование 50-й и 132-й немецких дивизий снова двинуло пехотные цепи на пологий северный склон Камышловского оврага. Мы с Федором вернулись в окоп, взялись за наши самозарядные винтовки.

Я предложила Федору Седых испробовать другой вариант ведения боя: стрелять не в первую шеренгу, а во вторую и при этом метить врагам в живот. Пуля в эту часть тела – смертельное

ранение, но смерть наступает не сразу. Сделав несколько выстрелов, мы увидели, что эффект от них есть. Фашисты, корчась от боли, с криками и стонами падали на землю, просили о помощи. Солдаты первой шеренги начали оглядываться, сбиваться с ноги, останавливаться. Это вызвало замешательство также и у третьей шеренги. Атака, которую фрицы начали бодро и энергично, в конце концов захлебнулась. Этому, конечно, в немалой степени способствовали наши пулеметчики и минометчики. Они тоже вели прицельный огонь. К вечеру фашисты покинули поле сражения на нашем участке, и мы сосчитали тех, кто лежал на нем с пробитыми алюминиевыми пряжками на солдатских поясах. Таковых нашлось более двадцати человек.

Однако главный удар гитлеровцы наносили на два километра левее рубежей 54-го полка, на участке 79-й морской бригады и находящейся рядом с ней 172-й стрелковой дивизии. Там ситуация для советских войск складывалась гораздо хуже. Одна группа немецких танков, наступая по долине реки Бельбек, прорывалась на стыке этих двух воинских соединений, другая – выдвинувшись из Камышловского оврага, атаковала высоты, занимаемые бойцами 79-й бригады. Противник достиг некоторого успеха. К вечеру 7 июня в полосе главного удара немцы вклинились в нашу оборону на 1–2 километра.

Следующий день начался с вражеского артиллерийского и минометного обстрела. Затем нанесла удары гитлеровская авиация. В течение пяти часов не умолкала канонада. После этого, в 10 часов утра, немцы пошли в наступление по всему фронту Севастопольского оборонительного района, но наибольшая концентрация их сил приходилась на стык третьего и четвертого секторов, на 79-ю бригаду и 172-ю дивизию. Только теперь фрицы наступали не густыми цепями, а разбившись на группы, осторожно, под прикрытием танков, самоходок и бронетранспортеров.

В ходе этих ожесточенных боев наши части понесли значительные потери. Очень мало бойцов осталось в строю и в 79-й бригаде, и в 172-й дивизии, они были вынуждены отступить. Защитники Севастополя проявляли чудеса стойкости и героизма, но ощущали большой недостаток в боеприпасах. С середины мая из-за господства в воздухе немецкой авиации их доставка по морю из городов Новороссийска, Поти и Туапсе стала затрудненной. В июне боеприпасы, вооружение, продовольствие и маршевое пополнение в основном перевозили подводные лодки, грузоподъемность которых не позволяла обеспечивать все потребности оборонявшихся.

С рассветом 9 июня перед фронтом нашей Чапаевской дивизии вдоль шоссе, ведущего к железнодорожной станции «Мекензиевы горы», показались танки и колонны вражеской пехоты. В артиллерийских частях третьего сектора прозвучал сигнал под условным названием «Лев» – и все артполки и дивизионы открыли огонь по заранее пристрелянному рубежу. Большая часть танков была уничтожена, пехота обратилась в бегство…

Фрицы медленно, но настойчиво, как крысы, вгрызались в советскую оборону. Их цель состояла в том, чтобы прорваться на Северную сторону главной бухты и тем самым ударить в самое сердце города-героя, захватить его.

Последний раз я встретилась с ребятами из родного первого батальона на комсомольском собрании. Оно проходило 16 июня 1942 года под скалой в Мартыновском овраге. В руках противника уже находился весь Камышловский овраг и деревня Камышлы, железнодорожная станция «Мекензиевы горы», высоты 319,6—278,4—175,8, береговая батарея № 30, деревни Верхний и Нижний Чоргунь, Камары, некоторые другие населенные пункты из городских предместий. В районе Братского кладбища шли ожесточенные бои.

Комсорг полка Яков Васьковский коротко обрисовал обстановку на передовых рубежах. Он сказал, что за девять суток, прошедших со дня начала третьего штурма, в батальоне погибло две трети членов ВЛКСМ, состоявших на учете. Пополнения нет, снабжение боеприпасами, продуктами и водой все хуже. Скрывать нечего: судьба Севастополя предрешена. Но это не значит, что оккупанты будут весело маршировать по его улицам под музыку оркестра. «Разинцы» пойдут на самопожертвование и до конца исполнят свой воинский долг.

Мы слушали его молча. Смертельная усталость была на лицах молодых бойцов. Их изъеденные потом гимнастерки выгорели от нестерпимо жаркого солнца, бинты на ранах потемнели от пороховой гари. Они пришли сюда с оружием, прямо с огневых позиций. Комсорг обернулся ко мне, как к единственному здесь старшему сержанту, ожидая ответа на речь. Обсуждать что-либо не хотелось, ответ мог быть только один.

– Клянемся сражаться до последней капли крови! – сказала я.

– Клянемся! – как эхо, повторили за мной остальные.

Глава 13
Слово командарма

Удары вражеской крупнокалиберной артиллерии по объектам нашей обороны делались все точнее. Конечно, тут не обходилось без немецких корректировщиков. Они могли наводить свои орудия, поскольку фрицы заняли некоторые высоты, господствующие на местности. В свое время я уничтожила их человек двенадцать, прятавшихся на деревьях и на холмах, на вторых этажах зданий. Но теперь ничего не получалось. Слишком силен был огненный вал, направленный в сторону защитников Севастополя. Дошло до того, что гитлеровские летчики стали охотиться за одинокими прохожими и автомобилями на улицах разрушенного города, на дорогах, ведущих к переднему краю.

Артналет на штаб нашего полка начался внезапно. Снаряды падали кучно, и при третьем залпе один из них угодил в крышу блиндажа, где находилось несколько человек. Дым, грохот, свист осколков. Капитан Безродный погиб на месте от ранения в голову. Однако мне повезло: осколок сделал глубокий разрез на правой скуле, оторвал мочку правого уха, также от ударной волны произошло повреждение барабанной перепонки и общая контузия. Меня доставили в наш дивизионный медсанбат № 47. Замечательный доктор Пишел-Гаек в очередной раз наложил швы на мою фронтовую рану. На следующий день в медсанбат пришел приказ о подготовке партии раненых к эвакуации в Новороссийск, и мое состояние хирург нашел подходящим для такого путешествия.

В пятницу,19 июня, в Севастополь из Новороссийска пришли сразу пять подводных лодок. Они доставили в осажденный город 165 тонн боеприпасов, 10 тонн авиабензина, 10 тонн продовольствия. Обратно в Новороссийск подлодки тоже не уходили пустыми. На них в тыловые госпитали переправляли раненых. По крайней мере, одна из самых больших – «Л-4» («Ленинец-4») могла, по расчетам специальной комиссии ВМФ, взять на борт до ста человек. Построенная в 1933 году как подводный минный заградитель, она достигала в длину почти восьмидесяти метров, в ширину – семь метров. В 1942 году командовал ею капитан третьего ранга Поляков.

Именно «Л-4» ночью разгружалась в Камышовой бухте, и бойцам из Чапаевской дивизии предоставили на ней место. Так поздним вечером 19 июня я очутилась на пологом, степном, открытом всем ветрам берегу. Подводная лодка, спасаясь от

вездесущей германской авиации, весь день пролежала на дне. Она еще не всплыла, но раненых уже собралось много. Появление из морских глубин этого корабля сопровождалось радостными криками. Сначала в июньских сумерках все увидели довольно высокую рубку «Л-4», потом орудие калибра 100 мм, расположенное перед ней, потом весь корпус, узкий и длинный, напоминающий гигантскую сигару. Вода с плеском скатывалась с ее округлых бортов. Наконец открылись крышки обоих люков, и моряки-подводники вышли на металлическую палубу. Подлодка находилась посредине бухты. Подвозить к ней раненых собирались на моторном баркасе, пока причаленном к деревянной пристани. Главстаршина, широкоплечий, но небольшого роста, достал из кармана список и стал читать его, подсвечивая себе фонариком. Раненые выстроились в цепочку. Здесь находились те, кто мог передвигаться самостоятельно, и те, кому помогали санинструкторы и медсестры.

В баркас помещалось человек пятнадцать. Ему пришлось сделать несколько ходок, чтобы забрать с пристани всех. Море в Камышовой бухте оставалось спокойным, и мы довольно быстро перебирались с него на подлодку. Моряки помогали нам, провожали к открытому люку за рубкой. Далее по очень узкому трапу приходилось спускаться вниз, в шестой, кормовой отсек, где прямо на палубе расстелили пробковые матрасы. На них можно было лежать или сидеть, но ходить не рекомендовалось. Я устроила свой вещмешок около металлической переборки и осмотрелась. Помещение имело низкий потолок и скупо освещалось двумя лампами. Внизу, под нами негромко гудели дизельные моторы подлодки.

«Л-4» пробыла в походе трое суток.

Ночью она шла в надводном положении, днем погружалась на максимальную глубину. Но фашисты все равно заметили нашу лодку. Вражеские торпедные катера сбрасывали глубинные бомбы, самолеты – обыкновенные. Под водой их разрывы слышались хорошо и воспринимались как резкие удары по корпусу боевого корабля. Он вздрагивал, лампы в нашем отсеке мигали, то отключаясь, то вспыхивая вновь. Температура воздуха поднималась до 45 градусов тепла, дышать было нечем. Когда несколько раненых потеряли сознание, то всем раздали какие-то кислородные патроны. Они помогали людям продержаться до следующего вечера, когда подлодка всплывала, люки открывали, и свежий морской воздух проникал в ее узкие, похожие на пещеры, коридоры и кубрики.

На закате 22 июня 1942 года «Л-4», будучи в надводном положении, вошла в Цемесскую бухту. Город Новороссийск,

раскинувшийся по ее берегам на 25 километров, принял нас радушно. Раненых разместили в трех санитарных «полуторках» и повезли в госпиталь. Я всматривалась в линию морского горизонта, залитую розовым светом уходящего солнца, и думала о том, что происходит сейчас далеко отсюда, на огневых рубежах Севастополя, где остались мои однополчане, доблестные «чапаевцы». Я не знала тогда, что для меня это – последний день на войне.

Разрушенный гитлеровцами до основания, горящий город вел боевые действия против оккупантов. Оттуда в Новороссийск доставляли сотни раненых. Рейсы совершали лидер эсминцев «Ташкент», эсминцы «Безупречный», «Бдительный», сторожевой корабль «Шквал», базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», двадцать четыре подводные лодки. Но рассказы вывезенных на Кавказ бойцов не оставляли сомнений: Севастопольский оборонительный район может быть захвачен противником в ближайшее время. Я расспрашивала про 25-ю стрелковую дивизию, про 54-й полк, но никто не мог точно ответить на мои вопросы. Лишь однажды какой-то лейтенант с правой рукой, замотанной бинтами до плеча, сказал, что видел командира нашей дивизии генерал-майора Коломийца с солдатами в Инкермане, у левого берега реки Черной, где они готовились отбивать вражескую атаку. Я с трудом поверила ему. Ведь устье реки Черной, впадающей в залив, находилось у нас в глубоком тылу.

В субботу в палаты госпиталя, как всегда, принесли свежие газеты. На первой полосе «Правды» я прочитала сообщение Совинформбюро:

«По приказу Верховного командования Красной армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский народ с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 250 дней противник ожесточенно и беспрерывно атаковал город с суши и с моря. Отрезанные от сухопутной связи с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своем распоряжении аэродромов, а стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершали чудеса воинской доблести и геройства в деле обороны Севастополя. Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300 тысяч своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолетов. Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше приковать на Севастопольском участке фронта немецко-

фашистских войск и как можно больше уничтожить живой силы и техники противника..»

Для тех, кто, как я, получил ранение в ходе третьего штурма и сейчас долечивался в Новороссийске, слова «войска оставили Севастополь» звучали загадочно. Кроме трех бригад и двух полков морской пехоты, в обороне участвовали семь стрелковых дивизий. Если тысячи и тысячи бойцов и их командиры ушли из Севастополя, то куда они делись? Где штабы дивизий, тыловые части, медсанбаты, автотранспорт, артиллерия? Где строевые полки и батальоны? Северное Причерноморье, полуостров Крым – все захвачено немцами. Значит, они должны быть здесь, в Новороссийске, Поти, Туапсе. Но их никто не видел…

О том, что на поле возле Херсонесского маяка в начале июля 1942 года осталось около 80 тысяч защитников города, которые попали в плен к фашистам, официальных сообщений тогда не появилось. Эта трагедия Великой Отечественной войны долгое время замалчивалась. Мы, рядовые участники обороны, в разговорах между собой, естественно, пытались анализировать ее причины, искать объяснения (или оправдания?) действиям Ставки, командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Октябрьского (его вместе с несколькими другими генералами и старшими офицерами вывезли из пылающего города на самолете), командующего Приморской армией генерал-майора Петрова (вместе с членами своего штаба ночью ушел из Севастополя на подводной лодке и 4 июля прибыл в город Новороссийск).

Существовал ли в Главном штабе ВМФ план эвакуации войск СОР из Крыма на побережье Кавказа, разработанный до этих печальных событий? Мог ли он быть выполнен в условиях тотального господства вражеской авиации в воздухе?

В памяти была жива операция по переброске многотысячной Приморской армии из Одессы в Крым, блестяще осуществленная в октябре 1941 года. Но многое изменилось с тех пор в расстановке сил в Причерноморье. Немцы потопили немало наших судов и кораблей (крейсер, четыре эсминца, четыре крупных транспорта, две подводных лодки). Например, крейсер «Червона Украина», краса и гордость Черноморского флота, затонул после нападения фашистских бомбардировщиков в Южной бухте Севастополя 12 ноября 1941 года. Известный мне теплоход «Жан Жорес» подорвался на магнитной мине 16 января 1942 года в районе Феодосии. Теплоход «Армения», имевший на борту более пяти тысяч раненых и эвакуированных, 7 ноября 1941 года недалеко от Ялты попал под удар немецкого самолета-торпедоносца, разломился и пошел ко дну со всеми

пассажирами…

Правда, у нас вполголоса говорили и о том, что в подземельях 35-й бронебашенной береговой батареи, последнем прибежище старших командиров, они перед отправкой на Большую землю вели себя по-разному. Вице-адмирал Октябрьский никаких угрызений совести не испытывал. А вот генерал-майор Петров, как военачальник, осознавший размеры катастрофы, постигшей его войска, пытался застрелиться из пистолета. Помешал ему член Военного совета Приморской армии дивизионный комиссар Чухнов.

Я в это верю.

После первой встречи с генералом осенью 1941 года в селе Дальник под Одессой впечатление о нем у меня сложилось самое благоприятное. Показалось, будто Петров напрочь лишен той заносчивости и надменности, свойственной некоторым начальствующим в РККА лицам, очень демократичен и заботится о красноармейцах не на словах, а на деле. Все мы были для него как родные дети. Помню, что в Севастополе, желая отметить рядовых участников обороны, проявивших массовый героизм при отражении второго немецкого штурма, он отдал приказ отпечатать десять тысяч почетных грамот и на каждой лично поставил свой автограф. Потом их вручали бойцам в ротах и батальонах.

Понять характер Ивана Ефимовича, пожалуй, лучше всего смог корреспондент газеты «Красная звезда», знаменитый военный писатель и поэт Константин Симонов, посетивший генерал-майора на командном пункте 25-й Чапаевской дивизии:

«Петров был человеком во многих отношениях незаурядным. Огромный военный опыт и профессиональные знания сочетались у него с большой общей культурой, широчайшей начитанностью и преданной любовью к искусству, прежде всего – к живописи. Среди его близких друзей были превосходные и не слишком обласканные в те годы официальным признанием живописцы. Относясь с долей застенчивой иронии к собственным дилетантским занятиям живописью, Петров обладал при том своеобразным и точным вкусом.

По характеру он был человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестким. Однако при всей своей, если так можно выразиться, абсолютной военности он понимал, что в строгой военной субординации присутствует известная вынужденность для человеческого достоинства, и не жаловал тех, кого приводила в раж именно эта субординационная сторона военной службы… Храбрость его была какая-то мешковатая, неторопливая, такая, какую особенно ценил в людях Лев Толстой.

Да и вообще в повадке Петрова было что-то от старого боевого кавказского офицера, каким мы его представляем себе по русской литературе XIX века…»

Никак не думала, что судьба подарит мне встречу с командармом снова, и эта встреча будет иметь особое значение. Между тем она произошла совершенно случайно, в комендатуре города Новороссийска, куда я явилась со справкой из госпиталя о выздоровлении. Генерал сам окликнул меня. Я обернулась. С первого взгляда внешний вид Ивана Ефимовича меня огорчил. Он был мрачен, казался безмерно уставшим, однако пожал мне руку, улыбнулся, стал расспрашивать, кто еще из бойцов и командиров бывшей Чапаевской дивизии здесь находится. Петров сообщил, что самой дивизии больше не существует. Она погибла под Севастополем, ее штабные бумаги сожжены, печати закопаны где-то на берегу Камышовой бухты, знамена утоплены в море. От такой новости у меня даже слезы на глаза навернулись. Генерал посмотрел на меня внимательно:

– Вспоминаешь однополчан?

– Как не вспомнить, Иван Ефимович? – ответила я, платком вытирая слезы. – Ведь сколько дней под огнем вместе стояли.

– Давно ранена?

– Нет, в середине июня. Контузия, осколок по щеке и половина уха долой.

– Что дальше? – он присмотрелся к моему шраму, еще заметному на щеке.

– На фронт, товарищ генерал-майор. Как все.

– Людмила, а у тебя есть мечта? – вдруг спросил командарм совсем не по– военному, тихим, домашним голосом. – Говори, не стесняйся.

– Мечта, конечно, есть, – я вздохнула. – Только как ее теперь исполнить? Полк разгромлен, командиры погибли, документы сгорели…

– Так какая мечта, товарищ старший сержант?

– Самая обыкновенная. Я хочу стать офицером.

– То есть получить воинское звание младшего лейтенанта? – уточнил он.

– Да. Мне кажется, я его заслужила, – почему-то в тот момент я решила говорить с Петровым абсолютно откровенно. – Я хочу продолжать службу в армии. Я люблю военное дело и хорошо стреляю. За этот трудный год я научилась командовать людьми, думать о них в бою, отвечать за них. Кроме того, я с фашистами еще не рассчиталась за гибель моих боевых друзей, за смерть ни в чем не повинных мирных жителей. Гитлеровцев надо наказать за все, что они сотворили на нашей земле…

– Хорошая у тебя мечта, – задумчиво произнес Петров. – Она мне очень нравится. Но ты ошибаешься, думая, что ее нельзя исполнить…Через три дня я уезжаю из Новороссийска в Краснодар, в штаб Северо-Кавказского фронта. Главнокомандующий маршал Буденный просил меня представить ему комсомольцев – героев Севастопольской обороны. Ты поедешь со мной. Все нужные бумаги подготовит начальник штаба Приморской армии генерал-майор Шишенин. Он находится здесь. Не сомневаюсь, что маршал охотно подпишет приказ о присвоении звания «младший лейтенант» старшему сержанту Людмиле Павличенко в награду за ее подвиги при защите города от немецко-фашистских оккупантов…

На следующий день группа комсомольцев-севастопольцев была сформирована. Мы получили документы, новое обмундирование и вместе с командармом на самолете отправились в Краснодар, где нас поселили в гостинице крайкома партии. Мы с волнением ждали встречи с легендарным героем Гражданской войны Семеном Михайловичем Буденным, гадали, как пройдет эта встреча, думали, о чем нас будет спрашивать главнокомандующий и что мы должны рассказать ему.

Прием в штабе Северо-Кавказского фронта прошел очень сердечно и совсем неформально. Зная о славных подвигах командира Первой Конной армии, совершенных в борьбе с белогвардейцами, мы предполагали увидеть какого-то былинного сурового богатыря. Но вышел к нам человек лет шестидесяти, среднего роста и крепкого телосложения, бодрый, приветливый, с добродушной улыбкой, которая пряталась в его пышных усах.

Петров по очереди представлял молодых участников обороны: двух пулеметчиков, трех артиллеристов, минометчика и четырех пехотинцев, к числу коих относилась и я. Буденный каждого коротко расспрашивал, потом пожимал руку, говорил какие-то хорошие слова, в основном – благодарил за стойкость и мужество, проявленные в боях, и вручал награды.

Я тоже ощутила крепкое пожатие руки старого кавалериста. С доброй, веселой улыбкой он посмотрел на меня и спросил:

– Каков боевой итог на сегодня, старший сержант?

– Триста девять уничтоженных фашистов, товарищ маршал.

– Молодец, Людмила! Отлично стреляете. Весомый вклад внесли в защиту города.

– Служу Советскому Союзу! – ответила я.

– Право слово, такой красавице и лейтенантские «кубари» будут к лицу, – сказал, чуть наклонившись ко мне, Семен Михайлович. – Так же, как орден Ленина.

– Спасибо, товарищ маршал!

Обтянутая алым бархатом коробочка и орденская книжка очутились у меня. Трудно подобрать слова, чтобы описать охватившие меня в ту минуту чувства. Бешеная радость, восторг, волнение. Орден Ленина, учрежденный в 1933 году, относился к числу высших наград СССР. Его вручали за особо выдающиеся заслуги, и то, что мои скромные достижения командование оценило таким образом, вызывало одновременно и гордость, и смущение. Вспоминались те, кто вместе со мной храбро воевал на огненных рубежах Одессы и Севастополя, но не дожил до сего светлого дня.

Мой орден с портретом-медальоном В.И. Ленина, изготовленным из платины, имел номер 7606. Прикреплять его следовало к гимнастерке с левой стороны при помощи штифта и специальной гайки. Лишь с июня 1943 года орден стали носить на пятиугольной колодке, обтянутой муаровой красной лентой с двумя желтыми полосками по краям.

Листок с отпечатанным текстом приказа по войскам Северо-Кавеказского фронта за № 0137 от 16 июля 1942 года гласил: «От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество – НАГРАЖДАЮ орденом Ленина старшего сержанта Павличенко Людмилу Михайловну, снайпера 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии. Командующий войсками Северо-Кавказского фронта Маршал Советского Союза С. Буденный. Начальник штаба Северо-Кавказского фронта Генерал-майор Захаров. Член Военного Совета Северо-Кавказского фронта Адмирал Исаков. За начальника и военкома отдела кадров Северо-Кавказского фронта Старший батальонный комиссар Косиков. Отп. 4 экземпляра»[25].

Приказ о присвоении мне звания «младший лейтенант» тоже датируется 16 июля 1942 года. Но формальное превращение в офицера произошло на армейском складе вещевого довольствия военнослужащих. Оно доставило мне немало удовольствия. Гимнастерка – не солдатская хлопчатобумажная, а из габардина полушерстяного, с малиновыми петлицами на воротнике, тонко окантованными золотым шитьем, с кубиком из красной эмали в середине петлицы и с пехотной эмблемой – две скрещенные винтовки – в углу. Не пилотка, выгоревшая под нестерпимым крымским солнцем, а фуражка с малиновым околышем и черным лакированным козырьком. Шинель не из толстого невальцованного сукна, а из драпа. И сапоги, конечно, не кирзовые, а хромовые. Ремень с плечевой портупеей и кобурой для пистолета – с командирской латунной пряжкой в виде

пятиконечной звезды.

Встал вопрос и о месте дальнейшего прохождения службы.

Я придерживалась старинной армейской пословицы: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Все равно, куда откомандируют. Опять же, армейская присказка: «Меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют». Уже начиналось новое немецкое наступление, и цель его определилась: Сталинград. Но в кадровом управлении Северо-Кавказского фронта на мою офицерскую карьеру смотрели иначе. Я получила назначение на должность командира снайперского взвода в 32-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Откровенно говоря, испугалась не на шутку, стала объяснять, что высоты боюсь с детства, у меня голова от нее кружится, и тем более – прыгать с парашютом не умею.

– Да вы так не волнуйтесь, Людмила Михайловна, – вежливо сказал мне лощеный молодой капитан, сидевший за столом, заваленном бумагами. – Приказ о формировании 32-й гвардейской дивизии ВДВ получен буквально на днях. Летать вам никуда не придется. Потому что транспортных самолетов у нас не хватает… При нынешней ситуации воздушно-десантные соединения – просто наша отборная, самая лучшая пехота…

– Стало быть, без самолетов?

– Абсолютно.

– И где эта дивизия?

– Поедете в Московский военный округ. Там в августе начнут формировать восемь новых воздушно-десантных корпусов, используя для сохранения секретности те же организационные обозначения, что и раньше. Вам понятно?

– Так точно, товарищ капитан.

– Зайдите в соседнюю комнату. Вам полагается получить нагрудные знаки «Гвардия», как вы теперь командир взвода в гвардейской части, и «Снайпер», который установлен в мае этого года для награждения особо отличившихся сверхметких стрелков…

Интересное получалось совпадение. В Москву на доклад к Сталину собирался лететь и генерал-майор Петров. Он сказал мне об этом на приеме в штабе Северо-Кавказского фронта, который завершился небольшим угощением для награжденных орденами и медалями бойцов-комсомольцев. Тогда я поблагодарила Ивана Ефимовича за все, что он сделал для меня. Слово, сказанное в нужное время и в нужном месте, может иметь вес значительный. Генерал-майор лишь улыбнулся. Его серые глаза за стеклами пенсне показались мне не такими усталыми и печальными, как в день нашей встречи в Новороссийске. Постепенно боль утраты

отступала, теряла свою остроту. Мы должны были думать о новых битвах с врагом, который по-прежнему топтал русскую землю. Но мы не знали, доведется ли нам снова воевать вместе. Наверное, это было неважно. Севастопольская эпопея связывала всех, кто участвовал в ней, какими-то незримыми, но неразрывными узами.

Глава 14
Московские звезды

Прожив в Киеве, столице Украины, без малого десять лет, я полагала, будто и Москва, столица СССР, похожа на него. Однако Москва с первого взгляда показалась мне совершенно иной: большой, величественной, строгой. Сила и мощь огромной страны словно бы нашли в ней точное воплощение. Улицы и площади в центре города удивляли своими изрядными размерами, здания – своей высотой и особой, внушительной архитектурой.

Не так уж и давно – всего полгода назад – у стен Москвы разыгралось грандиозное сражение. Красная армия вела здесь оборонительные бои с 30 сентября по 5 декабря 1941 года и наступательные – всю зиму 1942-го, вплоть до апреля. Гитлеровцы планировали захватить нашу столицу с ходу, но при первом наступлении потерпели неудачу. Затем они разработали операцию под кодовым названием «Тайфун», при которой предполагали тремя ударами мощных танковых группировок расчленить оборону советских войск, окружить их и уничтожить. Этот план не удался, хотя противник имел численное превосходство, много танков, орудий и самолетов. Ценой огромных потерь ему удалось в конце ноября – начале декабря 1941 года выйти к каналу имени Москвы в районе города Яхрома, форсировать реку Нара около Наро-Фоминска, подойти к Кашире. Но затем по фрицам нанесли сокрушительный удар наши воинские соединения. Уже в декабре они освободили несколько населенных пунктов: Рогачев, Истру, Солнечногорск, Клин, Калинин, Волоколамск.

Помню, как мы в Севастополе с нетерпением ждали сводок с Московского фронта. Первые известия о разгроме немецко-фашистских войск у стен столицы вызвали бурную радость и дали нам уверенность в том, что германскую военную машину побеждать можно. При фашистском штурме Главной военно-морской базы Черноморского флота, начавшемся утром 17 декабря, защитники города, отбивая яростные атаки, говорили между собой о том, что надо действовать по примеру москвичей. Этот пример нас воодушевлял.

Теперь враг отступил от стен столицы, но прифронтовая обстановка здесь еще сохранялась. Я видела зенитные орудия, установленные в скверах, на перекрестках улиц. По дороге встретилась команда аэростатного заграждения. Бойцы

удерживали на длинных веревках огромный аэростат, похожий на какое-то доисторическое животное. Витрины и окна домов были крест-накрест заклеены широкими полосами белой бумаги, а некоторые здания (например, Большой театр) имели маскировочную раскраску, которая искажала их размеры, позволяла сливаться с городским пейзажем.

Путь мой лежал на Маросейку, в Центральный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи. В просторном вестибюле в глаза бросились необычные для административного помещения предметы: ящики с песком, лопаты, ломы, щипцы для зажигательных бомб. Ими вооружались бойцы противопожарной обороны, которые по ночам дежурили на крыше дома. Охрана попросила предъявить документы, и я достала из нагрудного кармана гимнастерки комсомольский билет.

Секретариат Центрального комитета занимал четвертый этаж. В приемной первого секретаря уже собрались для беседы молодые участники севастопольской обороны, как и я, награжденные и прибывшие в Москву из Краснодара, по направлению штаба Северо-Кавказского фронта. Нас принял Николай Михайлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, человек лет тридцати пяти, кареглазый, темноволосый, симпатичный и очень обаятельный. Он поздравил нас с благополучным прибытием в столицу, сел вместе с нами за длинный стол в собственном, довольно большом кабинете и начал разговор.

Беседу первый секретарь вел умело.

Скоро севастопольцы совсем освоились и начали сами говорить о недавних событиях на Крымском полуострове. Михайлов слушал их внимательно, задавал вопросы, иногда шутил, иногда рассказывал байки из комсомольской жизни. В общем, встреча протекала в непринужденной и дружеской обстановке. Пришла и моя очередь выступать. Не собиралась я делиться воспоминаниями о собственных подвигах, но хотела отдать дань памяти тем моим однополчанам, кто погиб в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Это были лейтенант Андрей Воронин, поднявший в атаку нашу роту под Татаркой, командир первого батальона капитан Иван Иванович Сергиенко, отличившийся в кровопролитных боях на Ишуньских позициях, младший лейтенант Алексей Киценко (я назвала его снайпером), доблестный старший сержант пулеметной роты, кавалер ордена Красного Знамени Нина Онилова, которая умерла от ран 7 марта 1942 года в севастопольском госпитале.

Кажется, мое выступление понравилось Михайлову.

Кстати говоря, он был опытным партийным работником и

пропагандистом. Начав трудовую биографию в 16 лет чернорабочим, Николай Александрович затем перешел на завод «Серп и Молот», где трудился вальцовщиком, потом вступил в ряды ВКП(б), стал писать статьи для заводской многотиражной газеты. С 1931 года он уже работал журналистом, сначала – в газете «Комсомольская правда», после того – в газете «Правда». На должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ его выдвинули в 1938 году и говорили, что это выдвижение одобрил сам И.В. Сталин, который высоко ценил его организаторский талант и преданность делу построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

Встреча закончилась вполне традиционно: вручением ценных подарков. Но ко мне Михайлов обратился с просьбой. Он сказал, что речь у меня литературная, правильная, голос громкий, материал (то есть события обороны) я знаю отлично, и потому он предлагает мне послезавтра поехать на митинг на завод «Компрессор», где надо будет так же просто, честно и образно рассказать молодым рабочим, как развивались события под Севастополем.

– Никогда не выступала на митингах и делать этого не умею, – ответила я.

– Людмила, не скромничайте. Я слушал вас с большим интересом.

– Ну, так то здесь, в кабинете…

– Ничего, привыкните. Задатки оратора у вас есть. Людям надо рассказывать об этой ужасной войне. Только рассказ должен обязательно быть оптимистичным…

Не скажу, что предложение Михайлова пришлось мне по душе. Однако, как многие из уцелевших в боях фронтовиков, я испытывала чувство вины перед теми своими однополчанами, кто сгинул в адском огне. Называя их имена снова и снова, я как будто возвращала этих героев из небытия. Ведь те, о ком помнит народ, на самом деле живы…

На службе дела тоже складывались неплохо. Посетив городскую комендатуру, я получила там талоны на сухой паек и на поселение в общежитие Наркомата обороны на улице Стромынка. Там мне выделили комнату в 16 квадратных метров. Затем я представилась новому начальству в 32-й гвардейской дивизии ВДВ. Меня направили в учебный центр снайпером-инструктором. В моем подчинении находилась группа из тридцати солдат, уже отобранных в подразделениях дивизии по результатам стрельб в учебном отряде. Предстояло в течение месяца обучать их основным приемам меткой стрельбы, читать краткий курс баллистики и маскировки на местности, три раза в неделю проводить занятия на стрельбище, расположенном на

территории центра.

При всем при том в большом городе Москве я была совершенно одна. Никаких родственников, друзей, знакомых. Лишь встречи с Михайловым случались более или менее регулярно. Приходилось вместе с ним, на его машине, с его шофером выезжать на разные общественные мероприятия. Николай Александрович уже не скрывал своей симпатии ко мне. Только меня это вовсе не радовало. Я жила воспоминаниями о погибшем супруге. В моем сердце никто не мог стать вровень с милым, незабвенным Леней, лежавшем на Братском кладбище в захваченном врагами Севастополе.

Прибегая к иносказаниям, я объяснила Михайлову, что не должно младшему лейтенанту отвечать на ухаживания генерала, то есть первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и лучше бы нам остаться друзьями, если он действительно хочет сохранить таковую дружбу. Очень удивился моим словам любимец товарища Сталина. Но как показали дальнейшие события, его дружеское отношение ко мне и впрямь имело место, сыграло свою решающую роль…

На службе я тоже держалась замкнуто, ни с кем никогда не кокетничала, на обычные офицерские посиделки не оставалась и спешила вернуться в свою комнату в общежитии. Здесь предавалась своим печальным размышлениям, читала и перечитывала любимый роман «Война и мир», писала письма в Удмуртию. Маме жаловалась на страшную тоску и просила ее приехать в Москву хотя бы на месяц. Старшую сестру Валентину спрашивала о здоровье моего драгоценного Моржика и его учебе в школе.

Однако вскоре Михайлов внес в мою жизнь некоторое разнообразие.

В кабинете первого секретаря и по его представлению произошло мое знакомство с Борисом Андреевичем Лавреневым, классиком советской литературы, автором романов, повестей, рассказов, пьес и сценариев фильмов, демонстрировавшихся в довоенное время на экранах нашей страны. Лавренев сообщил мне, что Главное управление политической пропаганды РККА, точнее – его отдел информации и печати – находит нужным издать брошюру о снайпере Людмиле Павличенко в популярной серии «Фронтовая библиотека краснофлотца». Он взялся за написание этого очерка, для чего и желает побеседовать со мной.

Конечно, имя Бориса Лавренева я знала, читала его интересную повесть «Сорок первый» и даже видела фильм по ней, снятый в 1927 году режиссером Яковом Протазановым. Однако оба персонажа этого фильма: диковатая фабричная девчонка

Марютка, боец красногвардейского отряда, и ее пленник, утонченный интеллигент, любитель книг, поручик царской армии Говоруха-Отрок – а также весь конфликт между ними – показались мне несколько надуманными. Вопрос о том, как поступить с врагом, пытающимся бежать, мог занимать настоящего стрелка не более полминуты. Он решался просто – нажатием указательного пальца на спусковой крючок винтовки.

Теперь передо мной стоял человек лет пятидесяти, высокого роста, полноватый, в круглых очках с железной оправой, в сером костюме из твида. У него была красивая седая шевелюра. Лавренев окинул мою фигуру пристальным взглядом и небрежно сказал, что видит во мне точное повторение героини из его повести «Сорок первый», девушки по имени Марютка, и потому хорошо понимает мой характер. Если я отвечу сейчас на несколько его вопросов, то очерк будет готов через неделю, а там и сдан в печать. Брошюра выйдет в ноябре 1942 года. Так все обо мне узнают, а это очень приятно.

Было от чего разозлиться. Во-первых, я – не глупая фабричная девчонка, а студентка Киевского государственного университета, кроме того – офицер Красной армии. Во-вторых, ситуации принципиально разные: эта дура втюрилась в своего поручика и, судя по тексту повести, стала его любовницей, для меня же фрицы всегда оставались лишь мишенями и никаких чувств не вызывали. В-третьих, ничего приятного в том, что мое имя и биография станут известны тысячам незнакомых мне людей, я не нахожу. В-четвертых, опыт общения с литераторами и журналистами у меня имеется, и он – отрицательный. Пусть о ком-нибудь другом напишет уважаемый Борис Андреевич. Героев, сегодня смело и мужественно защищающих Отечество, у нас много.

Знаменитый писатель, не ожидавший такого отпора, растерялся.

Возможно, обветшалые образы Гражданской войны довлели над ним и мешали объективно воспринимать реальность. В 1920–1921 годах поручик артиллерии Борис Сергеев (Лавренев – его литературный псевдоним) вовремя перешел из белой Добровольческой армии на сторону красных, воевал в закаспийских степях с басмачами и даже командовал бронепоездом. Потом вместе с писателями К. Треневым и Вс. Ивановым он стал создателем жанра героико-романтической революционной драмы. Но мало революционно-романтического было в событиях нынешнего противостояния нашего народа и германского фашизма с его многочисленными европейскими союзниками…

Я полагала, что мое знакомство с Борисом Андреевичем на том закончится. Однако Лавренев проявил настойчивость. Он пожаловался на мое несносное поведение в Главное управление политической пропаганды РККА. Там обещали принять меры и приняли их, то есть передали мне строгий приказ начальника Главупра генерал-полковника А.А. Щербакова, а Лавреневу сообщили номер телефона общежития Наркомата обороны. Писатель позвонил, я согласилась на новую встречу.

Брошюру «Людмила Павличенко» Б.А. Лавренев написал, она вышла в свет в конце 1942 года в Военно-морском издательстве НКВМФ Союза ССР. Несколько раньше, в августе, тот же текст он предложил редакции газеты «Известия», которая опубликовала его в № 209 (7895) за 5 сентября 1942 года под аналогичным названием. Процитирую отрывок из начала этого произведения:

«…Утро было теплое, погожее июльское утро. Небо над старыми деревьями бульвара на площади Коммуны сияло чистое и синее, как в Крыму. Мы ушли в боковую аллею и сели на скамью. Она сняла пилотку. Ветер шевелил пушистые, видимо, мягкие, как у ребенка, коротко стриженные волосы. Дымная прядка их колыхалась над чистым, выпуклым девичьим лбом. Лицо тонкое, нервное, дышало выражением порывистой неутоленности, глубокой страстности характера. Его лучше всего могли определить лермонтовские строки:

Он знал одной лишь думы власть,

Одну, но пламенную страсть.

Лицо это говорило о хорошей цельности человека, о характере, способном только на прямое действие, не признающем никаких компромиссов, никаких сделок с собой. Темные карие глаза с золотой искрой сидели под узкими бровями. Они казались даже хмурыми. Но спустя минуту они засветились жизнерадостностью, такой детской прозрачностью, что как будто осветили все кругом:

– Ладно. Что вспомню – расскажу…»

Это – наиболее правдивая часть очерка.

В остальном писатель переплетал отдельные факты из моей биографии с собственными выдумками и цитатами из Большой Советской энциклопедии, пересказывая историю Украины. Например, он не сообщил, когда и как я поступила в Красную армию. Зато в брошюре появилось красочное описание бомбежки Киева, которую я видеть не могла, поскольку в июне 1941 года находилась в Одессе, а также – трогательный разговор с матерью, в то время уже отправившейся на поезде в эвакуацию в

Удмуртию. Много внимания он уделил… конфликту с учителями в школе № 3 города Белая Церковь (чего никогда не было) и объяснил это хулиганскими наклонностями моего характера. Кроме того, Лавренев неправильно указал даты моего поступления на завод «Арсенал», в Киевский университет, в двухгодичную Снайперскую школу, но придумал, будто я, окончив ее, спрятала диплом и забыла о нем, так как… не любила военное дело, а всю жизнь мечтала изучать историю своей родной Украины.

Данная фантасмагория, имевшая тираж пятьдесят тысяч экземпляров, быстро разошлась по стране. Коллеги Лавренева, сотрудники центральных и местных газет и журналов, сочиняя свои статьи, потом использовали ее как сборник достоверных сведений обо мне. Я бы сравнила всю эту историю с тем кривым зеркалом из сказки Андерсена «Снежная королева», что разбилось вдребезги, и кусочки его, вредно искажавшие действительность, попали в разные города и веси.

Впрочем, не надеясь на именитых писателей и их экзотические фантазии, Главное Политическое управление РККА прислало ко мне двух рядовых работников пропаганды. Они сообщили, что есть решение кроме брошюры издать еще и сто тысяч листовок с моим портретом и призывом, обращенным ко всем бойцам Красной армии: «Бей врага без промаха!» Текст листовки они сочинили сами, поговорив со мной минут тридцать. Он очень простой, но понятный, мои мысли и чувства в целом передает верно:

«Смерть немецким оккупантам!

Доблестный снайпер Людмила Михайловнва ПАВЛИЧЕНКО.

Верная дочь Ленинско-Сталинского комсомола, она вступила в ряды Красной армии добровольцем в первые дни Великой Отечественной войны.

Огнем своей винтовки Людмила Павличенко уничтожила под Одессой и Севастополем 309 немцев.

“Это – самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьешь, то беды потом не оберешься”, – написала она однажды своей матери.

Высокое воинское мастерство и отвага Людмилы Павличенко вдохновляют на подвиги тысячи снайперов Красной армии – стахановцев фронта.

Воины Красной армии! Истребляйте врагов так же беспощадно, как истребляет их Людмила Павличенко!

БЕЙ ВРАГА БЕЗ ПРОМАХА!

Когда я проходила по улицам Севастополя, меня всегда останавливали ребятишки и деловито спрашивали:

– Сколько вчера убила?

Я обстоятельно докладывала им о своей работе снайпера. Однажды мне пришлось им честно сказать, что я уже несколько дней не стреляла по врагам.

– Плохо, – в один голос сказали ребятишки.

А один, самый маленький, сурово добавил:

– Очень плохо. ФАШИСТОВ НАДО УБИВАТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Он верно сказал, этот маленький суровый севастополец. С того памятного дня, когда фашистские разбойники ворвались в мою страну, каждый прожитый мною день был наполнен одной лишь мыслью, одним желанием – убить врага.

Когда я пошла воевать, у меня была только злость на немцев за то, что они нарушили нашу мирную жизнь, за то, что они напали на нас. Но то, что я увидела потом, породило во мне чувство такой неугасимой ненависти, что ее трудно выразить чем-нибудь иным, кроме как пулей в сердце фашиста.

В отбитой у врага деревне я видела труп тринадцатилетней девочки. Ее зарезали фашисты. Мерзавцы – так они демонстрировали свое умение владеть штыком! Я видела мозги на стене дома, а рядом – труп трехлетнего ребенка. Немцы жили в этом доме. Ребенок капризничал, плакал. Он помешал отдыху этих зверей. Они даже не позволили матери похоронить свое дитя. Бедная женщина сошла с ума…

Ненависть многому учит. Она научила меня убивать врагов. Я – снайпер. Под Одессой и Севастополем я уничтожила из своей снайперской винтовки 309 фашистов. Ненависть обострила мое зрение и слух, сделала меня хитрой и ловкой, ненависть научила маскироваться и обманывать врага, вовремя разгадывать его хитрость и уловки. Ненависть научила меня по нескольку суток терпеливо охотиться за вражескими снайперами.

Ничем нельзя утолить жажду мести. Пока хоть один захватчик ходит по нашей земле, я буду думать только об одном: убить врага. И только об одном буду говорить своим друзьям по борьбе, своим согражданам: убей фашиста! Снайпер младший лейтенант Людмила Павличенко. Издание Главного Политического Управления РККА, 1942 год»[26].

…Моя жизнь в Москве шла своим чередом, и 3 августа 1942 года я встретила на Казанском вокзале свою маму Елену Трофимовну Белову. Чтобы она смогла приехать в столицу, требовался особый пропуск, и я подала рапорт о том командованию дивизии. Пропуск выдали, я переслала его в село Вавож Удмуртской АССР. После долгой разлуки Ленуся со слезами на глазах обнимала меня на перроне и говорила, что я очень изменилась и повзрослела. Я заранее попросила у

командира легковую машину, и наше путешествие от вокзала до общежития на улице Стромынка прошло с изрядной скоростью. Комната Ленусе понравилась, хотя туалет и душ находились в конце коридора. Но в селе Вавож они жили в холодной хате-развалюхе, с колодцем во дворе, не смея мечтать об улучшении бытовых условий. А в общежитии на кухне имелись краны с горячей и холодной водой. Мама отнеслась к этому достижению цивилизации как к великому чуду и искренне ему радовалась.

Теперь я знаю, что в тот самый день произошло событие, круто изменившее мою армейскую карьеру.

Именно 3 августа 1942 года посол США в Советском Союзе господин Аверелл Гарриман передал Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину телеграмму от президента Франклина Делано Рузвельта, в которой сообщалось, что со 2 по 5 сентября в Вашингтоне пройдет Всемирная студенческая ассамблея, где ведущее место должны занять делегации четырех союзных держав: Соединенных Штатов Америки, Советского Союза, Великобритании и Китая. Президент США выражал пожелание увидеть на ассамблее советскую студенческую делегацию в составе двух-трех человек, лучше всего – участников боев с немецкими фашистами.

На столе в кабинете Председателя Государственного Комитета обороны, которому нынче подчинялись все учреждения в стране, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и народного комиссара обороны бывало много разных бумаг, требующих незамедлительного его решения. Телеграмма Рузвельта с приложенным к ней русским переводом ждала своего часа. Только вечером Сталин перечитал ее снова и задумался над тем, что предлагает американский президент. Посланиями они обменивались довольно часто. Например, две недели назад в Кремле получили письмо союзников с отказом открыть в этом году второй фронт против Германии в Западной Европе.

Это было крайне неприятное известие.

Летом 1942 года обстановка на фронтах для Красной армии складывалась тяжелая. В первых числах июля пал Севастополь, и Крым оказался полностью захваченным немцами. Освободившиеся силы они собирались бросить на Кавказ, чтобы захватить нефтяные промыслы. Кроме того, фашисты планировали занять плодородные районы Дона и Кубани, Нижней Волги. На Сталинград уже наступала Шестая германская армия под командованием генерал-полковника Паулюса.

А союзники вознамерились собрать в Северной Америке какую-то Всемирную студенческую ассамблею с целями, пока

Верховному Главнокомандующему неясными. Видимо, у них иных важных забот нет.

О чем может говорить молодежь, тем более – советская, в такие суровые и тревожные дни? Только о борьбе с фашизмом, об объединении усилий всего прогрессивного человечества против агрессора, развязавшего кровавую бойню на полях Европы. Тут можно и нужно задать вопрос о втором фронте. Если эта тема будет поднята на студенческой ассамблее, то тогда – пожалуйста…

Сталин потребовал уточнить повестку дня данного американского мероприятия. Из Вашингтона ответили: да, будет принята декларация, призывающая студентов, как самую передовую часть молодежи, выступить против нацизма. Далее последовало согласование условий пребывания советской делегации в США, обсуждение маршрута ее поездки, ведь добираться до Северной Америки можно было только на самолете и окружным путем, через Иран, Египет и Атлантический океан. Тут усиленно работали сотрудники Народного комиссариата иностранных дел.

В Главном политическом управлении РККА тем временем торопливо пересматривали сотни анкет студентов, призванных на службу. Представлялось совершенно невозможным в течение одной недели найти и вызвать кого-либо из дальних фронтовых частей. Решили ограничиться Московским военным округом. Свое веское слово сказал и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов. У него кандидатуры имелись. Он настаивал на том, что в США могут поехать не только военнослужащие, но и комсомольские работники, поскольку на ассамблее придется четко проводить линию Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

В конечном счете состав делегации определился:

Николай Красавченко, ее руководитель, секретарь по пропаганде Московского городского комитета комсомола, член ВКП(б), двадцать шесть лет, участник партизанского движения (чуть не попал в плен к немцам под Смоленском, но сумел перейти линию фронта).

Владимир Пчелинцев, старший лейтенант, Герой Советского Союза, член ВЛКСМ, двадцать три года, бывший студент 3-го курса Горного института в Ленинграде, ныне – преподаватель Центральной школы инструкторов снайперского дела (ЦШИСД) в городе Вешняки под Москвой.

Людмила Павличенко, младший лейтенант, кавалер ордена Ленина, член ВЛКСМ, двадцать шесть лет, бывшая студентка 4-го курса Киевского университета, ныне – командир снайперского

взвода в 32-й гвардейской дивизии ВДВ.

Как мне потом рассказывал Михайлов, предложение о включении в состав делегации женщины обсуждалось больше всего. На заседании секретариата ЦК ВЛКСМ выступали и противники этой идеи (женщинами управлять трудно), и сторонники ее (если красивая, то представит СССР наилучшим образом). Николай Александрович, который внес мою фамилию в список, жестко отстаивал свое решение. Но последнее слово было, конечно, за Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Михайлов поехал в Кремль, на доклад с подробными анкетами, фотографиями, служебными характеристиками членов делегации. Верховный Главнокомандующий не спеша перелистал все три папки, задержал в руках мою и спросил первого секретаря ЦК ВЛКСМ, уверен ли он в этом выборе. Михайлов подтвердил, что да, совершенно уверен.

Ни о чем таком не подозревая, я в тот день сменилась с суточного дежурства в штабе и улеглась спать. Дежурство выдалось беспокойным. Около одиннадцати часов вечера прибыли четыре грузовые машины с боеприпасами и относительно новым вооружением – пулеметами ДШК (Дегтярев-Шпагин-крупнокалиберный). Потребовалось организовать разгрузку, оформить документы, разместить команду сопровождающих в казармах.

Стук в дверь я услышала не сразу. Но он повторился, стал громче и настойчивее:

– Товарищ младший лейтенант, вас к телефону!

– Одну минуту.

Очень не хотелось вставать, надевать гимнастерку, идти на пост, расположенный в конце коридора, разговаривать с кем-то спросонья. Но служба есть служба, и в Московском гарнизоне она особенная: высокое начальство находится слишком близко.

– Людмила, как ты там поживаешь? – рокотал в телефонной трубке бас Николая Михайлова. – Давай ноги в руки и быстро ко мне, на Маросейку, в Центральный комитет.

– Зачем, Николай Александрович?

– Дело есть.

– А можно перенести его на завтра?

– Ты что городишь, младший лейтенант? Это – приказ товарища Сталина! Теперь каждый час на счету. Тебе ясно?..

В кабинете первого секретаря я застала двух молодых мужчин. Одного – рослого, кареглазого брюнета, одетого в цивильный костюм – Михайлов представил мне первым: Николай Красавченко, руководитель советской делегации, которая отправляется на Всемирную студенческую ассамблею в

Вашингтон. Второй, худой и длинный, как жердь, одетый в военную форму с тремя кубиками старшего лейтенанта на малиновых петлицах, был мне знаком. С Владимиром Пчелинцевым мы уже встречались в Вешняках, в снайперской школе, куда я приезжала по делам.

Теперь мы обменялись не очень-то дружелюбными взглядами. Владимир в феврале 1942 года за сто фрицев, уничтоженных на Ленинградском фронте, первым из снайперов в СССР получил звание Героя Советского Союза. Я за сто румын, убитых осенью 1941 года под Одессой, – именную снайперскую «СВТ-40». Он за двенадцать месяцев службы удостоился трех воинских званий: младшего лейтенанта, лейтенанта и старшего лейтенанта, при том, что счет его сейчас составлял 154 фашиста. Я, служа с июня прошлого года и имея 309 убитых гитлеровцев на счету, смогла выпросить у добрейшего Ивана Ефимовича Петрова только звание «младший лейтенант».

Вот что значат хорошие отношения с начальством, что в тылу, что на фронте!

Задуматься бы мне об этом раньше, не спорить резко с комбатом Дроминым, с командиром 54-го полка Матусевичем, с военным комиссаром Мальцевым, не дерзить бы генерал-майору Коломийцу и другим вышестоящим товарищам, объясняя особенности снайперской службы, защищая своих подчиненных, добиваясь лучшего для нашего взвода снабжения боеприпасами, вооружением, снаряжением. И вообще надо быть мужчиной, а не женщиной. Тогда бы не смотрел на меня столь высокомерно юный старший лейтенант с Золотой Звездой Героя Советского Союза на новеньком еще необмятом кителе.

Речь Михайлова, обращенная к нам, заставила мгновенно забыть обо всем. Оказывается, мы трое и есть та самая советская делегация, которая отправляется в США на Всемирную студенческую ассамблею, чье проведение назначено на 2–5 сентября сего года в городе Вашингтоне. Потому рано утром 14 августа, то есть послезавтра, мы вылетаем с аэродрома Внуково на транспортном самолете «Ли-2» в Соединенные Штаты через Ирак и Египет.

Честное слово, в первые минуты я не поверила собственным ушам, решила, что это – неуместная шутка, ибо Николай Александрович, будучи человеком веселым, любил пошутить. Кругом – война, разруха, смерть и кровь ни в чем не повинных людей, а британцы с американцами вместо того, чтобы по-настоящему помогать нашему государству, выдумывают какие-то странные развлечения.

Однако дальнейшие события убедили меня в том, что

делегация действительно сформирована и действительно полетит за океан. Из кабинета Михайлова мы довольно быстро переместились в кабинет заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александрова. Он устроил нам настоящий экзамен по истории партии и комсомола, интересовался деталями наших биографий и пребывания в РККА, участия в боях, нашими оценками текущей политики. Судя по всему, ответами товарищ Александров остался доволен.

Вторую половину дня мы тоже провели продуктивно. Нас принял Георгий Михайлович Димитров, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (Коммунистического Интернационала, международной организации, объединявшей рабочие и коммунистические партии заграницей). Знаменитый болгарский революционер, герой Лейптигского процесса в 1933 году, где он, безосновательно обвиненный в поджоге Рейхстага, сумел сам, превосходно владея немецким языком, стать обвинителем германского нацизма. В Советском Союзе знали Димитрова как убежденного борца за дело освобождения рабочего класса, преданного коммунистическим идеям.

Более трех часов продолжалась беседа Димитрова с нами. Он говорил о молодежных организациях, существующих в капиталистических странах, о классовой борьбе, о том, каким должно быть наше поведение на заседаниях Всемирной студенческой ассамблеи.

Вечером нас отвезли в Наркомат иностранных дел. Мы очутились в его подвальном помещении, похожем на огромный универмаг, только безлюдный. В витринах и на застекленных прилавках там лежали предметы мужского и женского туалета, в свободной продаже в Москве давно не встречающиеся.

Меня сопровождал молодой сотрудник, и мне было несколько неудобно при нем подбирать нужные вещи. Он же, ничуть не стесняясь, давал весьма разумные советы, и скоро оба больших чемодана, выданные мне тут же, наполнились доверху. Платья, блузки, юбки, английские жакеты, нижнее белье, чулки, носки, носовые платки, шляпки, перчатки и шарфики разных цветов и фасонов, даже обувь – все эти дали бесплатно, аккуратно упаковали и попросили расписаться в длинной ведомости.

Но этим дело не ограничилось.

Мы с Пчелинцевым являлись военнослужащими, и нас решили экипировать соответствующим образом. Так мы попали в экспериментальную пошивочную мастерскую Наркомата обороны на Фрунзенской набережной, в народе называемую «генеральским ателье». Если для Пчелинцева парадный мундир подобрали в течение часа, то со мной ничего у них не получалось. Женских

парадных кителей в ателье не было, сшить такую одежду за сутки не смог бы никто. Приняли решение переделать одну из генеральских гимнастерок из тонкого чистошерстяного габардина, сняли мерки и обещали доставить заказ прямо в ЦК ВЛКСМ завтра утром. Поскольку тут же находилась сапожная мастерская, то принесли и сапоги, очень красивые, со стоячими лакированными голенищами «бутылочкой», с модными квадратными носами. Но извечная проблема – большой размер. Пришлось согласиться на 37-й, меньшего они не шили.

Обувь для снайпера – серьезная вещь при его многокилометровых переходах. Но никогда прежде не было у меня таких удобных, легких сапог, облегающих ногу.

Погрешила бы против истины, не упомянув об особых консультациях, которые провели с нами сотрудники компетентных органов. Мы узнали много нового для себя о нынешней политике союзных держав, о государственном устройстве Соединенных Штатов, об их лидерах. Нам рассказывали, какие могут возникнуть ситуации, предупреждали о возможных провокациях (провокации и впрямь имели место, их пытались устраивать те, кто не желал сближения народов Советского Союза и Соединенных Штатов), советовали, как себя вести в подобных случаях. Кроме того, нам предоставили заранее подготовленные тезисы выступлений. Кое-что советовали запомнить, кое-что разрешили записать. Все это потом очень пригодилось в ходе нашего визита в США, Канаду и Англию.

Довольно сложным был вопрос о знании языка. Переводчиков делегации предоставят, в том никто не сомневался. Но лучше иметь хоть какие-то собственные познания, потому что возможны контакты – и они весьма важны – с простыми людьми на митингах. Николай Красавченко честно признался, что никакими языками не владеет. Владимир Пчелинцев в Горном институте изучал только немецкий. Я, вспомнив наши домашние занятия с мамой и хорошее преподавание иностранных языков в университете, сообщила, что английский язык немного знаю.

Из Наркомата иностранных дел привезли наши заграничные паспорта. Они выглядели красиво и солидно: продолговатой формы, в твердой обложке, оклеенной красным шелком с вытесненным гербом СССР, внутри – текст на русском и французском языках и маленькая фотография снизу. Мое семейное положение сотрудники Наркоминдела определили самостоятельно: «не замужем». Прилагалось и описание примет. Я узнала, что рост у меня средний, глаза карие, нос прямой, цвет волос – шатенка.

Кроме того, делегацию снабдили валютой: две тысячи

долларов каждому. Тогда это была вполне приличная сумма. Выдали ее мелкими купюрами, и толстая пачка зеленоватых американских денег с портретами президентов заняла много места в чемодане.

Все происходило слишком быстро, чтобы мы в полной мере могли отдать себе отчет в том, насколько сложно и необычно порученное дело. Нам не давали времени на размышления, и сильно растерянные от калейдоскопа внезапных событий, от увиденного и услышанного за последние часы, мы поздним вечером опять попали в здание ЦК ВЛКСМ на Маросейке и углу улицы Серова, на четвертый этаж, в кабинет Николая Михайлова.

Кажется, он единственный понимал, какие чувства нас обуревают, какие мысли бродят у нас в голове. Он заговорил о том, что мы – молоды, но мы – не дети, у нас есть военный опыт, а война – мудрый, хотя и жестокий учитель. Американцам, не ведающим о нынешней войне ничего, надо передать наши знания, наши представления о ней так, чтобы они поняли: схватка сейчас идет не на жизнь, а на смерть, за будущее всего человечества. Придумывать нам что-либо не придется. Главное для каждого из нас – быть самим собой. Конечно, это – испытание: внезапно очутиться в абсолютно чуждом мире. Но здесь, в Москве, сделали все возможное, чтобы хорошо подготовить к нему членов студенческой делегации.

В молчании мы выслушали его поучение.

Вероятно, следовало немедленно ответить первому секретарю ЦК ВЛКСМ, заверить, что не подведем, приложим все силы, высокое доверие оправдаем. Однако слова пока не складывались во фразы, и я задумчиво смотрела в окно на летнее московское небо: высокое, чистое, блистающее тысячами звезд. У нас на юге, в Причерноморье, небо ночью темнее, а звезды горят гораздо ярче. Сколько раз моя одинокая охота начиналась под ними! Сколько раз они освещали для меня извилистую тропинку в заколдованном крымском лесу!

– Людмила, хочешь задать вопрос? – раздался уверенный голос Михайлова.

– Нет. Но предупреждаю: неприятностей со мной не оберетесь.

– Глупости, товарищ младший лейтенант! – Николай Александрович весело рассмеялся. – Уж в твоем успехе я не сомневаюсь. Только будь такой, какая ты есть…

Михайлов пригласил нас на прощальный ужин. Это он правильно придумал: собрать за столом, в непринужденной, почти домашней обстановке участников заграничной поездки и их ближайших родственников. Из Вешняков привезли Риту, жену

Владимира Пчелинцева, из общежития на Стромынке – мою маму, а также – жену Красавченко, красивую молодую женщину по имени Надежда. Ужин был сервирован в его кабинете, скромно и просто. Водка и вино присутствовали. Главный комсомолец провозгласил первый тост. Вдруг у первого секретаря на столе зазвонил особенный, белый телефон с гербом СССР, отпечатанным в центре диска. Николай Александрович мгновенно схватил трубку и голосом, полным глубокого почтения, если не сказать страха, доложил:

– Михайлов у аппарата… Да, слушаю… Сейчас приедем…

Москва в первом часу ночи была пустынна и темна. Однако Боровицкие ворота, через которые машина Михайлова въехала на территорию Кремля, освещались с двух сторон. Там стояла охрана: автоматчики в форме внутренних войск НКВД, солдаты с самозарядными винтовками Токарева. Документы проверяли тщательно. Но список полуночных гостей у них был, и вскоре лейтенант, командующий караулом, козырнув Михайлову, отдал приказ пропустить автомобиль.

Шаги в длинном коридоре отдавались гулко. Один поворот, другой, подъем по лестнице, и вот мы – в приемной, у дверей кабинета. Секретарь Верховного Главнокомандующего Поскребышев открывает ее, и… я вижу этого великого человека. Он одет в простой китель с отложным воротником, но без знаков различия, ростом не так высок, как мне казалось раньше, худощав, смугловат, на лице – легкие оспины, в согнутой левой руке держит трубку. Но внимание притягивает взгляд его темных тигриных глаз. Огромная внутренняя сила чувствуется в нем.

Наверное, мы пробыли в кабинете Сталина минут двадцать, хотя течения времени не ощущали. Оно для нас остановилось. Михайлов представлял нас по очереди, меня – самой последней. Иосиф Виссарионович сказал всего несколько фраз про ответственное задание партии и правительства, про союзников, не желающих открывать второй фронт, про американский народ, которому надо знать правду о нашей борьбе с фашизмом.

– Есть ли у вас просьбы, товарищи? – спросил он.

Поскольку Красавченко и Пчелинцев пребывали в состоянии глубокого оцепенения, то в кабинете повисла пауза. Меня же оцепенение не коснулось. Я испытывала нечто другое: небывалое воодушевление. Мне хотелось услышать слова Верховного Главнокомандующего, обращенные именно ко мне.

– Да, товарищ Сталин, просьба есть, – негромко произнесла я. – Очень нужен англо-русский и русско-английский словарь с учебником грамматики в придачу. Потому что таких союзников, как и врагов, надо знать в лицо!

– Хорошо, товарищ Павличенко, вы сейчас сказали, – вождь мирового пролетариата улыбнулся. – Книги вы получите. Лично от меня…

Глава 15
Миссия в Вашингтоне

Густой предутренний туман клубился в долине реки Потомак. Пологие холмы, зеленые луга, рощи, сады и селения тонули в зыбкой его пелене. Железнодорожный экспресс Майами – Вашингтон, приближаясь к пункту своего назначения, развил скорость до шестидесяти километров в час. Он прорезал белое облако, опустившееся на землю, легко, как раскаленный меч.

От ритмичного покачивания и быстрого перестука колес я часто просыпалась, потом засыпала вновь. В двухместном купе я находилась одна и потому смогла снять верхнюю одежду и белье, укрыться накрахмаленной простыней с головой и спокойно отдыхать. Рядом, на вагонном столике подрагивала толстенькая, в три пальца, небольшая книжица словаря, которую удобно носить с собой в кармане. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР сдержал слово. Я, перелистывая ее каждый день, обычно на сон грядущий для проверки собственных знаний, видела его четкую роспись на титульном листе сбоку: «И. Сталин».

В соседнем купе расположились Николай Красавченко и Владимир Пчелинцев, мои спутники в этом двухнедельном путешествии через горы, пустыни и воды Атлантического океана. Честно говоря, я немного устала от их постоянного присутствия. Ребята они были хорошие, но снайпер – это боец-одиночка. Ему нужна тишина, покой, время на размышление. Он должен сам наблюдать за изменением окружающей его обстановки.

Отношения между нами уже сложились: вежливые, товарищеские, с четко обозначенными границами возможного и невозможного. Отправляя разнополую компанию в дальнюю дорогу, в Москве провели с нами должный инструктаж и каждому с глазу на глаз сделали строгое внушение. Наверное, больше – любителю танцев Пчелинцеву и молчаливому комсомольскому вождю Красавченко, чем мне, так как про гибель Алексея Киценко и мою клятву отомстить за него врагам первый секретарь ЦК ВЛКСМ в общих чертах знал.

Николай держался как-то отстраненно, напоминая нам, что он – руководитель. Мы с Пчелинцевым поневоле сошлись ближе и поладили, забыв о разнице в снайперском счете и в армейских званиях. При длительных остановках – например, на три дня в Каире – вместе ходили на прогулки по городу и делали маленькие покупки. В частности, Владимир не удержался и купил

у араба в магазине швейцарские часы за сорок долларов. Оказалось, что разные устройства, вмонтированные в них, позволяют не только считать дни и секунды, но и по звуку выстрела измерять расстояние. Вещь для сверхметкого стрелка крайне нужная!

В Каире нам пришлось представляться английскому губернатору и американскому послу. Впервые надела здесь одно из нарядных платьев, полученных в подвальном складе Наркоминдела. Очень боялась, что не смогу держаться в нем свободно и естественно. Но куда больше трудностей доставили туфли на каблуках. За год военной службы я от них отвыкла! Ноги так и скользили по паркету, натертому до блеска в роскошном дворце губернатора. Тогда Владимир галантно предложил мне свою руку. Аудиенция прошла отлично. Правда, после нее британец выразил сомнение в том, что мы оба – фронтовики и снайперы.

В Майами, куда мы прилетели из Африки, задержались на сутки. Океан шумел совсем рядом, и мы с Пчелинцевым отправились на пляж. Золотистый песок, медленные ленивые волны зеленоватого цвета и ослепительное солнце задержали нас там на три часа. Красавченко, который простудился в дороге, оставался в своем гостиничном номере…

За плотно закрытой дверью в купе раздались шаги стюарда. Он обходил пассажиров и предупреждал их за тридцать минут до окончания поездки. Легкий стук в дверь, негромкий голос:

– Washington, mam!

– Yes, thanks, – ответила я и стала одеваться.

Экспресс прибыл в Вашингтон точно по расписанию: 27 августа 1942 года в 5 часов 45 минут. Наш вагон остановился под сводами столичного вокзала. Однако рассмотреть его здание было затруднительно из-за сумрака, царившего там. Между тем на перроне собралась изрядная толпа. Мы не догадывались, что это – из-за нас, и готовились тащить свои увесистые чемоданы сначала по коридору в вагоне, потом – перрону. Мы не знали, что сообщение о прибытии советской студенческой делегации в США 25 августа распространило Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) и некоторые американские газеты его перепечатали.

Таким образом, никаких сложностей с доставкой багажа мы не испытали. Наоборот, нас окружили радостные сотрудники советского посольства и торгового представительства, затем – настырные американские журналисты. В этой шумной толпе мы прошагали от перрона до привокзальной площади, где в суете и гвалте погрузились в большой лимузин и поехали – подумать

только! – прямо к Белому дому, жилищу американских президентов.

Несмотря на столь ранний час, у подъезда нас встретила сама Элеонора Рузвельт, супруга президента. Она поздравила русских гостей с благополучным прибытием и сообщила, что первые сутки на земле Соединенных Штатов Америки мы проведем под крышей Белого дома. Так решил ее муж, Франклин Делано Рузвельт, 32-й президент, любимый народом и пока единственный в истории США, кто избран на третий срок.

Первая леди лично сопроводила нас на второй этаж, показала апартаменты, предложила немного отдохнуть с дороги и сообщила, что завтрак подадут в 8 часов 30 минут в малой столовой на первом этаже.

Я подошла к окну в своей небольшой, просто, но уютно обставленной меблированной комнате. Солнце встало, и его первые лучи освещали пространство перед белым домом. Его окружал отлично ухоженный французский парк с аллеями, посыпанными желтоватым речным песком, с подстриженными газонами, яркими цветочными клумбами, небольшими группами деревьев, разбросанными то тут, то там. Шумели падающие струи фонтана в бассейне перед главным входом. Обитель президентов смахивала на сельскую усадьбу какого-нибудь джентльмена, имеющего постоянный, но далеко не чрезмерный доход.

В назначенное время мы спустились в малую столовую и обнаружили там, кроме супруги президента Рузвельта, и других людей. Прежде всего, нам была представлена Гертруда Пратт, генеральный секретарь американского комитета международной студенческой организации «International Student Service», которая, как выяснилось, и выступает организатором Всемирной ассамблеи. Госпожа Пратт, эффектная, стройная блондинка лет двадцати пяти, энергично пожала всем руки, сказала, что бесконечно рада видеть русских гостей, и познакомила нас с Генри Лашем, вице-президентом этой самой «Интернешенел Стьюдент Сервис». Разговор помогали вести три молодых человека в форме офицеров американской армии, которые неплохо изъяснялись по-русски.

Госпожа Рузвельт пригласила всех за стол.

Улыбнувшись, она сказала, что знакомство с образом жизни американцев можно начать прямо сейчас, с традиционного американского завтрака. Кое-что он унаследовал от не менее традиционного английского, но все же имеет свои отличия. На столе представлена не только яичница-глазунья, поджаренные тонкие ломтики бекона, сосиски «бэнгерс», маринованные грибы, но и маленькие пухлые блинчики (мы, переговариваясь между

собой, назвали их «оладьи») с кленовым сиропом. Запивать еду лучше апельсиновым соком, кофе или холодным чаем.

Гастрономия – прекрасная тема для начала разговора малознакомых людей. Но завтрак продолжался, и Николай Красавченко на правах руководителя делегации затеял скучную беседу о повестке дня первого заседания Всемирной студенческой ассамблеи. Американцев больше интересовали рассказы о боевых действиях, которые сейчас идут на территории Советского Союза. Владимир Пчелинцев с удовольствием поведал об особенностях снайперского дела: винтовка с оптическим прицелом, маскировка, наблюдение за противником. Я в беседе не участвовала, а внимательно слушала, но не его, а переводчиков. Они переводили слишком поспешно и неточно.

Вдруг Элеонора Рузвельт обратилась с вопросом ко мне, и этот вопрос перевел на русский молодой человек в лейтенантских погонах:

– Если вы хорошо видели лица ваших противников в оптический прицел, однако тем не менее делали свой убийственный выстрел, то американским женщинам будет трудно вас понять, дорогая Людмила…

Переводчик пытался как-то смягчить эту фразу. Она звучала вежливо, но имела некий неприятный подтекст. Первая леди смотрела на меня пристально, не отрывая глаз. Зачем она спросила об этом, было не совсем ясно. Может быть, решила устроить мне проверку? Нам уже сообщали о публикациях в некоторых английских и американских газетах, которые писали, будто бы мы – не фронтовики, не снайперы, а лишь коммунистические пропагандисты, специально присланные для выступлений на Всемирной студенческой ассамблее. Значит, придется четко и внятно ответить жене президента.

– Missis Roosvelt, we are glad to visit your beautiful prosperity country. Many years you do not know the wars. Nobody destroys your towns, villages, plants. Nobody kills your inhabitamts, your sisters, brothers, fathers…[27] – медленно заговорила я, и это почему-то вызвало изумление у присутствующих.

Конечно, моя речь изысканностью не отличалась: некоторые ошибки в произношении, в применении глаголов, слишком простое построение фраз. Но смысл американцы уловили. Я объяснила им, живущим в государстве, далеком от битв с фашизмом, что мы приехали оттуда, где бомбы разрушают города и села, где льется кровь, где погибают ни в чем не повинные люди, и моя родная страна переживает тяжелые испытания. Меткая пуля – всего лишь ответ злобному врагу. Мой муж погиб в Севастополе, у меня на глазах, и человек, которого я вижу в

окуляр оптического прицела, – это тот, кто убил его…

Как ни странно, Элеонора смутилась.

Она поспешно отвела взгляд и сказала, что не хотела меня обидеть, однако этот разговор кажется ей весьма актуальным, и мы продолжим его в более подходящей обстановке, а сейчас ей, к сожалению, пора уходить. Первая леди поднялась из-за стола и, торопливо попрощавшись с нами, покинула малую столовую.

– Ты чего ей сейчас наговорила? – Николай Красавченко сдвинул брови и на правах руководителя воззрился на меня очень сурово.

– Ничего особенного, – я отмахнулась от него. – Пусть не лезут напролом, наглые американосы…

После завтрака Гертруда Пратт устроила для нас краткую экскурсию по Белому дому. Мы побывали в зале заседаний кабинета министров, в кабинете первой леди, в Овальном кабинете президента. Там наше внимание привлекла фотография улыбающихся парней в военной форме. Это были сыновья Рузвельта: Элиот, капитан авиации, Франклин, младший лейтенант флота, Джеймс, состоящий в резерве корпуса морской пехоты. А вообще Элеонора родила мужу шестерых детей, и лишь один из них умер во младенчестве.

Теперь времяпрепровождение нашей делегации подчинялось строгому графику. Мы с Пчелинцевым поспешили вернуться в свои комнаты и переодеться в военную форму. Впервые после вылета из Москвы нам предстояло ее надеть. Этот приказ отдал посол Советского Союза в США Максим Максимович Литвинов. В 10 часов утра у нашего посольства собирались фотожурналисты и кинооператоры. Они хотели запечатлеть героев антифашистской борьбы во всей воинственной красе для публикации снимков в завтрашних газетах.

Мы приехали на автомобиле посольства. Толпа журналистов тотчас окружила его. Мы с трудом прошли к крыльцу, где по просьбе представителей прессы остановились для того, чтобы фотографы и кинооператоры сделали несколько снимков. Киношников быстро оттеснили репортеры. Они протягивали к нам микрофоны, выкрикивали свои вопросы. Переводчики работали с полной нагрузкой. Постепенно выяснилось, что большая часть вопросов адресована мне.

Через тридцать минут эта свистопляска закончилась, мы зашли в здание посольства. Пожилой, полноватый, круглолицый человек в пенсне – посол Литвинов – шагнул навстречу, поздравил нас с благополучным прибытием. Пришлось появиться на крыльце еще раз: теперь уже с ним, дружески пожимая ему руку. Публичная акция продолжалась и должна была принести

максимальную пользу советской стране.

Торжественный обед в посольстве прошел чинно и тихо. На нем присутствовали сотрудники Наркомата иностранных дел с женами. На русском языке звучали тосты, велись приличествующие случаю разговоры, а именно: Красавченко подробно рассказывал о нашем перелете из Москвы в Тегеран, Каир, Майами. Иногда он оглядывался на меня. Видимо, опасался, как бы я и здесь не выдала чего-нибудь этакого, непредусмотренного дипломатическим протоколом. Но совершенно напрасно. Если меня не дразнить, я – человек разумный, спокойный, молчаливый.

В шестом часу вечера состоялась еще одна, двухчасовая пресс-конференция, которая транслировалась по радио на всю Америку. На ней присутствовали представители 52 газет и журналов и 12 радиостанций. Теперь все было организовано иначе. Сначала слово представили членам студенческой делегации. Красавченко в коротком докладе, тезисы которого он получил в Москве от заведующего отделом ЦК ВКП(б) Александрова, обрисовал ситуацию в нашей стране в целом: тыл помогает фронту. Пчелинцев поведал о состоянии Красной армии: она готова нанести германским вооруженным силам новые удары. У меня в руках тоже находился текст, согласованный в ЦК ВКП(б):

«Дорогие друзья! Я рада передать вам привет от советских женщин и от советской молодежи, борющихся в первых рядах с кровавым фашизмом. Советский Союз борется не только за свою свободу, но и за свободу всех наций и народов на Земле. Советский народ с первых дней борьбы переключил все свои возможности, всю свою энергию на оборону страны. Советские женщины заменили своих мужей, отцов и братьев на производстве. Они сделали все, чтобы мужчины могли воевать. Советский народ благодарит вас за помощь, но борьба, которую ведет Россия, требует все больших и больших средств. Мы ждем активной помощи, открытия второго фронта. Хочу заявить вам, что мы победим, что нет такой силы, которая могла бы помешать победоносному маршу свободных народов мира. Мы должны объединиться. Как русский солдат, я протягиваю вам свою руку. Мы вместе должны уничтожить фашистское чудовище!»

Дальше я добавила от себя, по– английски:

«Fellow soldiers, forward to victory!» (Друзья-солдаты, вперед, к победе!)

Журналисты вяло поаплодировали, но затем оживились. Ведущий пресс-конференцию посол Литвинов предложил им задавать вопросы. Для этого каждый должен был встать с места,

назвать свою фамилию, орган печати, который он представляет, и указать, кому из членов студенческой делегации адресован его вопрос.

Поначалу поведение журналистов привело нас в растерянность.

Мы-то ожидали, что они начнут задавать вопросы по нашим сообщениям, уточнять, выяснять то, что было в них сказано слишком коротко. Ничего подобного не случилось. Американцы просто проигнорировали эти довольно-таки официальные доклады и постарались выудить у нас нечто такое, чего в них не прозвучало. Ко мне обращались чаще всего. Рассматривая сидящих в зале возбужденных людей, выкрикивающих свои вопросы, – на мой взгляд, иногда просто глупые, – я почему-то вспоминала «психические атаки» румын и немцев. Там враги желали напугать, ошеломить, сбить нас с позиций и в конечном счете уничтожить. Здесь чувствовалось примерно то же стремление: ошеломить, заставить сказать что-нибудь, выходящее за рамки официоза, выставить докладчика в невыгодном свете, посмеяться над ним.

Вот часть стенограммы этой пресс-конференции:

ВОПРОС: Принимаете ли вы, Людмила, горячую ванну на фронте?

ОТВЕТ: Обязательно, и по нескольку раз в день. Если ты сидишь в окопе и начинается артиллерийский обстрел, то делается жарко. Очень жарко. Это и есть самая настоящая ванна, только с землей.

ВОПРОС: У вас была охрана?

ОТВЕТ: Только моя винтовка.

ВОПРОС: Могут ли женщины на войне красить губы?

ОТВЕТ: Могут. Но не всегда успевают. Приходится хвататься то за пулемет, то за винтовку, то за пистолет, то за гранаты.

ВОПРОС: Какого цвета нижнее белье вы, Людмила, предпочитаете?

ОТВЕТ: За подобный вопрос у нас в России можно и по физиономии получить. Ведь его обычно задают или жене, или любовнице. Мы с вами в таковых отношениях не состоим. Потому с удовольствием дам вам пощечину. Подходите ближе…

ВОПРОС (задает женщина-журналист): Это ваша парадная или повседневная униформа?

ОТВЕТ: Нам сейчас не до парадов.

ВОПРОС (тоже дама): Но форма вас полнит. Или вам все равно?

ОТВЕТ: Я горжусь форменной одеждой легендарной Красной армии. Она освящена кровью моих товарищей, погибших в бою с

фашистами. На ней – орден Ленина, награда за военное отличие. А вам желаю хоть раз побывать под бомбежкой. Честное слово, вы сразу забудете о покрое вашего наряда.

ВОПРОС: Табачная кампания «Филип Моррис» предлагает вам контракт: за ваш портрет, размещенный на пачке сигарет, они готовы заплатить полмиллиона долларов. Вы согласитесь?

ОТВЕТ: Нет. Пошлю их к черту…

Рядом со мной стоял Литвинов. Сперва я не знала, как он отнесется к подобной пикировке. Но отвечать американцам иначе не могла, поскольку задор и веселье меня обуяли. Сначала посол смотрел в мою сторону с удивлением, потом улыбнулся и стал подбадривать: «Молодец, Людмила! Так их, тараканов вашингтонских!»

После пресс-конференции студенческая делегация вернулась в Белый дом. Там нас ожидал ближайший советник президента и давний его друг Гарри Ллойд Гопкинс. По поручению Рузвельта он посетил СССР летом 1941 года, когда гитлеровская Германия вторглась в пределы нашей страны, встречался со Сталиным, которому очень понравился. Эта симпатия оказалась взаимной. Вернувшись в США, Гопкинс выступил за сближение с Советским Союзом. Он уверил президента, что русские смогут выдержать удар небывалой силы, что им надо помогать. Теперь Гарри Ллойд, худой, болезненного вида человек, досконально расспрашивал нас, фронтовиков, о боях под Ленинградом, Одессой и Севастополем. Он по-настоящему интересовался событиями нашей войны и хотел узнать все подробности. Но почему же американская пресса не желала этого?

В разгар нашей беседы в комнату вошла госпожа Рузвельт и объявила, что на ужин мы приглашены к Вергинии Хаабе, дочери Джозефа Дэвиса, который прежде был послом США в СССР. Гопкинс сказал, что поедет с нами. С автомобилем вышла неувязка. В «кадиллак» поместились только Красавченко, Пчелинцев, Гопкинс и два переводчика из советского посольства. Тогда первая леди предложила мне ехать с ней в двухместном кабриолете, который она сама водила.

Я удивилась, ибо не ожидала, что знатная дама так скоро забудет мой дерзкий ответ в сегодняшнем разговоре за завтраком. Однако жена президента с высоты своего роста (около 180 см) посмотрела на меня вполне добродушно и снова повторила свое приглашение.

Небольшая машина темно-синего цвета выглядела элегантно. Скорость она развивала приличную. Элеонора, будучи в возрасте 58 лет, управляла автомобилем, как заправский гонщик. Мы мгновенно оторвались от охраны, сопровождавшей «кадиллак», и

вихрем понеслись по улицам Вашингтона. На поворотах госпожа Рузвельт резко сбрасывала обороты двигателя, и он завывал, точно зверь. Перед перекрестками со светофорами она сильно нажимала на тормоза, и остановившиеся колеса с визгом чертили на асфальте черные полосы. Я такого не ожидала и в испуге хваталась то за ручку на двери, то вжималась в мягкую спинку сиденья рядом с Элеонорой. Она лукаво посматривала на меня, но скорости не снижала. Да я и не просила ее ехать медленнее.

Скоро мы очутились в пригороде, застроенном богатыми особняками, утопавшими в зелени садов. Когда кабриолет остановился, я перевела дух с облегчением. Привычки к таким отчаянным поездкам на легковом автомобиле я, естественно, не имела. Мы – пехота, и нам сподручнее передвигаться по земле на своих двоих.

Виргиния Хаабе, миловидная женщина лет 30, вышла на лестницу, чтобы встретить первую леди. Виргиния несколько лет прожила со своим отцом-дипломатом в Москве и неплохо знала русский язык. Она была большой поклонницей русской классической музыки, о чем немедленно мне и сообщила. Беседуя, мы подошли к столу с аперитивами. Вазочки, наполненные разными сортами соленых орешков и маленькими сухими печеньицами, располагались рядом со стаканами и бутылками с какими-то напитками.

Кто же знал, что они – очень крепкие?

Я вообще полагала, будто рядом с печеньем и орешками может быть только сок, и когда официант в белой рубашке, черном жилете и галстуке-«бабочке» указал мне на бутылку с жидкостью коричневатого цвета, кивнула ему в знак согласия. Он наполнил для меня стакан примерно на треть. Я выпила одним глотком, сильно закашлялась и схватилась за горло. В стакане находился самый настоящий шотландский самогон, то есть виски.

– Be careful! – сочувственно произнесла госпожа Рузвельт, взяла меня за руку и повела в столовую.

Судя по всему, на ужин собрались люди, давно знакомые друг с другом, придерживающиеся одинаковых взглядов на жизнь. Для них приезд советской молодежной делегации стал важным событием, которое могло оказать влияние на текущую политику Соединенных Штатов Америки. Разговор шел легко и в равной степени интересовал и гостей, и хозяев. Но Элеонора, посадив меня рядом с собой, отвлекала меня от беседы разными вопросами.

– Вы неплохо говорите по-английски, – шептала она мне.

– Спасибо. Но это только комплимент. К сожалению, я говорю плохо.

– Где вы учили язык?

– Первые уроки в детстве мне дала мама.

– Она – учительница?

– Да.

Я старалась отвечать коротко потому, что мне хотелось послушать, что в данный момент говорит господин Дэвис, бывший посол США в Москве, описывая дипломатию гитлеровской Германии в 30-е годы.

– А ваш отец? – продолжала расспросы Элеонора.

– После революции он служил в Красной армии офицером.

– Ваша любовь к оружию – от него?

– Может быть…

На инструктаже перед поездкой нам рассказывали о Франклине Делано Рузвельте и его супруге. Элеонора Рузвельт (1884–1962 гг.) принадлежала к богатой и аристократической семье, получила прекрасное домашнее образование, три года провела в Лондоне в высшей женской школе «Элленвуд», потом совершила поездку по странам Западной Европы. В марте 1905 года Элеонора вышла замуж за своего дальнего родственника Франклина, студента юридического факультета Колумбийского университета. К алтарю вместо рано умершего отца ее повел дядя, тогдашний президент США Теодор Рузвельт.

Как первая леди, она курировала различные молодежные и женские организации, постоянно занималась благотворительностью, стала очень известным и уважаемым общественным деятелем, журналистом, «министром без портфеля» в правительстве Франклина Делано Рузвельта. С тех пор как в 1921 году ее муж переболел полиомиелитом и частично лишился подвижности, она вела все его предвыборные кампании, разъезжая по стране, выступая на митингах, встречаясь с избирателями. Ее называли «глазами, ушами и ногами президента», поскольку она бывала там, куда он не мог добраться, и влияла на его решения.

Элеонора снискала любовь и уважение народа. Неслучайно еще в 1939 году по социологическим опросам первая леди обогнала по популярности супруга. Ее деятельность на «хорошо» оценили 67 процентов американцев, Франклина Делано – 58…

Внешней красотой госпожа Рузвельт не отличалась. Черты лица у нее были грубоватые, не совсем правильные. Но огромное обаяние, ум и доброта делали ее совершенно неотразимой, притягивали к ней многих и многих людей. По правде говоря, в начале поездки в США у меня было предубеждение против Элеоноры. Я думала: аристократка, миллионерша, принадлежит к классу эксплуататоров. А то, что я могу заинтересовать эту

замечательную женщину, мне и в голову не приходило…

Утренние выпуски газет, которые доставили в Белый дом 28 августа к завтраку, свидетельствовали об успехе нашей пресс-конференции. Наши фотографии красовались на первых полосах газет. «Свободная пресса» США уделила внимание и моей скромной персоне. Они судачили о покрое гимнастерки, цитировали ответы на вопросы, рассуждали о том, действительно ли представительницы слабого пола могут служить в боевых частях. Находились и такие, кто называл меня хладнокровным убийцей, не знающим жалости к несчастным немецким солдатам, которые всего лишь исполняли приказы своего командования.

Элеонора, отодвинув чашку с горячим кофе, подала мне свежий номер многостраничной газеты «New York Post» и указала на длинную колонку, подписанную именем «Эльза Мак-Суэли».

– Это – моя старая знакомая, – сказала первая леди. – Она была на вашей пресс-конференции, ей все понравилось. Вы хорошо держались… Эльза – опытна, наблюдательна и превосходно владеет пером. По-моему, она правильно вас описала. Вернее, то впечатление, которое вы производите…

«…то, чем обладает лейтенант Павличенко – нечто большее, чем красота. Ее невозмутимое спокойствие и уверенность порождены тем, что ей довелось пережить и испытать. У нее лицо Мадонны с картины Корреджо и руки ребенка, а ее гимнастерка оливкового цвета с красными нашивками опалена огнем жестоких сражений. Одна из участниц пресс-конференции, журналистка, сидевшая рядом со мной, в модном, изящно сшитом платье, спросила Людмилу с некоторой долей сарказма: “Интересно, это ваша повседневная или парадная форма?” Людмила как-то безразлично взглянула на мою нарядную соседку: “Да будет вам известно, что в России сейчас нет парадов. Наши мысли заняты другим…”»

Отзвуки женских споров об одежде, оказывается, занимали и мужчин. Они попали на страницы деловой, сугубо информационной газеты «Daily News». Издание поместило мою фотографию во весь рост и пространную подпись под ней: «Снайпер Людмила Павличенко: Я ношу свою военную форму с гордостью! Она освящена кровью моих боевых товарищей, павших на поле боя. Потому я дорожу ею больше, чем самым красивым платьем от лучшего портного!»

После завтрака Элеонора сердечно с нами попрощалась. Наше пребывание в Белом дома подошло к концу, мы отправлялись в советское посольство. Там нас ждала новая пресс-конференция, теперь для сотрудников международных телеграфных агентств «Рейтер» и Ассошиэйтед Пресс.

Укладывая в чемодан многостраничные газеты со своим изображением, нужные для отчета в Москве, я думала о том, что новый участок фронта, куда меня направило командование РККА, постепенно приобретает четкие очертания. Это – битва с журналистами. Не то чтобы они такие уж вредные и противные люди. Просто у них есть собственное представление о том, что хорошо, что плохо, что интересно, а что скучно. Но они стоят между мной и теми миллионами читателей, слушателей, зрителей в Америке, до которых товарищ Сталин мне поручил донести правду о войне. Значит, надо быть искренней, уверенной в себе, предельно собранной, веселой, остроумной. Тогда они поверят…

Вечером того же дня мы втроем: Красавченко, Пчелинцев и я – отправились на спектакль в Национальный театр, самый старый в США, расположенный на Пенсильвания-авеню, недалеко от Белого дома. Там давали оперу итальянского композитора Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй». Зал наполняла нарядная, богатая публика. Поначалу на нас никто внимания не обращал, ведь мы надели гражданскую одежду. Но в антракте между вторым и третьим актом, когда в зале вспыхнул свет, на сцену поднялся распорядитель и объявил, что среди зрителей находится советская студенческая делегация. Раздались бурные аплодисменты. Нам пришлось подняться на сцену. Выступил от имени делегации Владимир Пчелинцев, и его выступление длилось не более пяти минут. После этого в зале появились нарядно одетые девушки с цветными ящичками-копилками и стали собирать деньги в фонд помощи Красной армии. Сбор шел очень успешно. Многие, отдав деньги, вставали и подходили к сцене, старались пожать нам руки, говорили слова одобрения.

Потом в поездке по Америке подобное действо повторялось неоднократно.

Всего наша делегация собрала и передала в советское посольство примерно восемьсот тысяч долларов, сумму немалую. Хотя между собой мы часто спорили о том, как относиться к такой процедуре. Пчелинцев говорил, будто в ней есть нечто унизительное. Словно бы наша великая страна и ее непобедимая армия просит богатеньких американосов подать им Христа ради на бедность. Красавченко как руководитель делегации не уставал разъяснять пылкому Володе суть явления: на эти деньги приобретут продукты и вещи первой необходимости для советских людей, лишившихся крова и всего имущества, попавших в эвакуацию. Все правильно, но… как-то неприятно…

Тем не менее наша поездка имела характер официального визита, и о нем ТАСС опубликовало 30 августа 1942 года

следующее сообщение:

«Пребывание в Вашингтоне советских делегатов на Международном съезде студентов.

Прибывшие в Вашингтон советские делегаты на Международный съезд студентов тт. Красавченко, Пчелинцев и Людмила Павличенко были в день прибытия приглашены в Белый дом, где в качестве гостей президента США переночевали. Третьего дня советские делегаты выступили по радио. Их речи передавались крупной вашингтонской радиостанцией. Советские делегаты рассказали о своем опыте борьбы с гитлеровцами.

В специальной радиопередаче, транслировавшейся по США, подробно описывалось прибытие Павличенко, Красавченко и Пчелинцева. Утренние газеты поместили фотографии советских студентов, беседу с ними и подробное описание их прибытия в Вашингтон.

В беседе с журналистами Красавченко просил их передать американской молодежи и всему американскому народу привет от советского народа, сражающегося на фронте против гитлеровских орд. Красавченко вкратце описал разностороннее участие советской молодежи в борьбе против агрессора… Людмила Павличенко передала американским женщинам боевой привет от советских женщин и рассказала о самоотверженном труде советских женщин, воодушевленных ненавистью к врагу. Пчелинцев рассказал об искусстве снайпера и в заключение заявил: «Мы сможем победить и победим. Так сказал Сталин, и так будет».

Советские студенты выразили господину Рузвельту свою признательность за гостеприимство, оказанное им в Белом доме…»

Утром 2 сентября мы собирались на первое заседание Всемирной студенческой ассамблеи. Надели свою униформу, проверили, все ли в порядке, все ли на месте, не без волнения рассуждали о том, как это заседание пройдет, как нас там встретят. «ВСЕМИРНАЯ ассамблея!» – повторяли мы друг другу, не зная, что американцы – большие мастера пускать пыль в глаза. В зале сидело не более четырехсот человек, вот и все мировое представительство. Правда, студенты приехали из пятидесяти трех стран. Были латиноамериканцы, африканцы, азиаты, европейцы. Само собой разумеется, не присутствовали делегаты из Германии и союзных с ней государств.

Николай Красавченко, опытный аппаратчик, ознакомившись со списком, сказал, что замысел организаторов Всемирной ассамблеи студентов ему ясен. Консолидированное большинство составляли представители Соединенных Штатов Америки,

Великобритании и Канады. Следовательно, они и будут влиять на голосование. Чего захотят, то и навяжут всем остальным, используя это большинство при голосовании. Значит, сделал вывод Николай, надо требовать, чтобы в регламенте был пункт: одна делегация – один голос, а не по общему количеству людей, в нее входящих.

Поскольку мы приехали одетыми в униформу Красной армии, то сразу привлекли к себе всеобщее внимание. Корреспонденты опять атаковали нас у входа. Засверкали вспышки фотоаппаратов, посыпались вопросы. С трудом протиснувшись сквозь толпу в вестибюль, мы обнаружили там… госпожу Рузвельт. Она встречала делегатов. Журналисты немедленно окружили первую леди и попросили ее сфотографироваться с нами.

Элеонора не возражала. Слева от нее встал старший лейтенант Пчелинцев, справа – я. Она взяла нас под руки. Таким образом, русско-американский военный союз против фашизма получил конкретную, яркую иллюстрацию. На следующий день снимок появился в газетах, и комментаторы изощрялись в предположениях, толкуя его так и этак.

В первый день работы ассамблеи, кроме представления делегаций и голосования по повестке дня, состоялось пленарное заседание и дискуссия по теме «Университеты в войне». Один из докладов сделал Николай Красавченко, обстоятельно и подробно рассказав об участии советского студенчества в военных действиях и в работе в тылу. Вечером прошло торжественное открытие мероприятия, на котором присутствовали многочисленные почетные гости: представители общественных организаций США, официальные лица из администрации президента, его супруга. Прием еще не закончился, как госпожа Рузвельт подошла к нам и сказала, что советская делегация приглашается на ужин в Белый дом, и выезжать следует тотчас.

Вскоре мы поняли причину такой спешки. В Белом доме как бы случайно произошла наша встреча с президентом США Франклином Делано Рузвельтом. Он находился в одной из комнат, где сидел в деревянном кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками, опираясь на них руками. Его ноги закрывал клетчатый шотландский плед.

– Фрэнк, – сказала первая леди, – я хочу представить тебе наших новых советских друзей…

Безусловно, это был весьма незаурядный человек, обладающий острым умом и сильной волей. Встретившись с его проницательным взглядом, пожав его худощавую, жесткую ладонь, я сразу так подумала. Он внимательно слушал переводчика, представляющего нас, и повторял за ним названия

городов, откуда мы приехали: «Москва…Ленинград…Одесса и Севастополь… О, прекрасно! Настоящая краткая история нынешней войны немцев в России!» Как истинный джентльмен, он сначала заговорил со мной, расспрашивал о том, как я воевала, за что получила боевые награды, как воевали мои однополчане. В целом ход операций на наших фронтах он знал, но его интересовали детали, впечатления непосредственных их участников.

За четыре года Второй мировой войны англо-американцы ни разу так долго не сопротивлялись своим противникам, как сделали русские под Москвой, Ленинградом, Одессой и Севастополем. Президент хотел понять, как это нам удалось. Помогает ли традиционный для России высокий боевой дух, военная подготовка солдат, мастерство офицеров, стратегические таланты генералов, отличное вооружение или же главное – единение армии и народа, ополчившегося на захватчиков?

Скорее всего, Рузвельт уже строил планы на будущее.

После того как 7 декабря 1941 года союзники Германии японцы разгромили военно-морской флот США в Пёрл-Харборе, а затем быстро вытеснили американцев из Юго-Восточной Азии, президент искал ответ на вопрос: кто поможет Америке туда вернуться?

Государства Антигитлеровской коалиции не внушали ему особых надежд. Мощь Британской империи ослабла в ходе боевых действий. Францию фашисты наполовину оккупировали, вторая половина находилась под властью правительства Виши, сотрудничавшего с Гитлером. В Китае шла гражданская война. Оставалась Советская Россия. Если она, конечно, разобьет немцев под Сталинградом и изгонит их войска со своей территории, если восстановит промышленный потенциал.

Заканчивая беседу со мной, Рузвельт спросил:

– Как вы чувствуете себя в нашей стране?

– Превосходно, господин президент, – ответила я.

– Американцы относятся к вам сердечно?

– Везде нас встречают как дорогих гостей. Правда, иногда мы подвергаемся внезапным атакам.

– Неужели? – удивился Рузвельт.

– Я имею в виду атаки ваших репортеров, – сохраняя серьезность, произнесла я. – Очень настойчивые люди. Устоять под их напором просто невозможно. Приходится раскрывать всю подноготную…

Президент улыбнулся. Ему понравилось это замечание.

Я могла шутить, но мне хотелось задать Рузвельту тот, самый главный вопрос – о более действенной помощи Советскому

Союзу, об открытии второго фронта в Западной Европе, который бы оттянул на себя часть немецких дивизий, воюющих сейчас на берегах Волги. Франклин Делано как будто угадал мои мысли.

– Передайте советскому правительству и лично господину Сталину, – задумчиво произнес он, – что мне пока трудно оказывать более реальную помощь вашей стране. Мы, американцы, еще не готовы к решительным действиям. Нас задерживают наши британские партнеры. Но сердцем и душой американский народ – с нашими русскими союзниками…

Работа Всемирной студенческой ассамблеи шла своим чередом. Были на ней интересные доклады, были и жаркие дискуссии, при которых спорщики чуть не бросались друг на друга с кулаками. Например, при обсуждении так называемого «индийского вопроса» смуглый студент из Бомбейского университета с чалмой, накрученной на голове, кричал бледнолицему британцу из Оксфорда: «Колониальный пес! Мы всех вас рано или поздно перебьем и завоюем независимость!» Индийцев и англичан с трудом разняли, и бомбеец прибежал к русским жаловаться. Мы очень сочувствовали угнетенным народам Малой и Юго-Восточной Азии, но затевать скандал на международном мероприятии – такого приказа нам в Москве никто не давал…

Скажу сразу, что включить в декларацию, принятую на последнем заседании Всемирной студенческой ассамблеи, пункт об открытии второго фронта в Европе не удалось. Впрочем, организаторы все-таки пошли с нами на компромисс. Вместо него делегаты приняли «Славянский меморандум», который в жесткой форме осуждал германский фашизм и призывал к объединению всех народов в борьбе с ним. О принятии этого меморандума сообщили многие газеты и радиостанции, а наиболее развернутую его публикацию дало Телеграфное агентство Советского Союза.

Теплый, солнечный вечер 5 сентября 1942 года участники ассамблеи провели на лужайке возле Белого дома. Правительство США устроило там прием в честь завершения сего студенческого международного съезда. Вела его Элеонора Рузвельт. Десятки юношей и девушек с бумажными тарелочками, сэндвичами и бутылочками с прохладительными напитками прогуливались в одиночку и группами по аллеям дивного французского парка и рассуждали о целях и задачах демократического молодежного движения.

Первая леди больше всего внимания уделяла нашей делегации.

Она уже знала пять русских слов: «спасибо», «хорошо», «да»,

«нет», «конечно». Наши беседы с ней приобрели не совсем формальный характер, мы стали держаться свободнее. Элеонора шутила, смеялась, рассказывала нам о том, как придумала и подготовила эту акцию. По ее замыслу, ассамблея должна была носить сугубо культурно-просветительный характер и способствовать распространению ценностей американской жизни в международной молодежной среде. Но появление русских многое изменило. Мы говорили о войне слишком страстно, слишком взволнованно. Мы знали о ней много. Так, война, прежде далекая и даже непонятная американцам, вдруг приобрела зримые черты: страдания простых людей, кровь, пролитая в бою, смерть, настигающая мгновенно. Госпожа Рузвельт благодарила нас за это и выражала надежду на то, что наши рассказы услышат другие жители ее родной страны, всего континента.

Глава 16
«My darling» [28]

Следующим утром мы явились к Литвинову в кабинет и передали ему тексты декларации Всемирной студенческой ассамблеи и «Славянского меморандума». Посол поблагодарил нас за активную работу, сказал, что мы проявили высокую идейно-политическую подготовку, способность к публичным выступлениям, умение отстаивать коммунистические идеалы в спорах с буржуазными оппонентами. Он сообщил, что американские партнеры предложили продлить пребывание студенческой делегации и отправить ее в поездку по городам США для лучшей пропаганды деятельности стран Антигитлеровской коалиции. Посольство СССР данное предложение приняло.

Такое решение никого из нас не обрадовало.

Владимир Пчелинцев и я мечтали поскорее вернуться домой, поскольку с конца июля начались ожесточенные бои на Сталинградском фронте. Немцы рвались к Волге. В начале августа части гитлеровской Шестой армии подступили к предместьям Сталинграда. Советские войска оказывали захватчикам упорное сопротивление, но враг, имевший численное превосходство, в сентябре вплотную приблизился к городским кварталам, там шли постоянные схватки. Позиционная борьба приобретала устойчивый характер, следовательно, наступало лучшее время для действия снайперов. Мы не собирались останавливаться на достигнутом: у него – 154 фрица, у меня – 309 – и хотели увеличить свой боевой счет на огневых рубежах города, стоявшего у великой русской реки.

Литвинов спокойно выслушал наши доводы, напомнил, что офицеры должны всегда выполнять приказы Верховного Главнокомандующего РККА, и предложил подготовиться к поездке в Нью-Йорк в воскресенье, 6 сентября. Это – национальный праздник в США, День труда. Поедем мы рано утром, на железнодорожном экспрессе Вашингтон – Нью-Йорк, форма одежды – парадная.

На вокзале в Нью-Йорке делегацию, как обычно, встречали журналисты. Но им не дали вдоволь порезвиться, оттеснили прочь. Нас усадили в автомобиль и в сопровождении полицейского эскорта, под вой сирен и треск мотоциклетных моторов доставили к парадному входу в Центральный парк. Там собралась большая толпа. Крепкие ребята в пиджаках и кепках, но

с военной выправкой, подняли нас на плечи и понесли к сцене. Мэр города Ла Гардиа в микрофон объявил, что на митинг прибыли представители героической Красной армии, и выразил восхищение титанической борьбой русского народа с германскими фашистами. Толпа в парке ответила мэру восторженным ревом.

Потом выступил негритянский певец Поль Робсон. Он спел на русском языке песню композитора Дунаевского «Широка страна моя родная…».

Митинг закончился вручением советским гостям символического подарка – искусно сделанного в виде сердца медальона из мореного дуба с серебряной пластиной посредине с надписью: «За активное участие в борьбе с фашизмом». Подарок пришлось принимать мне. После этого следовало произнести ответную речь, короткую, но вразумительную.

– Дорогие друзья, – начала я. – Догадываясь о своей неминуемой гибели, фашистский зверь делает отчаянные попытки нанести удар по объединенным народам прежде, чем это сделаем мы, союзники, по отношению к нему. Дело жизни и смерти свободолюбивых народов каждой страны – напрячь все силы для оказания помощи фронту. Больше танков, больше самолетов, больше орудий, славные американские труженики!..

Мой голос, усиленный микрофоном, летел над притихшей толпой, эхо отдавалось в самых дальних аллеях парка. Конечно, жители Нью-Йорка до выступления переводчика не понимали слов, но улавливали интонацию. Я хотела передать людям свои горячие чувства, вызвать сострадание к нашему народу, добиться отклика в их сердцах. Кажется, это удалось. Толпа ответила мне сначала сдержанным гулом, потом громом аплодисментов, приветственными криками…

Потом был официальный обед у генерального консула СССР Виктора Алексеевича Федюшина. Был вечерний прием в Союзе меховщиков США. Там нам вручили подарки: мне – шубу из шкур енота длиной в пол, ребятам – роскошные куртки из бобра. Меховщики устроили знатное застолье, на нем присутствовали многие представители деловых кругов, чиновники из городской администрации, деятели культуры и искусства.

Именно тогда мне представили этого человека – Уильяма Патрика Джонсона, владельца металлургической кампании, миллионера. Ничего необычного в нем я не нашла. Довольно высокого роста, среднего телосложения, приятной наружности джентльмен лет тридцати пяти, как все на том приеме, слегка коснулся губами моей руки и сказал несколько слов, достаточно банальных, про мою внешность, про яркое выступление на

митинге в Центральном парке, где он, оказывается, присутствовал. Необычно прозвучало лишь его настойчивое приглашение посетить принадлежащую ему усадьбу в пригороде Нью-Йорка, в которой находится коллекция живописи русских художников-авангардистов начала XX века. Об авангардистах я имела весьма смутное представление, а хорошо знала лишь работы художников-передвижников и особенно ценила картины баталиста Василия Верещагина.

Такого рода индивидуальные поездки и контакты были нам запрещены. Пришлось с улыбкой сказать господину Джонсону, что, к сожалению, наш напряженный график выступлений не дает мне никакой возможности принять его приглашение. Я считала наш разговор законченным, а встречу – последней. Но не тут-то было.

Окрыленные оглушительным успехом митинга в Нью-Йорке, организаторы из «International Student service», посольство Советского Союза и администрация президента США запланировали еще одну агитационную поездку – 10 сентября 1942 года в крупный приморский город Балтимор, на побережье Атлантического океана. Из Вашингтона туда вело превосходное шоссе с многорядным движением. На посольской машине мы отправились утром и прибыли в середине дня. Нас опять встречали с полицейским эскортом, то есть под завывание сирен, с рядами мотоциклистов в белых шлемах и черных куртках. По дороге в мэрию мы видели людей, стоявших на обочинах, приветливо махавших нам руками, что-то кричавших вдогонку.

Снова митинг на городской площади, снова мое выступление, снова рев толпы, транспаранты на русском и английском: «Да здравствует Красная армия!», «Привет борцам с фашизмом!», «Мы – за открытие второго фронта!». Затем – торжественный прием в мэрии с участием именитых граждан Балтимора. И вот Уильям Патрик Джонсон, правда, в другом костюме, сером в полоску, подходит ко мне и говорит, что очень рад видеть меня снова, что в Балтиморе живет его двоюродная сестра, которая владеет здесь крупнейшим универмагом, а в нем есть замечательный отдел готового платья, и не хочет ли госпожа Павличенко посетить его, ибо туда недавно привезли новинки моды из Лондона. В конце его речи к нам приближается дама средних лет, увешанная бриллиантами, и это, естественно, – кузина мистера Джонсона. Улыбаясь, она сообщает, что наряды для моей фигуры просто невероятно хороши, и предлагает ехать на примерку немедленно. Джонсон добавляет, что хотел бы подарить мне любое понравившееся платье.

Это уже гораздо серьезнее, и настойчивому миллионеру надо

дать отпор, но мягкий, вежливый, дипломатичный. Объясняю, что люблю хорошую одежду, однако имею приказ товарища Сталина. Оба владельца здешней недвижимости удивляются: какие могут быть приказы для красивой молодой женщины, если она желает обновить гардероб. Я их спрашиваю, отдает ли им приказы президент Рузвельт, или он действует методами только экономического принуждения. Пока родственники собираются с мыслями для ответа, рядом со мной появляется Николай Красавченко – такая уж у него особенность: в нужный момент быть рядом. Я беру его под руку и быстро ухожу в другой конец зала…

На следующий день, 11 сентября, наша делегация вернулась в Вашингтон. Там в посольстве нас ждала приятная новость. Президент США и его супруга приглашали советских студентов провести неделю в их родовом поместье «Гайд-парк», находящемся в 80 километрах от Нью-Йорка, на реке Гудзон. Кроме русских приглашения получили и другие участники Всемирной студенческой ассамблеи: англичане Ричард Майлс и Дэйв Скотт, голландец Иоганн Вальтер, китаянка Юн Ванг. Ехать следовало поездом, первая леди собиралась встречать гостей на вокзале.

Поместье Рузвельтов было обширное, красивое, благоустроенное.

За день обойти все его угодья не представлялось возможным. Парк с прямыми аллеями, клумбами, газонами, беседками, деревянными скамейками незаметно переходил в густой лес, занимавший пространство не менее трех квадратных километров. Недалеко от центральной усадьбы с двухэтажным каменным домом лежало большое озеро. Один его берег зарос камышом и имел вид довольно дикий, другой – вполне ухоженный. Там высилась купальня. В чистую прозрачную воду уходили крашеные мостки. Возле них покачивались на легкой волне привязанные к балкам лодки.

После завтрака я отправилась на прогулку. Меня заинтересовала странная узкая посудина, точно обшитая кожей, с маленьким сиденьем в центре и короткими веслами в уключинах. Когда-то на родине, в Белой Церкви, мы с сестрой Валентиной любили кататься по реке Рось на плоскодонке, называемой «казачий дубок». Не долго думая, я прыгнула в американскую лодку-«индианку» (так она называлась, что выяснилось позже), оттолкнулась от мостков и налегла на весла. Лодка легко, как птица, полетела вперед, но сидела при этом совсем неглубоко. Резкий поворот корпуса – и я очутилась в холодной воде потому, что «индианка» перевернулась.

Попытка выловить фетровую шляпку успехом не увенчалась. Она быстро утонула. Вернуть лодку в прежнее положение я тоже не смогла: руки скользили по ее влажным крутым бортам, действительно – кожаным. Оставалось плыть к берегу, таща лодку за собой. А там находились свидетели этого происшествия: Ричард Майлс и Дэйв Скотт.

Благородные английские джентльмены топтались на месте, не зная, что предпринять. То ли спасать девушку и лодку, но для этого надо раздеться и войти в озеро. То ли звать на помощь прислугу, но для того надо бежать к центральной усадьбе, хотя и недалеко. Взволнованные, они продолжали стоять у кромки воды и громко обсуждать ситуацию. Вскоре им представилось необычное зрелище: офицер Красной армии, выходящая из воды в мокрой одежде, эффектно облегающей тело.

Увидев их вытянувшиеся физиономии, я не могла удержаться от смеха.

Честное слово, смешно совершать такие глупости в чужой стране. Отправиться на незнакомом плавсредстве на другой берег озера, барахтаться в воде, ныряя за шляпкой, выйти на берег на глазах у двух молодых идиотов, которые таращатся на тебя так, будто увидели пришествие на Землю марсиан.

Продолжая смеяться, я двинулась к своему гостевому домику, расположенному достаточно далеко от озера, за двухэтажным зданием. Мокрый воротник вязаной кофты прилипал к шее. Подол полушерстяного платья стал тяжелым и мешал шагать. В туфлях противно хлюпала вода. Но не раздеваться же прямо здесь! Да и холодно без одежды. Сентябрьский ветер – резкий, вовсе не теплый, температура воздуха не превышает плюс16 градусов.

– Льюдмила! – вдруг раздался встревоженный голос первой леди, открывающей окно на первом этаже хозяйского дома. – Что случилось?

– Плавание в озере без купальника.

– Но погода совсем не для купаний. Вам нужно срочно переодеться. Идите сюда.

Госпожа Рузвельт встретила меня в вестибюле и проводила к своему кабинету и спальне, соединенной с ванной комнатой и туалетом. По дороге я, все еще улыбаясь, шутливо рассказала ей о коварном поведении лодки, о фетровых шляпках, тонущих, словно свинец, о сынах Альбиона, что смертельно боятся воды и, наверное, никогда не видели женщин, как говорится, «неглиже».

Элеонора принесла большое махровое полотенце и протянула его мне. Я же в мокрых туфлях боялась встать на роскошный персидский ковер, расстеленный в кабинете на полу.

– Раздевайтесь в ванной, – произнесла она. – Я сейчас приду.

Минут через пятнадцать супруга президента вернулась. У нее в руках была ее собственная пижама, ножницы, шкатулка с нитками и иголками. Я ждала ее, завернувшись в полотенце. Мокрую одежду, белье, чулки и обувь я оставила в ванной комнате и стояла на ковре босиком, испытывая сильнейшее смущение от всего случившегося. В большом зеркале на туалетном столике я видела свое отражение: влажные спутанные волосы, обнаженные плечи, руки и ноги, потому что полотенце, хотя и имело ширину в полтора метра, полностью мою фигуру не закрывало.

Элеонора бросила на меня мимолетный взгляд, улыбнулась и вызвала горничную. Ей она объяснила, что делать с вещами в ванной: если они испачкались, то постирать, затем высушить, погладить, принести обратно. Полноватая негритянка средних лет в белой наколке на черных вьющихся волосах и белом фартучке с кружевной отделкой согласно кивала головой, изредка посматривая на меня. Наверное, гости президента никогда ранее не представали перед прислугой в столь пикантном виде.

Горничная ушла, и Элеонора обратилась ко мне:

– Вам нужно переодеться в мою пижаму.

– Но мы с вами разного роста.

– Пустяки. Я укорочу рукава на куртке и штанины.

– Вы сами? – я безмерно удивилась.

– Да, мой друг. Или вы считаете женщин из рода Рузвельтов белоручками? Уверяю вас, все американки отлично умеют работать…

Для начала она разложила пижаму на широкой постели. Совершенно новая, сделанная из плотного розового атласа с вышитыми на воротнике, обшлагах и карманах лиловыми цветами, она явно была недешевой. Но Элеонора задорно пощелкала над ней ножницами, потом достала из шкатулки длинную ленту-«сантиметр». Все-таки перед раскроем требовалось точнее узнать размеры, а не действовать «на глазок».

Умело пользуясь этой портновской принадлежностью, первая леди быстро определила длину моих рук. После чего подошла ко мне со спины, чтобы измерить ширину плеч. Полотенце доставало только до подмышек, и госпожа Рузвельт увидела длинную красноватую, с двумя разветвлениями линию шрама, пролегающую наискосок от правой лопатки к позвоночнику. Это поразило ее, и она, отступив на шаг, воскликнула:

– Боже праведный! Что это у вас, Льюдмила?

– След от кусочка металла, – ответила я, так как тогда не

знала английских слов: «scar» – шрам, «splinter» – осколок, «shell» – артиллерийский снаряд, – и потому прибегла к замене.

– Но как сюда попал металл? – Элеонора осторожно коснулась пальцем шрама.

– В декабре прошлого года под Севастополем.

– В бою с немцами?

– Да, – подтвердила я.

– Бедная моя девочка! – госпожа Рузвельт порывисто обняла меня и коснулась губами моего лба. – Какие страшные испытания вам пришлось пережить…

Супруга президента говорила с искренним сочувствием и даже – с болью. Я поверила ей, хотя наша первая встреча за завтраком в Белом доме не обещала никакого взаимопонимания. Может быть, теперь она вспомнила свои слова, обидные для меня. Что-то ей не понравилось тогда в моем поведении, и она, будучи человеком, опытным в публичных дискуссиях, решила нанести легкий удар копьем по доспехам – так ей представлялось – странной «севастопольской амазонки». Но получила ответ, резкий и точный. Возможно, после этого Элеонора начала думать о том, что в русских людях есть какая-то тайна, англосаксам неведомая. Она захотела эту тайну разгадать.

Когда Франклин Делано Рузвельт, удивленный нашим отсутствием в столовой при приближении обеда, приехал на своем кресле-каталке на половину дома, занимаемую женой, то он застал нас в спальне. Мы сидели на широкой кровати, занятые шитьем. Работа над переделкой пижамы спорилась и приближалась к концу. Яркие куски ткани лежали вокруг нас, а также – ножницы, мотки ниток, иголки, воткнутые в изрезанный атлас. Мы оживленно обсуждали современную моду: лучший покрой платьев для каждой из нас, самые красивые цвета, отделку и подходящую к ним бижутерию. Куртку я уже надела на себя, однако, увидев президента США, от неожиданности вскочила на ноги и, придерживая полотенце на бедрах, выпалила:

– Прошу прощения, господин Рузвельт!

Он расхохотался. Картина, по его мнению, была весьма забавная. Двум женщинам, которые имеют большую разницу в возрасте, воспитании, образовании, социальном положении, да еще при наличии «языкового барьера», ничто не мешает увлеченно болтать о предметах, совершенно незначительных. Обнаружив полное сходство взглядов на разные явления жизни, они с восторгом смотрят друг на друга и наслаждаются пустопорожней беседой ни о чем. Она не дает им новой информации, не предполагает серьезных выводов и умозаключений, но тем не менее длится уже второй час…

Вечером на Гудзоне поднялся сильный ветер, небо заволокло тучами, пошел дождь, скоро превратившийся в ливень. В столовой разожгли камин, и это было кстати потому, что в просторной комнате, где подавали ужин, стекла в окнах дрожали от порывов шторма. Осенняя непогода, казалось, через стены проникала в большой каменный дом и наполняла его сыростью, поднимавшейся от реки.

К ужину в «Гайд-парк» приехал знакомый нам советник президента Гарри Ллойд Гопкинс. Он привез какие-то бумаги из Вашингтона и составил приятную компанию за столом. Правда, Гопкинс не употреблял спиртного, соленой, острой и жареной пищи из-за прошлогодней операции на желудке по поводу раковой опухоли. Но это обстоятельство нисколько не влияло на его нрав, и он веселил собеседников остроумными комментариями к последним событиям. Как я заметила, его приезду особенно обрадовалась Элеонора. Она предупредила советника, что хочет обсудить с ним одну проблему.

Семь дней в поместье Рузвельтов пролетели быстро.

Мы вернулись в Вашингтон и снова посетили нашего посла Максима Максимовича Литвинова. Он передал нам решение, принятое в Москве относительно дальнейшей работы студенческой делегации. К своему большому удивлению, мы узнали, что делегацию разделят на две части. Красавченко и Пчелинцев отправятся в поездку по городам Северо-Востока США: Кливленд, Буффало, Олбани, Питтсбург, Ричмонд и другие – для встреч со студентами в колледжах и университетах. Мне предстоит ехать на Запад и Средний Запад: Чикаго, Миннеаполис, Дэнвер, Сиэтл, Сан-Франциско, Фрасно, Лос-Анджелес. Мы с ребятами дружески простились 24 сентября. Но я не знала, что в поездке меня часто будет сопровождать госпожа Рузвельт. Присутствие первой леди определяло и уровень встреч с американцами: приемы у губернаторов разных штатов, в мэриях, бизнес-ланчи, ужины для деловых кругов, пресс-конференции для местных газет и радиостанций…

Президентский лимузин с бронированными стеклами, набирая скорость, мчался по пустынному шоссе. Впереди него двигалась первая машина с охраной, сразу за ним – вторая. Дома и улицы Дирборна, пригорода Детройта, старейшего города на Среднем Западе Америки, убегали вдаль. Только что закончился наш визит в штаб-квартиру «Ford Motor Company», известной на весь мир, крупнейшей в США.

Начался он с посещения авиационного завода, где делали двухмоторные бомбардировщики, прозванные американцами «Tin Goos» – «Жестяной Гусь». Нам показали весь процесс создания

самолета, от сварки каркаса из металлических трубок и штамповки крыльев из дюраля на огромном механическом прессе до главного конвейера, где боевая машина обретала свой грозный вид. Пояснения давал господин Лоуренс, директор предприятия.

В здании заводоуправления гостей встречал сам «автомобильный король», члены его семьи и люди из высшего менеджмента компании. Генри Форд, бодрый, худощавый старичок, поспешил мне навстречу, вручил золотой значок «Форд Мотор Компани» и попросил разрешения сфотографироваться, став рядом со мной и с Элеонорой Рузвельт, которая тоже участвовала в этом путешествии. Репортеры тотчас бросились вперед, защелкали фотокамерами с яркими вспышками, стали задавать вопросы про завод, бомбардировщики, американскую военную мощь.

Однако на ланч представителей прессы не пригласили. Скромное угощение с бутербродами, пирожными «донатс» и кока-колой предназначались для узкого круга. Основатель и владелец компании сказал короткую патриотическую речь, затем выступил мэр Дирборна, затем предоставили слово мне. Прием длился ровно тридцать минут. Ничего не поделаешь, в империи Генри Форда, как нигде в другом месте, «время – деньги».

Но очень сильно меня удивило поведение рабочих.

В каком-то складском помещении их собрали, наверное, человек триста, не больше. Это были мрачные, неулыбчивые, чем-то озабоченные мужчины в фирменных светло-синих комбинезонах. Они попросили меня говорить кратко и обойтись без коммунистических лозунгов и призывов. Я и обошлась: передала пролетариям Америки привет от трудящихся Советского Союза, которые ждут помощи в своей борьбе с германским фашизмом. В ответ не раздалось ни привычных мне аплодисментов, ни вопросов, ни добрых пожеланий. Провожая меня, они молча поднялись со своих мест…

– Враг трудового народа! – саркастически произнесла я, мрачно глядя в боковое стекло автомобиля на деревья вдоль обочины, тронутые осенним увяданием и теряющие листву.

– Вы не правы, моя дорогая, – ответила Элеонора, усмехнувшись.

– А как он поступает с рабочими? Они у него – хуже бессловесного скота, затравленного сторожевыми собаками. Почему они молчали?

– Это – рабочая аристократия. Форд хорошо платит. Им есть что терять. Да, он следит за ними: ходите в церковь, не пейте виски, не играйте в азартные игры, обеспечивайте семью, не вступайте в профсоюзы, не участвуйте в забастовках… Они

побоялись разговаривать с вами. Вы же – из коммунистической России.

– Ладно! – я стукнула кулаком по колену. – В следующий раз придумаю, что сказать американцам!..

Водитель и охранник, сидевший рядом с ним, отделенные от пассажиров стеклянной перегородкой, не могли слышать нашу беседу. Ровное гудение мотора ей не мешало. Машина шла с постоянной скоростью, определенной для президентских кортежей на междугородних трассах. Из Детройта мы ехали в Чикаго, расстояние до которого составляло чуть более 450 километров, и преодолеть его требовалось за пять с половиной часов.

Равнинные пространства штата Мичиган расстилались по обеим сторонам дороги. Видимо, Элеонора специально выбрала этот маршрут, чтобы показать мне Средний Запад своей родной страны с его небольшими и уютными городами Анн-Харбор, Албион, Каламазу, Бентон-Харбор. Затем шоссе сворачивало ближе к берегу огромного, похожего на море, озера Мичиган. Здесь пейзаж менялся. Холмы и небольшие перелески иногда закрывали зеркало воды. Множество маленьких островков виднелось у побережья. Чем дальше на юг, тем чаще появлялись довольно высокие и красивые песчаные дюны.

Первая леди давала пояснения, подробные, остроумные, увлекательные. Она любила и прекрасно знала Соединенные Штаты, изъездила страну вдоль и поперек, помогая мужу в его избирательных кампаниях, выполняя отдельные поручения президента. Она хотела, чтобы я лучше узнала Америку. Конечно, сердце младшего лейтенанта целиком и полностью принадлежит великой России, шутила она, но увидеть иные края, понять жизнь других народов – полезно для любого человека.

Госпожа Рузвельт старалась говорить по-английски медленно и просто, используя только грамматические времена «Indefinite». Однако речь, даже составленная из коротких предложений, при отсутствии у меня навыка общения на чужом языке, требовала напряженного внимания и за пять часов поездки порядком утомила. Кроме того, я не привыкла путешествовать в автомобиле, пусть и таком комфортабельном, как президентский «кадиллак».

В общем, прелестные пригороды Чикаго Сисеро и Ок-Парк я не увидела потому, что… заснула, положив голову на плечо первой леди. Смущение мое при внезапной остановке, меня разбудившей, было огромно. Элеонора улыбнулась как ни в чем не бывало:

– Please, wake up, my darling. We are in Chicago…[29]

Для проведения митинга власти Чикаго выбрали старинный, оформленный во французском стиле «Grant-Park», расположенный на берегу озера Мичиган. Он имел обширную благоустроенную территорию с газонами, клумбами, велосипедными дорожками, фонтаном, именуемым «Букингемским», памятником Аврааму Линкольну, а также – с концертной эстрадой. Эту эстраду украсили государственными флагами стран-участниц Антигитлеровской коалиции: США, Великобритании, СССР и Китая, – портретами их лидеров: Рузвельта, Черчиля, Сталина и Чан-кайши. Сообщение о митинге и призыв прийти на него поместила на своих страницах городская газета «Chicago Tribune».

Среди почетных гостей митинга числились Элеонора Рузвельт, Фред Майерс, директор благотворительной общественной организации «Russian War Rellief», созданной в июле 1941 года коммунистами США и сочувствующими им либералами, в основном из творческой интеллигенции (например, актер Чарльз Спенсер Чаплин, кинорежиссер Джорж Орсон Уэллс, художник Рокуэлл Кент). Должен был присутствовать на митинге и представитель армии США, полковник Стивен Дуглас, приехавший с военной базы «Форт Нокс», расположенной в соседнем с Иллинойсом штате Кентукки. Мне выпала честь представлять здесь Красную армию.

Как обычно, митинг открыл мэр города. Коротко рассказав об Антигитлеровской коалиции и участии в ней США, он предоставил слово мне. Я шагнула вперед, к микрофону. Перед сценой собралась изрядная толпа. Я отчетливо видела лица людей в первых ее рядах: в основном мужчин лет 30–40. Они довольно приветливо меня рассматривали и улыбались. Я начала с нескольких фраз о войне, что бушует сейчас в далекой от них России, потом сделала паузу и резко возвысила голос:

– Джентльмены! Мне двадцать пять лет. На фронте я уже успела уничтожить триста девять фашистских солдат и офицеров. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?..

Оглянувшись на меня с изумлением, переводчик перевел фразы, стараясь сохранить мою интонацию. Толпа молчала несколько секунд. Потом на старинный парк обрушилась настоящая буря. Люди вопили, что-то скандировали, свистели, топали ногами, аплодировали. К эстраде бросились журналисты. Расталкивая репортеров, туда же устремились те, кто хотел сделать взнос в фонд помощи СССР, о чем и просил мэр Чикаго, открывая митинг, и для чего перед эстрадой установили специальные ящики от «Russian War Relief». Но находились энтузиасты, желающие вручить свой дар немедленно и

непременно мне. Рослые охранники быстро выстроились в ряд перед эстрадой и не давали им нарушать порядок.

Я по-прежнему стояла у микрофона, переплетя пальцы опущенных вниз рук. Взрыв эмоций у публики показался мне слишком сильным, на подобное я не рассчитывала, когда в уме составляла эту речь. Просто после неудачи на заводе Форда хотелось придумать такое, чтоб сразу достучаться до них, до благополучных, спокойных и чрезмерно расчетливых жителей материка, когда-то открытого Колумбом.

Как мне потом рассказали, отчет о митинге в Чикаго и мое выступление на нем опубликовали на первых полосах многие американские газеты. По всему миру его разнесло агентство «Рейтер», сопроводив положительными комментариями. Они писали, что я образно и точно выразила суть позиции, занимаемой сейчас англо-американцами при кровавой борьбе России с германскими захватчиками.

На вечернем приеме, устроенном мэром Чикаго, мне торжественно вручили красиво отпечатанный диплом и золотой значок «Особо заслуженный человек США»[30], учрежденный в этом городе. В зале находилась избранная публика: дамы в открытых вечерних платьях и господа в смокингах. Наверное, моя гимнастерка защитного цвета, украшенная лишь орденом Ленина, медалью «За боевые заслуги», значками «Гвардия» и «Снайпер», которые блистали белой и красной эмалью, смотрелась здесь вызывающе скромно. Но таково было желание организаторов, и я выполнила его. Многие люди обращались ко мне с речами о советско-американском сотрудничестве в войне, необходимости открытия второго фронта в Европе. Хорошо бы подтвердить слова делами, думалось мне. Много говорилось и разных приятных слов в мой адрес. Я знала, как отвечать: с улыбкой, спокойно, невозмутимо, но без заносчивости.

Однако сохранить невозмутимость до конца оказалось трудно.

Уильям Патрик Джонсон появился, можно сказать, внезапно, на исходе сего пафосного мероприятия. Я не сразу отличила его среди прочих господ: тот же смокинг, белая рубашка, галстук-«бабочка», темные волосы на косой пробор, стандартное американское выражение лица: «у меня все хорошо, я счастлив» – и светская улыбка.

– Как вы сюда попали? – только и могла я сказать в ответ на его витиеватую приветственную фразу.

– О, совсем просто, госпожа Павличенко, – с грустью ответил он. – Я ехал за вами на автомобиле от Детройта. К сожалению, в штаб-квартиру Генри Форда меня не пустили. Очень строгая у

него служба безопасности.

– А здесь не строгая?

– Здесь – другое дело. В пригороде Ист-Чикаго расположен металлургический завод. Примерно тридцать процентов его акций принадлежит мне. Было нетрудно поговорить с управляющим, и вот…

– Послушайте, Уильям, – я перебила этого странного человека, который, судя по всему, преследовал меня совершенно сознательно. – У вас так много свободного времени?

– Времени у меня нет, – Джонсон вздохнул. – Понимаете, я – вдовец. Моя жена, молодая красивая женщина, умерла полтора года назад от опухоли головного мозга. Я прочитал в газете, что ваш муж тоже погиб в бою под Севастополем.

– Да, он погиб.

– Потому я хочу сделать вам предложение руки и сердца.

– Вы сошли с ума! – я ответила ему резко, хотя старалась сохранить на лице прежнее приветливое выражение.

– Госпожа Павличенко, я полюбил вас сразу, как только увидел на митинге в Центральном парке Нью-Йорка. Вы – необычная женщина, и устоять перед вами невозможно. Сердце подсказывает мне, что вы – моя единственная избранница…

– Здесь не место для подобных разговоров.

– Конечно, не место, – обрадовался владелец металлургической компании. – Скажите, где мы теперь можем встретиться?

Прием подходил к концу, и гости начали покидать зал. Они раскланивались, говорили друг другу какие-то вежливые слова, и мало кто обращал внимание на мою беседу с Уильямом Патриком Джонсоном. Лишь Элеонора не спускала с меня глаз. Она сразу догадалась, что мне нужна помощь. Возвышаясь над толпой, первая леди решительно зашагала к нам. Появлению супруги президента миллионер не обрадовался. Он тотчас отступил на шаг, поклонился и ушел, не оглядываясь.

Несколько взволнованная, я объяснила госпоже Рузвельт суть дела. Она обещала навести справки о Джонсоне. Кроме того, она поспешила познакомить меня с полковником Стивеном Дугласом с военной базы «Форт Нокс» и председателем Чикагской ассоциации метких стрелков господином Мак-Кормиком. Они приглашали меня на встречу с членами ассоциации в их стрелковом клубе завтра. Я дала согласие.

За время пребывания нашей комсомольско-молодежной делегации в Соединенных Штатах некоторые местные журналисты не один раз пытались проверить свою гипотезу о том, будто бы коварные большевики прислали сюда не снайперов, а

специально подготовленных пропагандистов-агитаторов, на фронте не бывавших. С этой целью они навязывали делегатам посещение воинских частей и офицерских клубов, где имелось ручное огнестрельное оружие, с последующим выходом в тир и стрельбой по мишеням. Потому я нисколько не удивилась, увидев на встрече в Чикагской стрелковой ассоциации шустрого молодого человека с блокнотом и двух солидных господ с фотокамерами.

С другой стороны, мне самой было интересно посмотреть на американское снайперское оружие. Таковую возможность мне предоставили. Сначала я взяла в руки самозарядную винтовку «Гаранд М1», потом – магазинную «Спрингфилд М1903». Обе они имели оптический прицел «Вивер».

Привычно я провела пальцами по затвору, стволу с мушкой, осмотрела спусковое устройство, крепление патронного магазина. «Гаранд» сильно напоминала нашу «СВТ-40», где автоматика работает за счет отвода пороховых газов в специальную камеру при выстреле. «Спрингфилд» поворотным продольно-скользящим затвором походила на «трехлинейку» Мосина. Кроме того, неавтоматический предохранитель придавал ей сходство с немецким армейским карабином «Маузер Zf.Kar.98k», который я тоже хорошо знала.

Американцы пристально наблюдали за моими действиями.

Кажется, версия о красотке, впервые увидевшей винтовку, отпала сразу, и они заулыбались. С помощью переводчика я объяснила союзникам, чем их оружие похоже на советские образцы и чем отличается от них. В сущности, мне пришлось прочитать короткую лекцию так, будто бы они являлись новыми солдатами в моем взводе, прибывшими с Большой земли в Севастополь. Члены стрелковой ассоциации слушали меня очень внимательно, а вот репортер с блокнотом быстро утратил к встрече интерес, поскольку никаких разоблачений и сенсаций тут не случилось.

Затем из оружейной комнаты мы отправились в тир.

Не скрою, волнение у меня было. Я не держала в руках снайперскую винтовку уже полтора месяца, настоящий же профессионал должен тренироваться хотя бы два раза в неделю. Не слишком я доверяла и качеству американских изделий. Но они оказались вполне добротными, тир – отлично оборудованным. Стрельба по мишеням, как обычно, доставила мне удовольствие, да и почти все пули угодили в «десятку».

Из тира стрелки дружной и веселой гурьбой перешли в зал, где для них сервировали небольшое угощение. На столах присутствовали крепкие спиртные напитки в виде джина, виски и

бренди. Все-таки ассоциация объединяла по большей части бывших солдат и офицеров армии США, многие из которых участвовали в Первой мировой войне и служили именно снайперами. Но пили они немного. Одна порция равнялась сорока граммам. Я согласилась выпить с ними дважды: за боевое сотрудничество и за открытие второго фронта. После этого общение стало более открытым и непосредственным. Ветераны охотно делились воспоминаниями, и я услышала интересные рассказы об их оружии, методах маскировки, дуэлях с противником и проч.

При завершении визита меня ожидал приятный сюрприз. Председатель Чикагской ассоциации господин Мак-Кормик под громкие аплодисменты вручил мне подарок – пистолет «Кольт М1911» в ящичке из красного дерева, где находились разные принадлежности к нему и два магазина с патронами. На крышке имелась серебряная пластинка с памятной надписью. Не удержавшись, я сразу взяла оружие в руки. Мощный пистолет калибра 11,43 мм мне очень понравился. Изобретателем сего изделия выступал тот же знаменитый на весь мир гениальный инженер-оружейник Джон Мозес Браунинг. Фирма «Кольт» просто заключила с ним договор. В 1912 году пистолет приняли на вооружение армии в США. Россия, как и ряд других европейских стран, покупала его. Но я никогда не видела «кольты» у наших военнослужащих.

Вернувшись в гостиницу, я разобрала подарок на составные части, чтобы лучше ознакомиться с его устройством. От этого дела меня отвлекла Элеонора. Пистолет пришлось снова собрать и уложить в ящик. Первая леди тем временем заказала обед в номер потому, как посещение ресторанов после моего выступления в здешнем «Grant-Park» обычно превращалось в марафон по раздаче автографов, что меня здорово раздражало.

Обед подали, мы с госпожой Рузвельт сели за стол. Она взглянула на меня с улыбкой:

– Моя дорогая, есть хорошие новости для вас.

– Какие же?

– Уильям Патрик Джонсон действительно владеет металлургической компанией. Он действительно овдовел полтора года назад. Тяжелая болезнь внезапно свела в могилу его очаровательную молодую супругу.

– Что тут хорошего для меня? – спросила я.

– Его предложение руки и сердца можно рассмотреть.

– Вы серьезно говорите об этом, Элеонора?

– Почему нет, моя дорогая? – первая леди придвинула к себе тарелку с салатом. – Вы выйдете замуж за состоятельного

джентльмена, который безумно в вас влюблен и обеспечит вам благополучную жизнь до конца дней. Вы останетесь в нашей стране, мы с вами будем встречаться. Я ценю такой невероятный шанс, предоставленный нам переменчивой судьбой.

– Господин Джонсон мне не нравится.

– Боже праведный! – воскликнула супруга президента. – Вы видели его только три раза. Вы могли ошибиться. Он – очень милый, приятный, воспитанный человек…

– Нет, я не ошибаюсь! – я встала из-за стола, взяла свежий номер городской газеты «Chicago Tribune» и подала его Элеоноре. – Вот, пожалуйста! «Госпожа Павличенко в восторге от американской кухни! Сегодня за завтраком она съела пять блюд…» Наглая ложь! Откуда они это взяли? Опрашивали официантов? Изучили чек в ресторане?.. Почему их занимают такие глупости?.. В вашей стране я чувствую себя героем анекдотов, предметом досужего любопытства, кем-то вроде циркового персонажа. Например, женщиной с бородой… Но я – офицер Красной армии. Я сражалась и буду сражаться за свободу и независимость моей Родины…

Начало речи, конечно, получилось у меня слишком эмоциональным, даже гневным. В поиске нужных слов я переходила с английского на русский, опомнившись, снова возвращалась к английскому. Я думала, госпожа Рузвельт обидится. Но она, отложив в сторону вилку и нож, наблюдала за мной с ласковой улыбкой. Так, наверное, взрослые воспринимают шалости хулиганистых подростков, которых они тем не менее любят. Элеонора не перебивала меня, только кивала в знак согласия головой. Я закончила сообщением о том, что нахожусь здесь исключительно по приказу товарища Сталина. Лишь в его власти продлить пребывание в США младшего лейтенанта Павличенко или же вернуть на фронт, в боевую часть, ведущую борьбу с немецко-фашистскими оккупантами.

– Everything is OK, my darling, – мудрая Элеонора наконец-то сумела вставить фразу в мою сумбурную речь. – Please, in the meanwhile forget about Mister Jonson. Tomorrow we will fly to Los Angeles…[31]

Лос-Анджелес, или «Город Ангелов», в штате Калифорния, как все южные города, был многонаселенным, шумным, разноликим. Он лежал на побережье Тихого океана, в долине, с одной стороны прикрытой горами. Осень, уже вступившая в свои права на Среднем Западе США, здесь почти не чувствовалась. С утра солнце заливало ярким светом его улицы, в полдень на них становилось нестерпимо жарко. Вечером прохлада опускалась на кварталы небоскребов и маленьких домиков на окраинах, и все

обитатели «Города Ангелов» одинаково наслаждались дивным видом заходящего солнца над бескрайним океаном.

Среди множества обязательных встреч и выступлений я не выделила бы ни одной, по-настоящему запоминающейся и интересной, если б не поездка в Беверли-Хиллз, пригород Лос-Анджелеса. Там находились особняки успешных голливудских деятелей: актеров, режиссеров, операторов, продюсеров. Сотрудники советского консульства, ни о чем не предупредив, привезли к прямо дому Чарли Спенсера Чаплина, и так произошло мое знакомство с этим гениальным человеком, гуманистом и большим другом Советского Союза.

Чаплин сам открыл двери и увлек меня в гостиную, где собрались его друзья и коллеги. Я узнала актера Дугласа Фербенкса, сыгравшего главного героя в моем любимом фильме «Знак Зорро», и немного постаревшую, но все еще привлекательную актрису Мэри Пикфорд. Остальные гости, видимо, не менее знаменитые, рассматривали меня с тем же бесцеремонным любопытством, что свойственно простым смертным.

Предложив мне сесть на диван, Чаплин проделал цирковой трюк: встал на руки и на руках прошелся к корзине с бутылками вина и также вернулся, держа бутылку шампанского в… зубах. Бутылку откупорили, наполнили бокалы, и великий артист, опустившись на пол у моих ног, произнес тост за скорейшее открытие второго фронта в Европе.

Затем артистическая компания переместилась из гостиной в небольшой кинозал. Чаплин показал всем свой новый фильм «Диктатор», где он забавно пародировал Гитлера. За просмотром следовал ужин. Посадив меня рядом, великий артист и режиссер стал расспрашивать о впечатлении от фильма. Я сказала, что фильм мне понравился, но все-таки фашизм пока скорее страшен, чем смешон. Просто люди в Европе и Америке еще не знают обо всех зверских преступлениях, совершенных нацистами.

Чарли Чаплин играл большую роль в деятельности благотворительного общества «Russian War Relief» («Поддержка русской войны»), помогая собирать значительные суммы для населения нашей страны, для обеспечения Красной армии снаряжением и вооружением. Разговор с ним был содержательным. Он находился в курсе событий на советско-германском фронте и просил меня более подробно рассказать ему об обороне Одессы и Севастополя, а также – о снайперской службе. Однако закончилась встреча с ним для меня весьма неожиданно. Встав на одно колено, Чаплин сказал, что готов поцеловать каждый пальчик на моей руке за тех триста девять

фрицев, что остались лежать в русской земле. К моему сильнейшему смущению, он немедленно осуществил свое намерение. Естественно, корреспонденты страшно обрадовались и защелкали фотокамерами. В американских газетах появился снимок с комментариями: Чарли Чаплин – на коленях перед русской женщиной-офицером и целует ей руку.

Наступило 19 октября 1942 года.

Члены студенческой делегации снова собрались в стенах посольства СССР в Вашингтоне. Литвинов выслушал наш отчет о поездке по стране. Он шутил, улыбался, говорил комплименты. По его словам, нам удалось почти невозможное. Общественное мнение в США постепенно склонилось в сторону Советского Союза. Дикие выдумки «свободной прессы» о советских людях и жизни в СССР разрушились под воздействием встреч с бравыми, веселыми ребятами, и особенно – с симпатичной девушкой, одетой в простую гимнастерку.

Мы сидели перед послом и в молчании слушали его пространную речь. Мы ждали главного сообщения: когда и каким способом нас отправят обратно в Москву. Но Литвинов обходил данную тему, хотя, конечно, понимал, что жизнь напоказ надоела делегатам Всемирной студенческой ассамблеи до чертиков. Сыты мы по горло американским гостеприимством, американской кухней, абсолютно не совпадающей с традиционным питанием в России, бесконечными и назойливыми американскими расспросами о вещах, понятных любому подростку в нашей стране.

Наконец, Максим Максимович объявил нам последнюю директиву, полученную им из Кремля: поездку продолжать, посетить Канаду, затем лететь в Великобританию. Миссия в Вашингтоне плавно переходила в миссию в Лондоне. Будучи в самом мрачном расположении духа, мы встали и направились к двери. Однако у посла был какой-то конфиденциальный вопрос ко мне, он просил задержаться в его кабинете.

– Путешествие с Элеонорой Рузвельт прошло хорошо? – спросил Литвинов.

– Да, очень хорошо.

– А что вы скажете об Уильяме Патрике Джонсоне?

– Откуда вы про него знаете? – я не могла скрыть своего изумления.

– Почитайте, – посол взял со своего стола и протянул мне лист плотной бумаги.

Бесспорно, заявление господина Джонсона, направленное в посольство Советского Союза в США, выглядело солидно. Написанное на гербовой бумаге, заверенное нотариусом и

зарегистрированное в его конторе под трехзначным номером, оно гласило, что владелец металлургической компании «Джонсон и сыновья», пятимиллионного счета в «Bank of America» и других активов, заключающихся в движимом и недвижимом имуществе в штатах Иллинойс и Нью-Йорк, вдовец Уильям Патрик Джонсон просит правительство Советского Союза дать разрешение на его брак с гражданкой СССР младшим лейтенантом Красной армии Людмилой Михайловной Павличенко и оформить этот брак согласно всем законоположениям, действующим в СССР в настоящее время.

Не думаю, что Уильям Патрик Джонсон понимал, какие последствия для меня может иметь присланное им в посольство заявление. Также полагаю, что кто-то (вполне вероятно, и сама Элеонора Рузвельт) дал ему такой совет: обратиться прямо к правительству Советского Союза. Все это свидетельствует лишь о наивности американцев, их безграничной самоуверенности и нелепых представлениях о том мире, который лежит за пределами их континента.

Я положила заявление и приложенный к нему перевод на русский язык на стол посла и спокойно произнесла:

– Ну, он же сумасшедший.

– Вы уверены? – строго задал вопрос Литвинов.

– Конечно.

– Тогда пишите ответ.

– Какой? Кому? – удивилась я.

– Письмо господина Джонсона пришло по почте и зарегистрировано канцелярией посольства. Мы должны не только отчитаться о нем перед Наркоматом иностранных дел, но и дать официальный ответ просителю, опять-таки на бланке посольства, затем отправить его по указанному на конверте адресу. Составьте ваше письмо по-русски, наш переводчик его переведет.

– Так сразу и не придумаешь. Очень неожиданно все это.

– Самое простое, – Литвинов смотрел на меня с большим сочувствием, – сказать о женихе. Мол, в России вас ждет любимый человек…

Между тем отъезд советской делегации в Великобританию все откладывался. Англичане, большие любители бюрократической казуистики, то определяли ее статус: дипломатическая? военная? общественная? – то договаривались о самолете: пассажирский лайнер или бомбардировщик? – то ждали подходящей погоды, которая к концу октября становилась переменчивой.

Госпожа Рузвельт была в курсе этих приготовлений.

Когда дату согласовали – 1 ноября 1942 года, она пригласила

нас на прощальный ужин в Белый дом. Там первая леди каждому вручила подарки. Прежде всего, свою большую фотографию в черном вечернем платье на фоне портрета президента и с дарственной надписью в верхнем правом углу. Кроме фотографии, мы получили красочные альбомы с видами Вашингтона и Нью-Йорка, книги, разного вида и размера коробки с сувенирами. Мне досталось на одну коробку больше. Элеонора, улыбнувшись, сказала, что это американские джентльмены, очарованные моей внешностью, решили преподнести мне кое-какую бижутерию. Открывать коробки прямо за столом, сервированным к ужину, никому в голову не пришло. Прислуга сложила их в бумажные пакеты и отнесла в машину.

Лишь очутившись в своей комнате, я взялась рассматривать подарки, из любопытства первой открыла коробку, оклеенную цветной тканью. Там лежали бриллиантовые, оправленные в золото, совершенно роскошные изделия: колье, два браслета, брошь и перстень. К ним прилагался чек из ювелирного магазина на восемь тысяч долларов, ибо при таможенном осмотре возможны всякие вопросы. Под колье я нашла небольшую фотографию Уильяма Патрика. На ее обороте он написал: «My darling, we will meet! To Luidmila with great love from W.P. Jonson»[32].

Но больше я не видела господина Джонсона. Его замечательный подарок я привезла в Москву и спрятала подальше. В нашей столице, в других городах мира мне потом доводилось бывать на торжественных приемах, носить красивые вечерние платья, к которым вполне бы подошли эти бриллиантовые украшения. Однако я никогда их не надевала, никому не показывала. Они оставались в моем доме как память о поездке в США, об американском джентльмене, взрастившем в своем сердце странное, необъяснимое чувство.

Совсем иначе сложились наши отношения с Элеонорой Рузвельт.

В Англии, в ноябре 1942 года мы увиделись снова. Она прилетала на Первый Всемирный конгресс молодежи, где наша студенческая делегация тоже присутствовала. Немного времени прошло после победы над фашистской Германией, как с легкой руки убежденного и злобного врага Советской России премьер-министра Соединенного Королевства Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля началась «холодная война». Ни президент США Франклин Делано Рузвельт, который умер в апреле 1945 года, ни его супруга к этому были непричастны. Элеонора лишилась своего прежнего, весьма значительного влияния на политику, но, будучи человеком демократических убеждений,

продолжала широкую общественную и благотворительную деятельность.

Мы переписывались, сообщали друг другу семейные новости, обменивались впечатлениями об интересных литературных новинках, договаривались о поездках на международные конгрессы, посвященные борьбе за мир. По моему приглашению госпожа Рузвельт посещала нашу страну дважды: в 1957 и в 1958 годах. Мы много времени провели в Москве, вместе ездили в Ленинград, где побывали на театральных спектаклях, посетили Эрмитаж и Русский музей, Петергоф, Гатчину, Царское Село. Элеонора принялась хлопотать о том, чтобы состоялся мой ответный визит в США. Однако Госдепартамент (видимо, вспомнив мои пылкие речи на митингах в 1942 году) не дал на то разрешения.

Вот одно из писем госпожи Рузвельт:

«November 4, 1957.

My dear Luidmila,

I was very glad to get your letter and I want to thank you warmly for the photographs.

You were good of sending me the photographs and I am happy to have them as a souvenir of our most pleasant reunion in Moscow.

Since my return I have spoken often of your warm welcome and the kindness you showed me. Trude and Joe Lash were delighted to hear we had met and they join me in sending you many warm messages.

I hope you will be able to visit us here soon again.

With deep appreciation and my good wishes,

Very cordially yours, Eleanor Roosvelt».

«Ноябрь, 4, 1957.

Моя дорогая Людмила,

я была очень рада получить ваше письмо, и я хочу тепло поблагодарить вас за фотографии.

Вы были очень добры, послав мне фотографии, и я счастлива иметь их как память о нашей очень приятной дружеской встрече в Москве.

С тех пор, как я вернулась, я часто говорю о вашем теплом гостеприимстве и доброте, которые вы оказали мне. Труда и Джой Лаш[33] с удовольствием услышали, что мы встречались, и они присоединяются ко мне, посылая вам много теплых пожеланий.

Я надеюсь, вы сможете скоро посетить нас снова.

С глубокой признательностью и моими добрыми пожеланиями,

Сердечно ваша, Элеонора Рузвельт»[34].

Глава 17
«Товарищ Сталин нам отдал приказ…»

В вечернем сумраке четырехмоторный бомбардировщик «Liberater B-24» («Освободитель») походил на огромную рыбину, вытащенную на берег. Толстым своим брюхом он как будто лежал на земле. Такое впечатление возникало из-за трех его шасси со слишком короткими стойками. Одно располагалось под фюзеляжем спереди, два других – под крыльями, достигавшими более тридцати метров в длину. Правда, застекленный нос со стволами пулеметов придавал самолету грозный вид. Пулеметы находились и на верху, сразу за кабиной летчика и штурмана.

Однако бомбардировщик сейчас готовился не к боевому вылету. На тележке, подвезенной авиамеханиками к многотонной крылатой громадине, лежали не бомбы, а чемоданы, ящики, корзины. Это было наше имущество, в основном – подарки от союзников. Ничего не скажешь, число мест увеличилось больше, чем в два раза. Солдаты ловко забросили вещи в открытый бомбовый люк, затем створки его закрылись.

Члены советской студенческой делегации, одетые, как авиаторы, в меховые комбинезоны, перчатки, унты и летные шлемофоны, поднялись по алюминиевой лесенке вместе с экипажем в самолет, но устроились не в кабине, а в грузовом отсеке, соединенном с боевым. Никакого комфорта для пассажиров там не предусматривалось. Вместо кресел вдоль бортов стояли довольно узкие жесткие лавки. Сидеть на них – неудобно, лежать – трудно. Иллюминаторы отсутствовали. Лишь несколько электрических лампочек под потолком рассеивали слабый свет.

В таком мрачном, неотапливаемом помещении нам предстояло провести ближайшие двенадцать часов ночью с 4-го на 5-е января 1943 года. Столько времени обычно длился перелет «Освободителя» от авиабазы британских ВВС у города Глазго до аэропорта Внуково под Москвой. Летали по этой авиалинии бомбардировщики с октября 1942 года. Маршрут пролегал от севера Шотландии, над Северным морем, проливом Скагеррак, западной частью Швеции и Балтийским морем без промежуточной посадки. Некоторую опасность представлял отрезок пути от Ленинграда до Москвы над прифронтовой полосой. Однако бомбардировщик проходил его ночью, на высоте

более девяти тысяч метров и со скоростью, близкой к 300 км/час. Немецкие истребители не могли подняться так высоко. Тяжелая машина, созданная конструкторами американской фирмы «Консолитейтид» перед Второй мировой войной и имевшая дальность полета 4560 км, оказалась весьма удачным и полезным изделием.

Экипаж заводил двигатели один за другим.

Наконец, взревели все четыре. Самолет вздрогнул и покатился вперед. Ход его убыстрялся, моторы ревели все громче. Довольно длинный разбег по взлетной полосе закончился мощным рывком вверх. «Либерейтор» поднялся над аэродромом, набирая высоту, сделал круг и лег на избранный штурманом курс. Теперь мы слышали только ровный гул моторов. Но разговаривать при нем было невозможно. Кое-как улеглись на лавках: Красавченко и Пчелинцев – у правого борта, я – у левого.

Постепенно на всех металлических частях бортовой обшивки появились кристаллы инея. Они нарастали с каждым часом, превращая помещение в какое-то подобие спальни Снежной королевы. Холод сковывал дыхание. Но в меховых комбинезонах, при надетом под них прямо на тело особом белье с электрическим подогревом тепло сохранялось. Только от слабого тока, проходившего по медной сетке, вшитой в нательную рубаху и кальсоны, слегка покалывало кожу.

Члены экипажа бомбардировщика часто из своей кабины спускались к нам по трапу, спрашивали о нашем самочувствии. За четыре месяца, проведенных в США, Канаде, Великобритании, Николай Красавченко и Владимир Пчелинцев усвоили сотни две обиходных английских слов и отвечали им вполне сносно. Имея словарь и учебник, я продвинулась в изучении языка гораздо дальше, говорила свободно. При последних поездках в британские воинские части, где мы осматривали то артиллерийские орудия, то самолеты, то танки, то корабли, я даже решалась произносить короткие речи, что союзникам очень нравилось.

Мы возвращались на Родину и, конечно, думали о войне.

Для меня и для Пчелинцева вопрос стоял конкретно: на какой фронт, в какую армию, в какую дивизию, в какой полк нас теперь откомандируют. Сначала предполагали, что поедем в Сталинград. Американские и английские газеты писали о подвигах снайпера Василия Зайцева, который там за три месяца уничтожил 225 фашистов. Однако к концу декабря 1942 года советские войска окружили германскую Шестую армию, разгромили румынские и итальянские дивизии, вместе с гитлеровцами осаждавшие крепость на Волге. Под Сталинградом дело близилось к

завершению, то есть к полной победе Красной армии над противником.

Однако продолжалась оборона Ленинграда.

Владимир Пчелинцев, служивший на Ленинградском фронте с первых дней войны, много рассказывал мне о ней. Наступление фрицев там остановили в ноябре 1941 года, но сил, достаточных для того, чтобы сразу отогнать врага от колыбели Великой Октябрьской Социалистической революции, у наших не было. Началась позиционная война, и следовало малыми средствами наносить противнику большой урон. Пчелинцев утверждал, будто массовое снайперское движение зародилось именно на болотистых равнинах рек Нева, Свирь и Волхов, а он – один из его основателей, за что и получил звание Героя Советского Союза.

Из кабины пилотов к нам спустился механик самолета Роберт Браун. Он принес термос с горячим кофе, чашки и тарелку, наполненную бутербродами с сыром и ветчиной. Он раздал еду и сообщил, что до Москвы осталось лететь полтора часа, что радиограмму во Внуково они уже отправили, и там самолет будут встречать наши родственники…

Вот и огромное, занесенное снегом русское поле! Оно простирается до зубчатой полоски леса, синеющей вдали. С левой его стороны находятся какие-то строения, и оттуда к бомбардировщику, остановившемуся на самом краю взлетной полосы, бегут люди. Я вижу Риту, жену Пчелинцева, и мою дорогую матушку Елену Трофимовну. Мы с ней обнимаемся, троекратно целуемся и долго стоим, прижавшись друг к другу. Мама плачет и говорит:

– Слава Богу, слава Богу, роднуся моя! Уезжала на месяц, вернулась через четыре…

В комнате семейного общежития Наркомата обороны сразу стало тесно. Чемоданы пришлось придвинуть к единственной свободной стене и постепенно вынимать из них вещи. Енотовую шубу, большую и громоздкую, все-таки удалось разместить в шкафу. Гладкоствольный армейский дробовик «Winchester M1897 Trench Gun», подаренный мне рабочими канадского оружейного завода в городе Торонто, я повесила на гвоздь, вбитый в стену шкафа. Зато на столе, на фарфоровых тарелках, тоже подаренных, аппетитно смотрелась еда из походного английского офицерского пайка, которым снабдили нас на военной базе в Глазго: сыр, ветчина, рыбные консервы, шоколад, печенье. К этому натюрморту я прибавила бутылку шотландского виски «Белая лошадь». Уже не помню, кто и когда вручил мне полулитровую стеклянную емкость с желтой этикеткой.

Нашим разговорам с мамой в тот день не было конца.

Я описывала ей, как сердечно американцы и англичане встречали нас, как аплодировали на митингах, как сдавали деньги в фонд Красной армии, как Всемирная студенческая ассамблея принимала антифашистский «Славянский меморандум», как семья президента США Франклина Делано Рузвельта пригласила советскую студенческую делегацию погостить неделю в их родовом поместье «Гайд-парк», как знаменитый актер и режиссер Чарли Чаплин просил меня передать привет советскому народу.

Маму, которая преподавала иностранные языки, интересовали зарубежные газеты, которые я привезла. Мы обсуждали разницу между британским и американским английским. Она отмечала какие-то слова в статьях, спрашивала у меня перевод. Все это оказалось очень полезным для нее, ведь мама никогда не ездила заграницу.

Наша поездка не считалась завершенной, пока мы не сдали отчеты о ней. На подготовку такового отчета нам отвели неделю. Чтобы не отвлекаться и ничего не забыть, не перепутать, я даже не выходила из дома. Всего исписала около тридцати листов бумаги, много чего перечеркивала, дополняла, исправляла. Для отчета следовало выбрать наиболее важные события, сделать его не только точным, но и политически выдержанным.

С отчетами студенческая делегация выступила сначала на заседании Секретариата ЦК ВЛКСМ, затем – в Главном политическом управлении РККА, потом, 20 января 1943 года – на совещании молодежного комитета Совинформбюро. Стенограмма этого совещания послужила основой для большой радиопередачи, и так миллионы жителей СССР узнали о путешествии по капиталистическим городам и весям трех комсомольцев, агитировавших за скорейшее открытие второго фронта в Западной Европе.

Например, из моего отчета в эфир пошло несколько фрагментов:

«Нам пришлось ехать в Соединенные Штаты Америки через Астрахань, Баку, Тегеран, Каир, Бразилию и на пути нашего следования встречаться с народами разных национальностей, разного цвета кожи. Никто поначалу не знал, что едет советская делегация, но когда узнавали, что мы – из Советского Союза, то отношение сразу менялось, становилось добросердечным, просто прекрасным…

Из Майами на поезде мы прибыли в Вашингтон и с вокзала отправились в Белый дом, где нас принимала супруга президента США Элеонора Рузвельт. Мы позавтракали вместе с ней и затем поехали на первую пресс-конференцию в советское посольство.

Нужно сразу сказать, что госпожа Рузвельт уделяла нам особое внимание. Следуя ее примеру, другие официальные лица в Америке тоже были с нами приветливы и дружелюбны…

Нам приходилось часто проводить пресс-конференции, отвечать на всевозможные вопросы американской прессы. Американцы ценят информацию, любят разные новости. Однако на пресс-конференциях журналисты мало спрашивали о боевых действиях. Они больше старались узнать что-то о нас самих, о бытовых условиях на фронте. Удивлялись, что наши солдаты живут в окопах. Они вообще не представляют себе, что такое современная война. Америка существует в мирных условиях. Еще ни одна бомба не разорвалась на ее территории. Мэр города Нью-Йорка как-то объявил учебную воздушную тревогу, так в газетах на следующий день напечатали, что от разрыва сердца умерло пять человек…

Сама по себе Америка – с одной стороны, страна роскоши, с другой – страна нищеты. Очень бедно живут в ней негры. Нам приходилось бывать в негритянских кварталах, где нет элементарных бытовых удобств. Удивляла и расовая сегрегация: в поездах специальные вагоны – только для белых и только – для черных…»

Как отнеслись к нашим рассказам радиослушатели, осталось неизвестным. Зато начальство свою оценку деятельности делегации за границей выставило. Красавченко и Пчелинцев удостоились простой похвалы: «хорошо». Мне объявили, что мною особенно довольны, мол, я сработала на «отлично».

Затем нам сообщили, что делегация расформирована. Николай Красавченко вернулся на работу в Московский городской комитет ВЛКСМ. Владимир Пчелинцев вскоре отправился на фронт, где продолжал храбро сражаться и уничтожать вражеских солдат и офицеров из снайперской винтовки и к концу войны довел свой счет до 450 человек. Я тоже готовилась к отъезду из Москвы, поскольку 32-я гвардейская дивизия ВДВ, где я по-прежнему числилась командиром снайперского взвода, получила назначение на Юго-Западный фронт.

Но все вышло по-другому.

В конце января меня пригласили в оперативный отдел дивизии, где со мной долго беседовал очень вежливый человек в гимнастерке с капитанскими петлицами светло-синего цвета. Его вопросы касались самых разных деталей моей биографии: знания иностранного языка, участия в боевых действиях под Одессой и Севастополем, поездки в США, Канаду и Великобританию, встреч с Элеонорой Рузвельт. Кроме того, я заполнила пятистраничную

анкету. В ней требовалось сообщить разные сведения не только обо мне, но о моих родителях, сыне, муже, других родственниках (вплоть до того, как жили, чем занимались, где похоронены). Капитан сказал, что из 32-й дивизии меня переводят в распоряжение Резерва Главного Командования РККА, то есть на фронт я пока не поеду.

– Но почему, товарищ капитан? – возвысила голос я.

– Вероятно, мы найдем вам другое занятие. Оно будет больше соответствовать вашим неординарным способностям.

– Я – снайпер!

– Прежде всего, вы – офицер, и давали присягу…

Про способности он сказал не зря. Приказом по Главному управлению кадров НКО СССР за № 0281 от 3 июня 1943 года мне присвоили очередное воинское звание «лейтенант». Но уже не два рубиновых «кубика» я прикрепляла к малиновым петлицам на воротнике, а к погонам на гимнастерке – две звездочки. Да и гимнастерка с января 1943 года стала другой: с жестким стоячим воротником вместо отложного и с прорезными карманами на груди вместо прежних, накладных. Не сразу удалось получить форменную одежду нового покроя. Зато парадные погоны из золотого галуна мне вручили сразу.

Как-то поздним вечером мы с мамой коротали время под музыку из радиоприемника. Я привезла его из Соединенных Штатов, и качество звучания он имел отличное. Передавали концерт по заявкам победителей, солдат и офицеров Сталинградского фронта, в феврале завершивших разгром немецкой армии фельдмаршала Паулюса: немного классики, немного народных песен, немного советской эстрады. Стук в дверь раздался неожиданно. Вошли два молодых офицера НКВД, поздоровались и предложили мне собираться и ехать с ними.

Бедная моя Елена Трофимовна, вытиравшая чашки после вечернего чаепития, уронила одну на пол. От страха у мамы задрожали руки. Ни для кого не было секретом, как «органы» проводят аресты. Их сотрудники появляются в домах подозреваемых внезапно, разговаривают вежливо, увозят свои жертвы быстро. Я надела гимнастерку, перекинула через плечо портупею, стала стягивать на талии командирский ремень. С правой стороны на нем держалась темно-коричневая кожаная кобура пистолета «ТТ». Если прикажут ее снять, отберут пистолет, – значит, это арест.

– Товарищ лейтенант, вы едете в Кремль, – сказал один из офицеров.

– В Кремль?! – я шагнула к книжной полке, взяла англо-русский словарь, сунула его в карман, а учебник английской

грамматики – за борт шинели, ведь это были книги Верховного Главнокомандующего. Коли случай выпал, надо вернуть их ЕМУ.

Расстояние от улицы Стромынка до центра Москвы составляет примерно десять километров. Осталась за спиной набережная реки Яузы, старинные кирпичные дома, уродливые постройки советского времени вроде клуба имени Русанова, второй этаж которого напоминал часть огромной шестеренки. Лучи фар автомобиля выхватывали из темноты то деревья на бульваре, то рельсы трамвайных путей, то стены многоэтажных зданий. Стараясь сосредоточиться, я размышляла о том, будет ли дано мне какое-то новое архиважное поручение, или же Иосифа Виссарионовича интересуют детали минувшей поездки в США.

В приемной лейтенанты галантно помогли мне снять шинель. Расстегнув кобуру пистолета, я отдала оружие секретарю Сталина – лысому, полноватому, невысокому человеку – Поскребышеву Александру Николаевичу. Он положил мой «ТТ» в выдвижной ящик стола, сказал, что забрать его можно после визита, и указал на дверь: «Проходите. Товарищ Сталин вас ждет».

Темно-коричневые дубовые панели в кабинете, два стола, составленные в виде буквы «Т», очень большая карта, закрытая шторками, – все это находилось здесь и в августе 1942 года, когда наша комсомольско-молодежная делегация направлялась в Америку. Только теперь я стояла перед Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) одна. Иосиф Виссарионович шагнул мне навстречу, пожал руку и улыбнулся:

– Здравствуйте, Людмила Михайловна!

– Здравия желаю, товарищ Главнокомандующий! Лейтенант Павличенко прибыла по вашему приказанию! Вот ваши книги: словарь и учебник, – я положила их на край длинного стола и снова вытянулась по стойке «смирно».

– Пригодились?

– Очень! Все-таки смогла говорить.

– Я слышал об успехе вашей поездки.

– Мы старались выполнить ваш приказ, товарищ Сталин! – я продолжала стоять навытяжку и, как предписывает Устав, смотреть в глаза высокому начальству.

– Да вы садитесь, – Иосиф Виссарионович указал на стул возле стола и сам сел напротив меня. – Говорят, по приглашению президента Рузвельта и его супруги вы неделю провели в их поместье «Гайд-парк»?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Возможно, этой осенью мне тоже придется встретиться с этим американцем, – Главнокомандующий поднес ко рту свою знаменитую трубку и сделал глубокую затяжку. – Расскажите, что

они за люди…

Не знаю, почему, но на этот раз я очень сильно волновалась.

Одно дело просить книги, другое – докладывать руководителю государства об итогах весьма непростой поездки. Ведь получилось, что главную ее задачу: всемерно способствовать открытию второго фронта – мы не выполнили, поскольку военные действия союзники в Европе так и не начали. Скорее всего, наша студенческая делегация смогла лишь оказать определенное влияние на общественные настроения в США, Канаде и Великобритании, вызвать сочувствие у простых людей к борьбе советского народа с фашизмом. Лидеры этих стран вели свою игру и особых симпатий к нашей стране не испытывали. Однако президент Рузвельт и его супруга, в отличие от господина Черчилля, показались мне людьми более искренними, честными, способными воспринимать чужую точку зрения.

Речь моя была сбивчивой, с длительными паузами. Иосиф Виссарионович не перебивал, но под конец постарался меня успокоить и ласково спросил:

– Почему волнуетесь, Людмила Михайловна?

– Ответственное дело – докладывать лично вам.

– Вы как будто не терялись на снайперском посту. Если бы вы так волновались на фронте, вас бы давно не было в живых.

– Это – совершенно несравнимые вещи, – тихо ответила я.

– А давайте сравним, – пошутил Верховный Главнокомандующий. – Расскажите-ка о вашей снайперской службе. О подготовке сверхметких стрелков, об их оружии, о тактике, которую вы применяли под степной Одессой и в горах у Севастополя. Наверное, в ней существовали какие-то различия?..

Я не ожидала, что Сталина так интересует наша воинская профессия. Он знал про ее особенности достаточно много. Его вопросы звучали по-деловому, очень конкретно. Отвечая на них, я действительно успокоилась, осмелела и решила выступить с просьбой. Просила Верховного Главнокомандующего о собственном возвращении на фронт.

– У вас есть контузии и ранения, – сказал Иосиф Виссарионович. – Почему вы снова хотите вернуться на передовую?

– Очень много потерь в этой войне, – ответила я. – Но ведь воевать кому-то надо. Вот я и хочу вернуться к своим боевым товарищам. У меня – знания и опыт. Так что шансов уцелеть больше.

Я видела, что мой ответ собеседнику понравился. Но заговорил он не сразу.

– Вам нельзя, – вдруг сделал вывод он. – Арифметику знаете?

Удивленная таким поворотом в разговоре, я кивнула. Сталин взял карандаш, придвинул к себе большой блокнот, который лежал на столе, и начал объяснять, как учитель в школе:

– Если поедете на фронт, убьете сто фашистов. Однако вас тоже могут подстрелить. А если обучите сто снайперов, передадите им свой бесценный опыт, и каждый из них застрелит хотя бы десять гитлеровцев – сколько будет? Тысяча. Вот вам и ответ. Вы здесь нужней, товарищ лейтенант…

Слова Главнокомандующего произвели на меня впечатление. Они имели под собой серьезное основание. Если в начале войны, согласно штатному расписанию Наркомата обороны, утвержденному в апреле 1941 года (приказ № 04/401), в каждом стрелковом полку насчитывалось всего 18 сверхметких стрелков, то теперь, после изменения армейских штатов в марте 1942 года, в полку следовало иметь 87 снайперов, в роте – 9, во взводе – 3. В Красной армии – сотни полков, стало быть, и число сверхметких стрелков уже измеряется не единицами, а десятками, даже – сотнями. Кто-то должен их обучать, и обучать качественно, быстро, умело.

Для всемерного развития в РККА снайперского движения срочно требовались квалифицированные наставники по меткой стрельбе. Поэтому в марте 1942 года в селе Вешняки под Москвой открыли Школу инструкторов-снайперов, впоследствии названную Центральной школой инструкторов снайперского дела (ЦШИСД). Но этого оказалось мало. Вскоре при ней создали трехмесячные курсы сверхметких стрелков, а с июля срок их обучения продлили до шести месяцев. В целом за период Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 год, в организациях Осоавиахима и Всевобуча (Всеобщего военного обучения без отрыва от производства), при военных округах в Школах отличных стрелков-снайперов (ШОСС), в армейских центрах обучения было подготовлено более 400 тысяч снайперов.

Немалое значение для пропаганды снайперского движения в советских войсках имела встреча группы фронтовых сверхметких стрелков в Кремле с И.В. Сталиным 28 июля 1943 года. Владимир Пчелинцев и я в ней участвовали. Кроме того, с разных фронтов в Москву приехали еще человек десять, имевших на боевом счету свыше 150 убитых солдат и офицеров противника. К сожалению, не помню всех по фамилиям. Но заметно выделялся среди них сибиряк Василий Зайцев, Герой Советского Союза, который отличился под Сталинградом, где за три месяца уничтожил 225 гитлеровцев.

Встреча прошла в деловой обстановке. Верховный Главнокомандующий просил нас прямо и откровенно

рассказывать ему о трудностях нашей службы, о наших просьбах и пожеланиях. Мы говорили о том, что нужно единоначалие: солдатами, обученными приемам сверхметкой стрельбы, должен командовать только один человек в полку, а не каждый комбат, комроты и проч. Не менее важно изменение в списке военно-учетных специальностей: пора внести в этот список слово «снайпер». Есть претензии к интендантской службе: во многих воинских частях снайперам вовремя не меняют летние, осенние и зимние маскхалаты, не выдают броневые щитки, которые помогают избежать тяжелых ранений, а порой – и смерти. Многие говорили о необходимом усовершенствовании винтовки Мосина: в частности, мешает – особенно новичкам – тугой спуск…

В начале августа 1943 года мне вручили приказ Резерва Главного Командования РККА, и я стала слушателем Краснознаменных стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел», факультет командиров батальонов. Курсы располагались в городе Солнечногорске Московской области, недалеко от озера Сенеж. Там повышали свою выучку офицеры, уже имевшие боевой опыт, часто – после излечения в госпиталях. Программа была напряженной. Занятия длились по 12 часов и по большей части проходили в поле. Изучали мы тактику современного боя стрелкового батальона, командование им в условиях, максимально приближенных к боевым, и очень досконально – ручное огнестрельное оружие, чем я, конечно, занималась с особым удовольствием. Три месяца интенсивных практических занятий, и мои однокурсники отправились на фронт: командовать пехотными батальонами. Я же после окончания факультета комбатов, где была единственной женщиной-слушателем, до мая 1944 года оставалась в прославленном и совершенно уникальном военно-учебном заведении на преподавательской работе в должности инструктора снайперского дела.

За годы Великой Отечественной войны подготовку на курсах «Выстрел» прошли около двадцати тысяч офицеров, примерно двести из них за выдающиеся подвиги в сражениях с немецко-фашистскими войсками удостоились звания Героя Советского Союза. Мое имя тоже значится в данном почетном списке, так как 25 октября 1943 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено это высокое звание.

Глава 18
Бронепоезд на запасном пути

Разгром гитлеровской Германии приближался.

После освобождения Киева в столицу Украины вернулся Киевский государственный университет, эвакуированный в 1942 году в Казахстан. Немцы нанесли КГУ большой ущерб: взорвали главный корпус, разграбили лаборатории и библиотеки разных факультетов. Но усилиями профессоров, доцентов и педагогов университет возобновил прежнюю деятельность в январе 1944 года, открыв занятия для студентов старших курсов. Я об этом узнала и поехала в город своей юности: хотела восстановиться на истфаке, сдать государственные экзамены, защитить дипломную работу, начатую еще до войны. Я подала рапорт командованию, и меня уволили из армии на год, для завершения высшего образования.

В октябре 1944 года, сменив гимнастерку на штапельное платье, спрятав в шкатулку свои ордена и медали, я стала студенткой пятого курса исторического факультета КГУ. Пришлось снова засесть за учебники, вспоминать основы марксизма-ленинизма, основы археологии, греко-римскую историю, историю СССР, сдавать зачеты и экзамены по русскому, украинскому языку и латыни. Ударить в грязь лицом было никак невозможно, ведь мне исполнилось 28 лет, я оказалась самой старшей студенткой на курсе. Правда, среди ребят-студентов находилось немало участников войны в возрасте от 25 до 30 лет.

В мае 1945 года, защитив диплом с оценкой «отлично», я вернулась в Москву, где мне еще раньше предоставили квартиру и где оставались моя мать Елена Трофимовна Белова и мой сын Ростислав. Дальнейшая моя служба протекала в рядах Военно-Морских Сил, я стала научным сотрудником Главного штаба ВМС, отдел истории флота. Фронтовые ранения и контузии давали знать о себе с каждым годом все сильнее. В июне 1953 года в звании майора береговой службы ВМС мне по болезни (инвалидность второй группы) пришлось уволиться в отставку с правом ношения мундира.

Однако офицерская пенсия – не повод сидеть дома и ничего не делать.

В сентябре 1956 года в Москве начал действовать Советский комитет ветеранов войны, руководящий орган Организации советских ветеранов войны (ОСВВ), объединяющей тысячи участников войн в разных областях и районах нашей страны.

Прошла первая всесоюзная конференция, на которой избрали президиум, председателя комитета (им стал Маршал Советского Союза А.М. Василевский), ответственного секретаря (Герой Советского Союза летчик А.П. Маресьев), бюро президиума, которое руководило работой постоянных общественных комиссий (организационной, международной, пропаганды, по делам инвалидов войны, по связи с образовательными учреждениями, по увековечиванию памяти погибших воинов). Я принимала самое активное участие в подготовке и проведении этого мероприятия и была избрана в состав президиума.

Мы начали планомерную работу по пропаганде славных боевых традиций Советской армии, часто встречались с молодежью в школах, техникумах, вузах, также бывали с поездками в воинских частях. Там нам охотно рассказывали о современных Вооруженных Силах СССР, приглашали на учения, демонстрировали новое оружие.

Печально было наблюдать, как снайперское дело, которое достигло в нашей стране небывалого расцвета в годы борьбы с фашизмом, постепенно угасает, сходит «на нет». Изменилась военная доктрина. В Министерстве обороны теперь считали, будто применение атомной бомбы избавит сухопутные войска от столкновений с противником на поле боя. После термоядерного взрыва, оставляющего после себя выжженную огнем пустыню, сверхметким стрелкам ни в кого не придется стрелять, враг исчезнет, как пыль. Оттого в середине 50-х годов ликвидировали многие снайперские школы и курсы, увольняли из армии опытных офицеров. Традиции в подготовке и обучении снайперов утрачивались. Например, в составе мотострелкового подразделения новый штат предусматривал наличие… ОДНОГО сверхметкого стрелка! Новый «Боевой устав Сухопутных войск» почти не упоминал о работе снайпера в ходе общевойскового боя. Видимо, авторы его полагали, что никакого серьезного влияния на исход сражения снайпер уже оказать не сможет.

Конечно, существовали и вскоре получили должное развитие воинские части специального назначения, которые должны вести боевые действия в лесах, горах, населенных пунктах, то есть там, где применение тяжелых вооружений просто невозможно. В подобных условиях поражение цели с первого выстрела порой играет поистине определяющую роль, способствует успеху всей операции.

Магазинная винтовка Мосина, верой и правдой служившая нам, уже в конце Второй мировой войны казалась многим устарелой, требующей модернизации. Попытки заменить ее предпринимались. В частности, и в 1945 и в 1947 годах

конструктор С.Г. Симонов представил свои варианты снайперской винтовки, созданные на основе его карабина «СКС», но оба образца имели существенные недостатки. В 1958 году Главное ракетно-артиллерийское управление выдало тактико-техническое задание на разработку новой 7,62-мм самозарядной снайперской винтовки. К исполнению его приступили три группы инженеров (для создания здоровой конкуренции и достижения лучшего результата).

Первой группой руководил знаменитый конструктор-оружейник Сергей Гаврилович Симонов, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии. Эти премии он получил за создание в 1941 году противотанкового ружья и в 1945 году – за создание самозарядного карабина «СКС-45». Также он являлся автором самозарядной винтовки «АВС-36», принятой на вооружение РККА в 1936 году. Мне встречалось это оружие в Севастополе. Но особенно популярно в войсках было противотанковое ружье Симонова с патронами калибра 14,5 мм. Оно пробивало броню средних немецких танков. Немало атакующих фашистских бронемашин остановили наши пехотинцы под тем же Севастополем, пользуясь ПТРС, которое имело характерный длинный ствол.

Конкурентами шестидесятипятилетнего Симонова, давно заслужившего всеобщее признание, выступали молодые инженеры. Это было новое поколение русских изобретателей стрелкового оружия. Они прошли армейскую школу, начинали свой трудовой путь на советских оборонных заводах с рабочих должностей.

Второй группой руководил Александр Семенович Константинов, инженер из города Коврова, работавший в конструкторском бюро под руководством Дегтярева, изобретателя легендарного ручного пулемета «ДП» (Дегтярев пехотный).

Третья группа приступила к выполнению задания несколько позже и трудилась в Ижевске на военном заводе «Ижмаш» под руководством Евгения Федоровича Драгунова. Он родился и вырос в этом городе, во время войны служил оружейником в полковой мастерской, превосходно знал ручное стрелковое оружие, затем вернулся на родной завод и стал известен как создатель интересных образцов спортивных винтовок.

С ним мы – Владимир Пчелинцев, Василий Зайцев и я – как раз и встретились в Ижевске, поскольку дирекция завода привлекла нас, бывалых бойцов, к участию в проекте в качестве консультантов. Мы этому несказанно обрадовались. Участвовать в создании новой, современной снайперской винтовки – большая

честь для практиков меткой стрельбы. Мы с энтузиазмом приступили к работе.

Как я уже сказала, первыми изделиями Драгунова были спортивные винтовки. Этот спортивный стиль он привнес и в проект своей «снайперки». Мы удивились, увидев на чертежах ее приклад так называемой «скелетной» конструкции (с пустотой посредине), да еще и с пистолетной рукоятью. Все-таки армейское оружие должно выдерживать гораздо большие нагрузки, чем спортивное, безотказно действовать в любых погодных условиях, быть удобным не только на огневой позиции, но и в походе.

Между тем в требованиях ГРАУ имелся ряд противоречий. Например, для улучшения кучности стрельбы все части механизма должны плотно прилегать друг к другу. Но в то же время большие зазоры между этими частями способствуют их стабильному взаимодействию при выстреле и заряжании. Для выполнения этих требований была необходима долгая и вдумчивая работа, которая шла в несколько этапов.

Так, на первом этапе, в 1959 году, коллектив Драгунова представил первый вариант винтовки, который удовлетворял достаточно строгим требованиям по кучности стрельбы. «Снайперка», подготовленная группой Симонова, тогда сразу выбыла из соревнования. Некоторое время две винтовки: Драгунова и Константинова – на сравнительных стрельбах и других испытаниях показывали примерно равные результаты. Однако в 1962 году специалисты Главного ракетно-артиллерийского управления остановили свой выбор на винтовке Драгунова.

Талантливый изобретатель смог решить практически все задачи, поставленные военными перед группой конструкторов. Много трудностей они преодолели. В частности, наиболее сложной оказалась разработка узла цевья, с виду простого. Примерно год трудились над усовершенствованием коробчатого магазина на десять патронов. Технологию изготовления высокоточного ствола создал И.А. Самойлов. Кстати тут пришелся и новый оптический прицел, гораздо более сложный, чем знакомые мне «ПЕ» и «ПУ». Разработанный А.И. Овчинниковым и Л.А. Глызовым прицел «ПСО-1» имел основной угольник на стрельбы дальностью до 1000 метров, шкалу боковых поправок с ценой деления «одна тысячная», дополнительные угольники для стрельбы на 1100, 1200 и 1300 метров. Все это способствовало лучшему и быстрому прицеливанию. Кроме него, винтовка снабжалась и открытым секторным механическим прицелом с прямой планкой. Правда, из-за высокого расположения приклада пользоваться им при стрельбе было не так удобно.

В 1963 году «СВД», то есть снайперская винтовка Драгунова, была принята на вооружение Советской армии. Считаю, что наши Вооруженные Силы получили отличное изделие с нормальным для пехоты весом в 4,52 кг (со снаряженным магазином и оптическим прицелом), длиной 1225 мм, боевой скорострельностью 30 выстрелов в минуту, дальностью прямого выстрела на 1300 метров с оптическим прицелом и на 1200 метров – с открытым. Принцип действия автоматики – использование пороховых газов, образующихся при выстреле. Но в отличие от «СВТ», затворная рама здесь не объединялась с газовым поршнем. Они, поршень и толкатель, выполнены как отдельные детали.

Дирекция завода «Ижмаш» оценила вклад сверхметких стрелков-ветеранов в создание нового снайперского оружия. Нам: Пчелинцеву, Зайцеву и мне – на торжественном собрании вручили почетные грамоты и подарки: каждому – по боевому пистолету ручной сборки и весьма оригинальной конструкции…

В эти годы доводилось ездить не только на восток нашей страны, в Удмуртскую АССР, но и на юг, в Крым, в Севастополь, давно ставший мне родным. В 1961 году в СССР отмечали двадцатилетие со дня начала Великой Отечественной войны. К этой дате был приурочен выпуск тематических номеров журналов и газет, публикация мемуаров военных деятелей, проведение научно-практических конференций. Для новых поколений советских людей подвиг нашего народа в борьбе с фашизмом оставался великой, неоспоримой ценностью.

Из Севастополя мне прислали приглашение на заседание научного совета Музея героической обороны и освобождения города, предложили подготовить доклад и выступить с ним на этом заседании. Оно состоялось 25 октября 1961 года. Длительность доклада (20 минут) и его тема: севастопольские снайперы в боях с немецко-фашистскими оккупантами – согласовывались заранее. Предполагалось, что материалы заседания будут опубликованы.

– У нас как-то принято часто и много говорить, что снайпер такой-то убил вражеского солдата или офицера, – я начала свое выступление. – А вот чего это стоило снайперу? Приходилось ли нам в последнее время обстоятельно говорить об этой серьезной и тяжелой фронтовой работе?..

Прежде всего, назвала тех сверхметких стрелков, кто не дожил до сего светлого дня: из 7-й бригады морской пехоты главстаршина Ной Адамия, Герой Советского Союза, из 456-го полка НКВД ефрейтор Иван Левкин, его однополчанин ефрейтор Иван Богатырь, также удостоенный звания Героя Советского

Союза. Были и те, кто погиб, не успев получить никаких наград, но способности к снайперскому делу проявлял большие. Например, юный севастопольский житель Юрий Федоренко.

Аудитория научного совета была специфической: сотрудники трех городских музеев, историки, ветераны второй обороны города. Этих людей ни в чем убеждать не требовалось, они про снайперов и так все знали. Но я рассчитывала на публикацию и потому решила говорить о тактике сверхметких стрелков на поле боя, об их психологической подготовке.

Ведь снайпер – не только и столько профессия. Это – образ жизни.

– В такой день, как сегодня, – я показала рукой на окно, за которым сияло южное октябрьское солнце, – снайпер встает в три часа ночи и выходит на снайперский пост к четырем часам утра. Снайпер обыкновенно сидел в нейтральной зоне, на ничейной земле, последнее боевое охранение – позади, впереди – гитлеровцы. Вы знаете, что линия ничейной земли в Севастопольском укрепрайоне была узкой, на отдельных участках – до 150 метров, а в основном – значительно у́же, поэтому приходилось быть в непосредственной близости к немцам. За день можно было сделать 5—10 выстрелов. А разве у них были плохие снайперы под Севастополем? Отличные были снайперы… Как-то принято думать, что мы друг друга обманываем веточками. Дело не в веточке. Подумайте, вы столкнулись со снайпером на своем участке фронта. Вам передают, что снайпер мешает, нарушает движение. Тогда дается приказ нашему снайперу снять вражеского, а для того, чтобы найти его, надо потратить двое – двое с половиной суток. И вот все это время снайпер работает один, наблюдатель уходит, потому что лишние люди – лишние жертвы и демаскировка.

Много способов приходилось применять, чтобы вызвать снайпера на огонь. Применяли стекло, жестянки – все, что было под рукой. У нас не было особых приспособлений, а когда обнаружишь снайпера, то начинается так называемая снайперская дуэль. Вы в прицел видите снайпера, его глаза, его цвет волос, но и он вас видит. Здесь все решает доля секунды. После такой снайперской дуэли человек на несколько часов выходит из строя, он настолько устает, что из него трудно что-либо еще выжать.

Мы добились того, что гитлеровцы не передвигались в дневное время по своим позициям. Но теперь фашистов надо было уже искать, чтобы уничтожить. Ведь каждый уничтоженный солдат или офицер вермахта – это психическое воздействие на врага. Значит, требовалось найти новый метод работы, и мы его нашли – снайперские засады. Уходили на 500–800 метров в тыл

противника. Идешь ночью, вроде бы на линии фронта спокойно, а кожа у тебя становится дыбом. В засады ходили только добровольцы, поскольку имелось мало шансов – не более десяти из ста, – что вернешься живым.

Приходишь в засаду часа в три ночи и дежуришь до восьми утра. Лежат три-пять снайперов, ведут наблюдение за врагом. Вот команда, и начинается снайперский налет, а вслед за ним крик. Гитлеровцы кричат, что напали партизаны. У них – паника, затем фрицы приходят в себя, и на нас летят десятки мин. Много было случаев, когда в засаде погибали мои товарищи. Но никогда мы не оставляли их тела у врага, выносили на руках.

Большую роль играли снайперы в бою. Когда отдается приказ наступать нашей пехоте, то надо прикрыть пулеметные ДОТы, и на это задание шел снайпер. За час или два до наступления снайпер выходит на нейтральную зону, подбирается к переднему краю врага и берет под огонь ДОТ, а взять под огонь ДОТ, значит – залечь напрямую перед ДОТом. Такие задания мы выполняли тоже.

При обороне Севастополя командование ценило высоко снайперов, и это было вполне заслужено нами.

Для того чтобы стать снайпером, важно не только метко стрелять. Важно другое – холодная ненависть к врагу, когда чувства подчиняются расчету. Здесь играет роль железная воля бойца. Снайперы с врага не спускали глаз ни днем, ни ночью, и часто бывало, что боевой журнал разведки проверялся по снайперским наблюдениям. Каждую кочку, каждый кустик перед своей позицией снайпер должен был знать наизусть.

Нервное напряжение, характерное для снайперской службы, как под Севастополем, так и на других участках советско-германского фронта, сказывалось на здоровье. Болезнь «реактивный невроз» – обычная вещь для сверхметких стрелков, если они длительное время не получали должного отдыха.

Помню первый слет снайперов Севастополя, созванный по инициативе генерал-майора Петрова, командующего Приморской армией. Он первый обратил внимание на тяжелые условия работы снайперов и приказал ввести для всех нас дополнительный сухой паек на снайперском посту – ведь горячий обед солдату туда не принесешь, обедали мы обычно поздно ночью. Петров также приказал давать нам еженедельно одни сутки на отдых.

Снайперское движение в Приморской армии пошло с реки Прут, в 25-й Чапаевской дивизии. Служил в те дни младший лейтенант Василий Ковтун, который перед войной кончил снайперскую школу. Когда на Прут пришло первое пополнение, мы, сверхметкие стрелки, собрались в его взводе. Смотрели на

него с завистью. У него был счет 50 убитых фашистов, у нас – по одному-два.

Нужно сказать, что когда снайпер возвращается к себе, он заходит в первый попавшийся блиндаж, иногда не хватает сил дойти до своего блиндажа, и каждый солдат и матрос считает долгом освободить место и сказать: отдыхай! Напоят тебя горячим чаем, а горячий чай готовится на бездымном порохе; каждый считал своим долгом облегчить нашу снайперскую жизнь.

Когда мы получали отпуск на одни сутки в неделю, мы приходили в Севастополь, то еще на подходе к городу нас встречали ребятишки. Бывает, что снайпер ходит-ходит и не имеет ни одного убитого – враг прячется, а тут получил отпуск, пришел в Севастополь – и первыми тебя встречают ребята. Кто-нибудь из малышей небольшого роста, иногда без штанишек, с мокрым носом очень важно задает вопрос: а сколько ты убил фрицев? Бывает, что не убил ни одного. Командиру объяснить можно, что фрицев нет. А попробуйте это объяснить ребенку. Отвечаешь: мол, фрицев не было. В ответ слышишь: ты плохо меня защищаешь.

Севастопольским ребятам стало известно, что у нас плохо с патронами, с боеприпасами, и я получила в подарок от ребят с горы Матюшенко рогатку. Спрашиваю: зачем? А мне говорят: снайперу нужно тренироваться каждый день, но у вас патронов мало. Не тратьте патроны, тренируйтесь с рогаткой. Вроде бы забавно. Но случай свидетельствует о том, что понимание нашего фронтового дела в городе-герое распространялось не только среди взрослых, но и среди детей.

Население Севастополя стремилось помогать бойцам Приморской армии во всем. В городе было трудно с водой, ее выдавали по норме. Я приходила в город и знала, что первая же встреченная мною женщина посчитает долгом отдать мне свою воду, постирать белье и одежду, предоставить для отдыха жилье, пусть даже самое скромное.

В том и заключалась мощь нашей обороны. Три силы: народ, армия и флот – собрались в единый кулак, громивший немецко-фашистских оккупантов 250 дней. Сегодня мы очень благодарны севастопольцам, которые не забывают о тех легендарных днях и поддерживают нашу былую славу. Защитники приходят и уходят, а Севастополь остается!..[35]

Снова и снова приезжая в город-герой (например, в мае 1964 года на двадцатилетие освобождения Севастополя, в мае 1965 года – на юбилей Великой Победы), я всегда ощущала особую атмосферу, царившую здесь. Для его жителей рассказы ветеранов о жестоком противостоянии с врагом не были пустым звуком.

Уничтоженный, сожженный немцами город возродился в прежней своей красоте, но его новые дома, улицы, площади, казалось, сохранили живую память о минувших сражениях. Наши выступления в школах и ПТУ, на предприятиях разного профиля всегда находили горячий отклик у слушателей. Мы видели, что и молодежь, и люди зрелого возраста немало знают о подвигах советских солдат и офицеров, совершенных на севастопольских рубежах в 1941–1942 годах, что даль времени не скрывает от них суть тех событий.

Потому особенно приятна была мне встреча с юными спортсменами, увлекающимися пулевой стрельбой.

Произошла она по инициативе директора городского тира СО «Динамо» Филиппа Федоровича Можаева. Старший тренер крымского отделения этого общества, заслуженный тренер Украины, мастер спорта СССР по пулевой стрельбе, он сначала обратился ко мне с письмом, в котором сообщил, что разработал Положение о городских стрелковых соревнованиях на приз Героя Советского Союза… Людмилы Павличенко и просил моего согласия на их проведение. «Почему бы и не провести?» – подумала я и дала положительный ответ. Ведь стрелковый спорт – отличное занятие для молодежи. Именно в секциях по пулевой стрельбе из винтовки или пистолета может проявить свои способности будущий сверхметкий стрелок.

Можаев по образованию был офицером, в 1944 году окончил с отличием Ленинградское стрелково-минометное училище, в годы Великой Отечественной войны заслужил орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Потом служба его протекала в Забайкальском военном округе, где майор Можаев тренировал армейских снайперов. После отставки Филипп Федорович перебрался в Севастополь. Как человек, всей душой преданный стрелковому делу, он и здесь организовал спортивную секцию, точнее – настоящий центр по стрелковой подготовке, спроектировал тир для него, затем добился претворения своего проекта в жизнь.

Тир находился в центре города: на Красном спуске, по дороге на железнодорожный вокзал, недалеко от площади Пушкина и от площади Ушакова.

Спортивное заведение отвечало самым высоким требованиям. Кроме самого тира с огневым рубежом и мишенями на 50, 25 и 10 метров (для пневматического оружия), в нем имелось два учебных класса, тренерская комната, оружейная комната-сейф с бронированной дверью, где в металлических шкафах хранилось до сотни винтовок и примерно 50 пистолетов, ящики с патронами. Все помещения разделялись между собой

металлическими решетками с замками, снабженными «тревожными кнопками», сигнализацией, выведенной в ближайшее отделение милиции. Ночью на дежурство в тире заступал сторож.

Материальное обеспечение, конечно, играет большую роль в любом деле. Но очень важно, чтобы у истоков его стоял человек честный, сведущий, инициативный, умеющий увлекать других. Филипп Федорович Можаев чем-то напоминал первого моего наставника, старшего инструктора киевской школы Осоавиахима Потапова. Наверное, поистине снайперским, спокойным и уравновешенным характером, блестящими способностями педагога. Учеников у него было много, причем – разных: и школьников, и студентов, и рабочих, и офицеров Черноморского флота. Всего он подготовил около ста мастеров спорта СССР, кандидатов в мастера спорта, перворазрядников. Его воспитанники успешно выступали на международных, всесоюзных, республиканских соревнованиях.

Собственные дети Можаева тоже ходили в тир, занимались пулевой стрельбой. Они стали мастерами спорта СССР: старшая дочь Елена – по стрельбе из винтовки, младшая дочь Ирина – по стрельбе из пистолета…

Посоветовавшись, мы с Филиппом Федоровичем решили начать городские соревнования на приз имени Героя Советского Союза Людмилы Павличенко со стрельбы из пистолета. Я тоже хотела встать на огневом рубеже, сделать один-два выстрела, так сказать, для почина. В последние годы короткоствольное оружие мне нравилось больше. Силы уже были не те, чтобы хорошо управляться с винтовкой.

В назначенный день в учебном классе тира собралось довольно много народа: не только участники соревнований, но и другие ученики Можаева. Я коротко рассказала о севастопольской эпопее. Ребята начали задавать вопросы. Их интересовали сугубо специальные темы: типы снайперских винтовок в годы Великой Отечественный войны и оптические прицелы к ним, способы маскировки, борьба со снайперами противника. По этим вопросам можно было сделать вывод о прекрасной теоретической подготовке членов секции. Сегодня под мирным небом Севастополя они – спортсмены, но завтра, если это понадобится для нашей страны, – фронтовые сверхметкие стрелки.

Затем участники встречи перешли в тир. Организованы соревнования были отменно. Никакой суеты, никакой спешки, все четко и планомерно.

Наиучший результат показала младшая дочь Можаева – Ирина, студентка четвертого курса севастопольского

Приборостроительного института. Она стреляла из пистолета Марголина, выполняла упражнения «МП-5» и «МП-8» (стрельба на скорость по круглым мишеням с расстояния 25 и 50 метров). Под аплодисменты присутствующих я вручила девушке почетный диплом. Потом мы с ней долго беседовали и гуляли по городу. Севастополь в мае 1970 года был так же красив, как в мае 1942-го: яркое солнце, голубое небо, синее море, а на Приморском бульваре – множество клумб с роскошными парковыми цветами: хризантемы, розы, гладиолусы, тюльпаны…

На следующий день мне довелось участвовать в торжественной церемонии зажжения Вечного огня на Сапун-горе, где находились здание диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», открытой более десяти лет назад, памятник и выставка военной техники Второй мировой войны. На Малаховом кургане утром, при большом стечении народа, состоялся митинг. Играл духовой оркестр, на морском ветру трепетали красные знамена, звучали речи о подвигах бойцов и командиров Красной армии, о стойкости, храбрости и мужестве тех, кто защищал Главную военно-морскую базу Черноморского флота от ударов фашистских орд, и тех, кто потом в ходе стремительного наступления разгромил гитлеровцев, выбил их из города-крепости. От Вечного огня, горевшего на оборонительной башне Малахова кургана, я зажгла факел и передала его в руки Героя Советского Союза Ф.И. Матвеева, участника освобождения Севастополя, гвардии сержанта 997-го стрелкового полка, штурмовавшего 7 мая 1944 года немецкие укрепления на Сапун-горе.

На бронетранспортере, в сопровождении почетного эскорта мы провезли факел по улицам Корабельной стороны, центральной части города и по проспекту генерала Острякова, далее – по Ялтинскому шоссе – и доставили его на Сапун-гору. Здесь, пронеся факел по центральной аллее мемориального комплекса, Матвеев зажег Вечный огонь в специальной нише у подножия обелиска Славы.

Перед отъездом в Москву я совершила еще одно путешествие по районам Севастополя. От причалов возле Графской пристани регулярно отправлялись небольшие катера. Они пересекали главную бухту и доставляли пассажиров на Северную сторону, в Инкерман и Михайловский равелин, в другие населенные пункты города у моря. На Северной следовало пересесть на автобус, который делал остановку у Братского кладбища. Путь недлинный, но для меня – особо значимый.

Главная аллея кладбища вела к холму и церкви Святого Николая. Хотя в районе у мемориала в июне 1942 года шли бои,

большая часть его красивых каменных надгробий, установленных еще в XIX веке, не пострадала. Церковь на холме, имевшая вид довольно высокой пирамиды, все также стояла запертой, с разрушенной вершиной, на которой когда-то находился крест. Мне пришлось обогнуть храм справа, спуститься с холма и выйти к северо-восточной стене кладбища, где находились могилы участников второй обороны Севастополя. Здесь все было просто и скромно, без монументов из черного и белого мрамора, без склепов с литыми металлическими дверями, без колонн с каннелюрами и бюстов героев на их вершинах.

Я положила букет красных гвоздик к памятнику, присела на деревянную скамью под акацией, чья крона закрывала всю площадку от лучей яркого солнца.

Удивительная, торжественная тишина стояла на Братском кладбище. Только птицы, пересвистываясь, порхали между туевыми деревьями. Только порывы ветра, иногда долетавшего с моря, шумели в зарослях шиповника. Только хрустальный небесный купол голубел над аллеями, тропами, могильными камнями воинского мемориала, отделенного от мира прочной и высокой стеной. Ничего не изменилось здесь с того времени, когда бойцы и командиры 54-го стрелкового полка хоронили младшего лейтенанта Алексея Аркадьевича Киценко, моего мужа и доблестного офицера.

Он пал на войне, невиданной по своей жестокости. Мы с ним вместе находились на линии огня, однако мне довелось дожить до Победы, ему – нет. Теперь, вспоминая те отчаянные дни, я думала, что нашему поколению выпало не только огромное испытание, но и великая честь. Мы сумели защитить страну. Кажется, что мы все родились, росли, учились и работали именно для этого – в трудный час грудью своей заслонить Отечество…

Москва – Севастополь

1967–1972 гг.

Иллюстрации

Снайперская винтовка Мосина с оптическим прицелом «ПУ» (прицел укороченный)

СВТ-40 с прицелом «ПУ»

Боец-снайпер 54-го стрелкового имени Степана Разина полка Л.М. Павличенко. Одесса, август 1941 г.

Генерал-майор И.Е. Петров.

Из фондов Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя

Людмила Павличенко на огневой позиции со снайперской винтовкой Мосина и оптическим прицелом «ПЕ». Севастополь, март 1942 г.

Из фондов Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ

ДИПЛОМ

СНАЙПЕРА-ИСТРЕБИТЕЛЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ПРИМОРСКАЯ АРМИЯ

Дан ст. сержанту Павлюченко Л. М.

в том, что он является снайпером-истребителем по уничтожению немецких фашистских оккупантов.

Тов. Павлюченко на „6" апреля 1942 г. уничтожил „257" фашистов.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ:

Командующий Армией генерал-майор Ив. ПЕТРОВ.

Член Военного Совета бригадный комиссар КУЗНЕЦОВ.

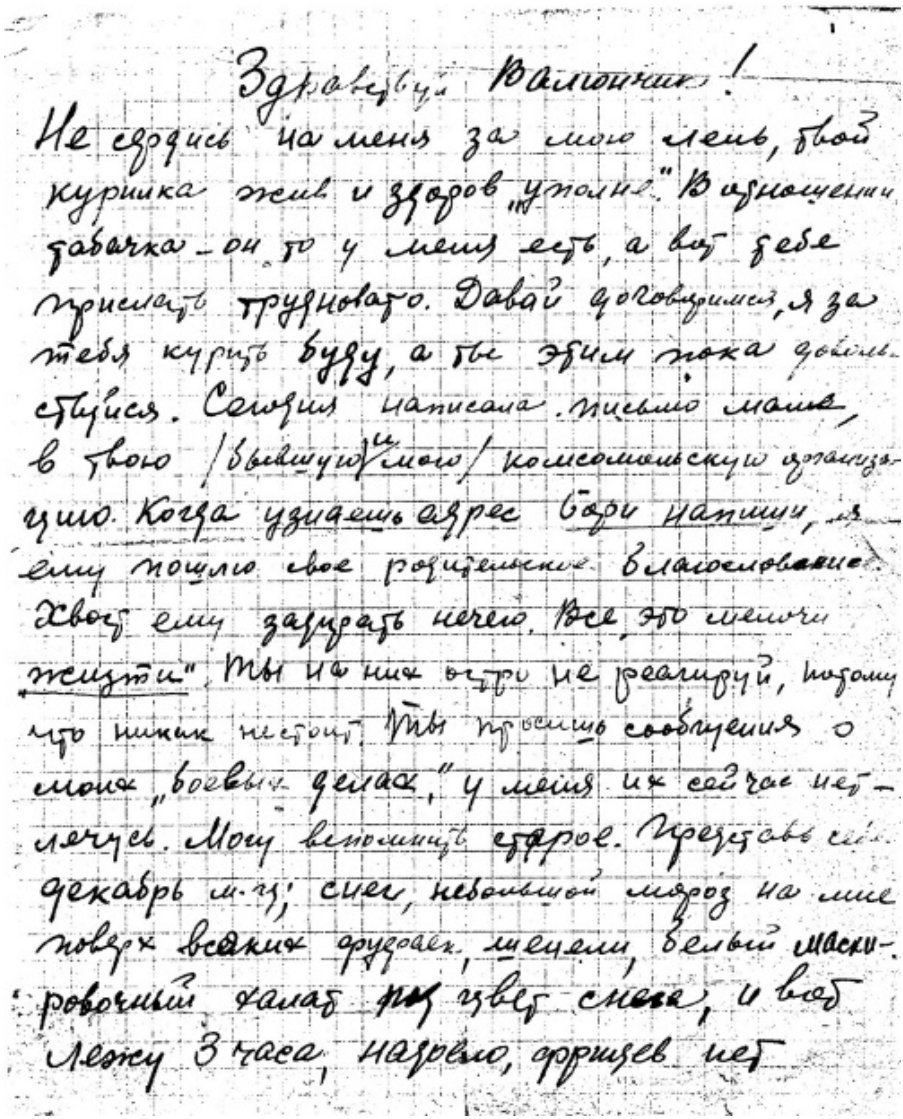
„7" „IV" 1942 г.

г. Севастополь.

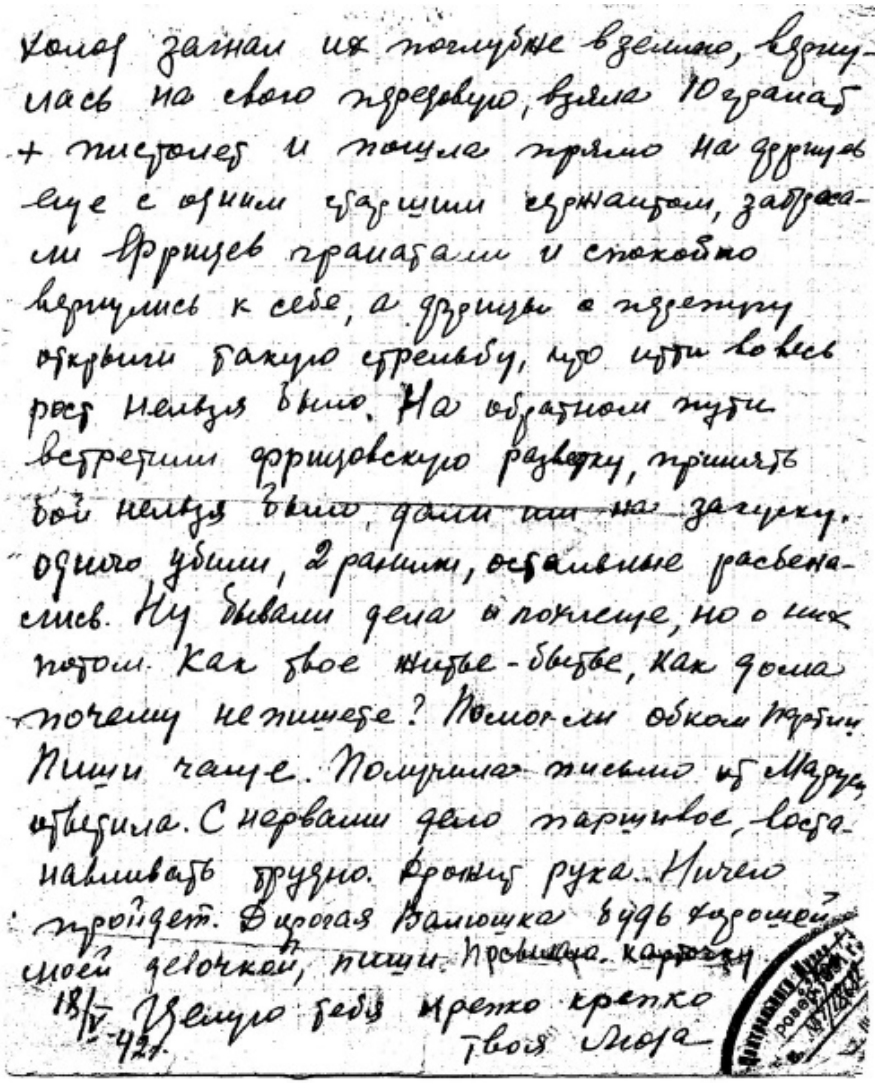
Диплом снайпера-истребителя, выданный Л.М. Павличенко 6 апреля 1942 г. Из фондов Центрального музея Вооруженных сил РФ

Старший сержант Л. Павличенко. Севастополь, март 1942 г.

Фонды Цент. Музея Воор. Сил РФ
№ 4/18682



Здравствуй Валюнчик!
Не сердись на меня за мою лень, твой курнока жив и здоров „упомя". В изношении табачка - он то у меня есть, а вот тебе прислать трудновато. Давай договоримся, я за тебя курить буду, а ты этим пока довольствуйся. Сегодня написала письмо маме, в твою /бывшую и мою/ комсомольскую организацию. Когда узнаешь адрес бати нашего, ему пошлю свое поздравление в благословение. Хвост ему задрать нечего. Все это мелочи жизни". Ты на них вовсе не реагируй, поэтому что никак не стоит. Ты просишь сообщения о моих „боевых делах", у меня их сейчас нет - лечусь. Могу вспомнить старое. Прекрасный декабрь м-ц; снег, небольшой мороз на мне поверх всяких фуфаек, шинели, белый маскировочный халат и кубанка снега, и вот лежу 3 часа, наверно, фрицев нет



Холод загнал их поглубже в землянку, вдруг-
лась на свою передовую, взяла 10 гранат
+ тисовец и пошла прямо на фрицев
еще с одним старшим сержантом, забро-
сали фрицев гранатами и спокойно
вернулись к себе, а фрицы с перепу-
ку открыли бакую стрельбу, что нам
рот нельзя было. На обратном пути
встретили фрицовскую разведку, пришлось
бой нельзя было дать так на закуску.
одного убили, 2 ранили, остальные расбега-
лись. Ну бывали дела и похлеще, но о них
потом. Как твое житье-бытье, как дома
почему не пишешь? Помогли обком партии
Пиши чаще. Получила письмо из Мары,
ответила. С нервами дело хорошее, посте-
пенно проходит. Дорогая Валюшка будь хорошей
моей девочкой, пиши. Крепко. Кардаш
18/V-42г. Целую тебя крепко крепко
твоя Люба

Письмо Л.М. Павличенко старшей сестре В.М. Беловойот 18 мая 1942 г. (окончание). Из фондов Центрального музея Вооруженных сил РФ

Младший лейтенант А.А. Киценко и старший сержант Л.М. Павличенко. Севастополь, январь 1942 г.

Из семейного архива Л.М. Павличенко

Младший лейтенант командир снайперского взвода Л.М. Павличенко со своими бойцами. 32-я гвардейская дивизия ВДВ, Московский военный округ. Август 1942 г. Из семейного архива Л.М. Павличенко

Смерть немецким оккупантам!

Доблестный снайпер Людмила Михайловна Павличенко

Верная дочь Ленинско-Сталинского комсомола, она вступила в ряды Красной Армии добровольцем в первые дни великой Отечественной войны.

Огнем своей винтовки Людмила Павличенко уничтожила под Одессой и Севастополем 309 немцев.

«Это самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьешь, то беды потом не оберешься», — писала она однажды своей матери.

Высокое воинское мастерство и отвага Людмилы Павличенко вдохновляют на подвиги тысячи снайперов Красной Армии — стахановцев фронта.

Воины Красной Армии! Истребляйте врагов так же беспощадно, как истребляет их Людмила Павличенко!

БЕЙ ВРАГА БЕЗ ПРОМАХА!

Когда я проходила по улицам Севастополя, меня всегда останавливали ребятишки и деловито спрашивали:

— Сколько вчера убила?

Я обстоятельно докладывала им о своей работе снайпера. Однажды мне пришлось им честно сказать, что я уже несколько дней не стреляла по врагам.

— Плохо, — в один голос сказали ребятишки.

А один, самый маленький, сурово добавил:

— Очень плохо. **Фашистов надо убивать каждый день.**

Он верно сказал, этот маленький суровый севастополец. С того памятного дня, когда фашистские разбойники ворвались в мою страну, каждый прожитый мною день был наполнен одной лишь мыслью, одним желанием — убить врага.

Когда я пошла воевать, у меня была только злость на немцев за то, что они нарушили нашу мирную жизнь, за то, что

Листовка «Бей врага без промаха». Из фондов Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя

Л.М. Павличенко с СВТ-40 за плечом. Севастополь, март 1942 г.

Фото из Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя

Бойцы и командиры Приморской армии, награжденные орденами и медалями. В первом ряду в центре: командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор Т.К. Коломиец, старший сержант 54-го полка Л.М. Павличенко, командующий Приморской армией генерал-лейтенант И.Е. Петров. Севастополь, апрель 1942 г.

Слева направо: Л.М. Павличенко, владелец чайной фабрики и активист благотворительной общественной организации «Russian War Relief» («Поддержка воюющей России») Дональд Браун, Владимир Пчелинцев в Балтиморе (США). Октябрь 1942 г.

Из семейного архива Л.М. Павличенко

Фотография, подаренная Элеонорой Рузвельт Л.М. Павличенко. Подпись справа наверху: «Младшему лейтенанту Людмиле Павличенко с теплыми искренними пожеланиями от Элеоноры Рузвельт».

Из семейного архива Л.М. Павличенко

Президент Чикагской ассоциации метких стрелков Дж. Мак-Кормик вручает Л.М. Павличенко сувенир – пистолет «Кольт М1911». Октябрь 1942 г. Из семейного архива Л.М. Павличенко

Л.М. Павличенко и офицер британских ВВС осматривают самолеты союзников на авиабазе в Шотландии. Ноябрь 1942 г.

Из семейного архива Л.М. Павличенко

Герой Советского Союза старший лейтенант Л.М. Павличенко. Москва, 1944 г. Из фондов Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя

Майор береговой службы ВМС Л.М. Павличенко. 1964 г.

Участники второй обороны Севастополя на юбилейных торжествах в честь освобождения города в мае 1964 г.

notes

Примечания

1

Здесь и далее статистические данные приводятся по книге: *Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А*. Легендарная Чапаевская. М.,1967.

2

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., 1966. С. 26–32.

3

Инженерные войска в боях за советскую Родину. М., 1970. С. 114.

4

Письмо Л.М. Павличенко старшей сестре В.М. Беловой датировано 27 августа 1941 года. В настоящее время находится в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации, фонд № 4/18680. (*Примеч. сост.*)

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., 1966. С. 81.

6

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 205.

7

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 135.

8

Совр. село Красноселовка Коминтерновского района Одесской обл. (*Примеч. сост.*)

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., 1966. С. 141, 143.

10

Совр. село Прилиманное Овидиопольского района Одесской обл. (*Примеч. сост.*)

11

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 137.

12

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 51–52.

13

Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. М., 1969. С. 20, 22.

14

Так погибла снайпер Т.Н. Барамзина, Герой Советского Союза посмертно. (*Примеч. сост.*)

15

Этот пистолет «ТТ» образца 1933 года, выпуска 1940 года за номером «ПА945», а также другие пистолеты («маузер», «кольт», «люггер-парабеллум», «браунинг») из личной коллекции Л.М. Павличенко находятся в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, фонд № 2/3776. (*Примеч. сост.*)

16

Сборник военных мемауров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 182–183.

17

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 203–204.

18

Совр. село Верхнесадовое в Нахимовском районе Севастополя. (*Примеч. сост.*)

19

Сборник военных мемуаров. У черноморских твердынь. М., 1967. С. 219–220.

20

Курительная трубка, кисет, два серебряных портсигара Л.М. Павличенко находятся в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, фонд № 2/3776. (*Примеч. сост.*)

21

Это – фрагмент из брошюры «Героическая быль. Оборона Севастополя», которую Л.М. Павличенко по заказу Госполитиздата написала в 1958 году. С. 23–25. (*Примеч. сост.*)

22

Этот фрагмент из публикации газеты «За Родину!» был воспроизведен в сборнике «Боевые звезды киевлян». Киев, 1977, очерк «Снайпер Чапаевской». С. 363. (*Примеч. сост.*)

23

Совр. село Верхнее Чернореченское Балаклавского района Севастополя. (*Примеч. сост.*)

24

Письмо Л.М. Павличенко матери Е.Т. Беловой датировано 15 марта 1942 года. Находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, фонд № 4/18681. (*Примеч. сост.*)

25

Документ находится в Центральном архиве МО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 612. (*Примеч. сост.*)

26

Документ предоставлен Государственным музеем героической обороны и освобождения Севастополя. (*Примеч. сост.*).

27

Госпожа Рузвельт, мы рады посетить вашу прекрасную процветающую страну. Много лет вы не знаете войн. Никто не разрушает ваши города, села, заводы. Никто не убивает ваших жителей, ваших сестер, братьев, отцов… (*англ.*)

28

My darling – моя дорогая, любимая, голубчик, прелесть, баловень (*англ.*).

29

Пожалуйста, проснитесь, моя дорогая. Мы – в Чикаго… (*англ.*)

Эта награда в настоящее время находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, фонд № 2/3776. (*Примеч. сост.*)

31

Все хорошо, моя дорогая. Пожалуйста, забудьте пока про господина Джонсона. Завтра мы улетаем в Лос-Анджелес… (*англ.*)

32

Моя дорогая, мы встретимся! Людмиле с великой любовью от У.П. Джонсона. (*англ.*)

33

Гертруда Пратт и Джой Лаш – функционеры «Международной студенческой службы».

34

Письмо находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ, фонд № 4/3761/15-38.

35

Полный текст доклада находится в Государственном музее героической обороны и освобождения Севастополя. (*Примеч. сост.*)